

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Воскресение

Нелли Торня. Молитва под дождём и Патриаршее
благословение.....3

Звезда над полем

К 65-летию ВАЛЕНТИНА ТКАЧЁВА 6

Поле зрения

В Россию? – В Россию! (о Государственной программе
переселения) Курская область 16

Николай Савостин. Правильные черты лица,
или когда жил я.....28

Пушкинская горка

Наталья Новохатняя. Вереск.....44

Casa mare

Александр Гриценко. Мухи.....53

Эхо XX века

Ольга Тиховская. Повязка № 861

Ольга Улицкая. Не всё сгорает...75

За межой

«Выдержать, вытерпеть, вымолчать слово...»
Уральские поэты.....80

Поле
притяжения

Светлана Мосова. Я ленивый студент
и гороховый шут.....96

Денис Башкиров. Пять писем 120

Взлётная полоса

Галина Емец. Моё космическое детство107
Леонид Поторак. И невозможно не оставить след .. 111
Пишите о Молдове! (О мастер-классе
 С.Василенко) **Д. Куприянова/Т.Орлова** 115

Пути-дороги

Татьяна Орлова. Корабль «Переделкино» 132

Поли-АРТ

Валентина Склярова. Людмила, русская душой... 140
Светлана Омельченко. Куда уходят музыканты..... 143

**Забвению не
подлежит**

Петр Шорников. Румынизация или депортация? 146

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова,
Сергей Пагын, Татьяна Орлова*

Литературный редактор и корректор – *Марина Попова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

Авторы и разработчики сайта Ассоциации русских писателей РМ
Александр Чельшев, Михаил Полевой

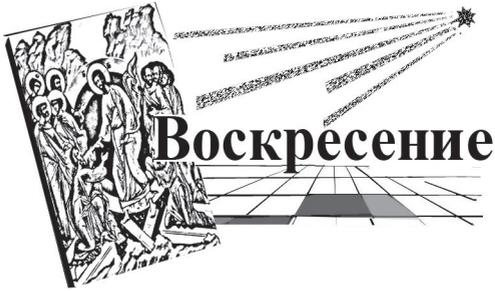
<http://www.arprm.com>

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Перепечатка материалов только с разрешения редакции «Русского поля»

© Русское поле, 2011

НЕЛЛИ ТОРНЯ

МОЛИТВА ПОД ДОЖДЁМ И ПАТРИАРШЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В октябре Молдову посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – с посланием мира и добра.

Это был визит года. Чрезвычайно важное событие в духовной жизни нашей страны, где всегда чтит православные традиции. Это был визит, согретый сердцем. Тонкие душевные струны отчаявшихся людей затронул этот образованнейший мудрый человек. Тысячи верующих пришли на службу к Кафедральному собору Рождества Христова, хотя день выдался холодным и ненастным. Какой же уместной и актуальной здесь была тема проповеди главного духовного пастыря – боль и страх. Мы нынче растеряны и напуганы, мы не понимаем, что происходит, почему нет согласия в верхах, почему мы так беззащитны перед временем и властью, почему нет движения вперёд. Страх поражает человеческую сущность. Мы многого боимся – заболеть, быть обманутыми, боимся потерь, одиночества, смерти. Человеком, живущим в вечной тревоге, легко управлять, он теряет свободу. Как же победить страх? Предстоятель Русской православной церкви ответил на этот вопрос. Когда мы живём с Богом, мы становимся сильными, у нас вырастают крылья, мы способны летать. А общество, изгнавшее Господа из своей жизни, обречено. Если вы не хотите, чтоб душа ваша погибла, будьте нравственны. Время от времени надлежит подвергать себя суду собственной совести. Самая большая проблема современного мира – кризис человеческой личности.

Почти три месяца в крае не было дождя, а с прибытием Святейшего Кирилла, словно небеса разверзлись. Под непрекращающимся ни на минуту ливнем, под зонтами в течение нескольких часов стояли кишинёвцы, пришедшие на божественную литургию российского патриарха. Надо было видеть эти прекрасные, задумчиво-усталые лица. Пожилая женщина неподвижно застыла с закрытыми глазами, и только губы её шевелились.

О чём, о ком так неистово молилась она, словно в забытьи – об ушедшем навсегда любимом, о взрослых детях, живущих на далёкой чужбине, о грядущем счастье для внуков?.. Мы все стояли рядом, плечом к плечу и, кажется, не ощущали пронизывающих до костей порывов ветра.

И пасмурное, сплошь затянутое осенними тучами небо... сияло над соборным парком. Особая служба эта похожа была на испытание, и люди выдержали его. Не случайно патриарх подчеркнул, что в Молдове самая благоверная и многочис-

ленная паства на всём постсоветском пространстве. Митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир подтвердил: в стране открыты сотни новых приходов, всего их сейчас 1300. На нашей земле действуют 42 монастыря, шесть епархий. Почти в каждом молдавском селе построена или восстановлена церковь. Пять книг Евангелие на молдавском языке в золотом окладе в дар нашей церкви преподнёс высокий гость. Два церковных хора спели ему здравицу «Мулць ань трэяскъ». Венцом литургии стало причастие исполняющего обязанности президента и премьера. Патриарх Московский и всея Руси пожелал молдавским политикам служения во благо человека, просил принимать решения, которые поддерживают люди. Духовное единство народа надо беречь, как зеницу ока, Молдове сейчас нужна консолидация всех народных сил, наставлял пастырь. От всего сердца вместе с рядовыми прихожанами молился глава русского православия о процветании Молдовы, о её будущем, её благополучии, об укреплении христианства на этой благодатной земле. Именно церковь помогла молдавскому народу сохраниться как нации. Православие – едва ли не главное сегодня условие выживания нашей маленькой страны. Духовное родство – поверх всех границ.

Визит предстоятеля Русской православной церкви – событие огромного значения ещё и потому, что в церковной жизни Молдовы намечился раскол между последователями Московской патриархии и так называемой Бессарабской митрополии Румынии. Приезд Святейшего Кирилла – огромный духовный и интеллектуальный заряд для церкви, мощная поддержка наших православных соотечественников.

И потому трижды безумны, нелепы заявления национал-либералов, звучавшие накануне и во время визита, – приезд патриарха Кирилла носит политический характер. Всерьёз озабочена Виталия Павличенко расширением российского влияния, эта госпожа договорилась даже до канонического отделения наших церквей от Московской Патриархии, тогда как три четверти верующих из 90 процентов жителей Молдовы, исповедующих православие, поддерживают именно её. Лидеры некоторых партий советовали руководству страны публично указать патриарху Кириллу на его место, он, мол, здесь не хозяин. Вот так заявления в демократическом обществе, в многонациональной стране! Сам святейший Кирилл заявил: «Я прибыл в Молдову не как посланник Российской Федерации. Я приехал сюда как патриарх к своей пастве, к своей церкви, чтобы помолиться и пообщаться с верующими». А какой стыд и позор – пикет горстки воинствующих унионистов у памятника Штефану чел Маре с развёрнутым плакатом «Бессарабия – румынская земля»... Жаль, что из-за этого дикого инцидента Святейший Кирилл не смог благословить молодожёнов у памятника молдавскому господарю, хотя эта трогательная церемония была в его намерениях и программе визита. Увидев протестантов, патриарх вынужден был изменить маршрут своего следования, поехал на Мемориал воинской славы. Возложил цветы к Вечному огню, пообщался с ветеранами Великой Отечественной, отслужил поминальную службу по всем павшим во Второй мировой войне. Говорят, российский патриарх никогда не произносит дежурных фраз, рассказывает в проповедях лишь о том, что сам увидел и пережил. Ему было важно пройти через человеческое измерение, нужно было лично услышать голоса верующих молдаван. Итогом его многочисленных встреч и бесед было искреннее заявление перед отлётом в аэропорту: паства Молдовы так же дорога его сердцу, как верующие России, Украины, Казахстана...

Маленьким пациентам столичной онкологической клиники Патриарх Московский и всея Руси подарил чудодейственную икону, копию той, исцеляющей, что хранится на Святой горе Афон, и рентгеновский аппарат. «Меня всегда пора-

жали глаза больных детей. В них какая-то удивительная мудрость. Обретена она через боль. Кто знает, почему Господь проводит людей через страдания, таков Божий замысел. Но если бы в мире не было страдания, человек перестал бы оставаться личностью», – размышлял философ, доктор богословия. Он обладает апостольским даром говорить с людьми, детьми на их языке. Весь жизненный путь вёл его к патриаршему престолу. В одном из интервью глава православия признался: « Рука Божия надо мной с детства. Всё, что случается со мною, я неизменно воспринимаю как волю Божию». Около тысячи церковно- просветительских передач записаны владыкой Кириллом на телевидении. И сейчас в сане патриарха он не оставляет своей миссионерской трибуны. Как замечательны его проповеди в защиту души и истины. Сколько людей пришли к вере благодаря его глубоким проповедям! А вот, к слову, его отношение к европейским ценностям: «Если мы будем последовательно осуществлять либеральные идеи в общественном сознании, то мы получим слабого человека, не способного защитить ни родину, ни ближнего».

Заливистым колокольным звоном встретил духовного наставника православных старинный, построенный ещё в 18-м столетии, недавно отреставрированный монастырь в селе Курки. Около тысячи верующих собрались со всей округи в ожидании благословения российского патриарха. Здесь хранителей веры православной он приветствовал с высокого крыльца, произнес проповедь: «Именно с возрождением веры связываем мы свои надежды. Научитесь сочетать молитву с образованием, трудом, наукой и тогда вы не повторите ошибок прошлого. Не может общество жить без благодатной поддержки свыше, жить без божественной истины». На службе присутствовал третий президент Молдовы Владимир Воронин. В монастыре Кирилл торжественно вручил ему высокую церковную награду – орден Святого Благоверного князя Даниила Московского 1-й степени за вклад в сохранение и приумножение православия, возрождение монастырей и храмов страны. Обновлённый монастырь стал символом православия в Молдове. Особое внимание в беседе патриарха и политика было уделено вопросам регистрации ислама в нашей стране и закону о недискриминации, открывающему дорогу для легализации сексуальных меньшинств, который справедливо не примет молдавское общество.

В Малом зале Дворца Республики в Кишинёве состоялась церемония вручения Святейшему патриарху Московскому и всея Руси высшей награды Молдовы Ордена Республики – за поддержание духовных и нравственных основ жизни. «Молдова и молдавский народ всегда будут в моём сердце», – сказал растроганный патриарх. Так хочется надеяться, что после посещения нас духовным пастырем хоть что-то в стране изменится к лучшему. Быть может, этот визит научит нас быть терпимее друг к другу, ведь мы – люди одной веры, граждане одной страны.

Святейший Кирилл благословил народ Молдовы. Пусть благословение это укрепляет нас в мужестве и терпении. Патриарх Кирилл молился о наших душах. Пусть молитва его будет услышана.

НЕЛЛИ ТОРНЯ – журналист, публицист, критик. Родилась 8 января 1955 года на Украине. Выросла на юге Молдовы. В 1977 году окончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работала редактором в издательстве «Тимпул», старшим корреспондентом в Гостелерадио Молдовы, позднее – в газете «Вечерний Кишинёв». С 1991 года – заведующая отделом культуры республиканской общественно-политической газеты «Кишинёвские новости». Член Союза журналистов СССР с 1978 года. Лауреат нескольких профессиональных конкурсов – Союза журналистов Молдовы, Программы развития ООН, Союза театральных деятелей, Союза музыкальных деятелей РМ, Республиканского Совета ветеранов. Публиковалась в Антологии «Современное русское зарубежье», в газете «Культура» (Москва), в журнале «Молдова».

ПАМЯТЬ

Звезда над полем

К 65-летию ВАЛЕНТИНА ТКАЧЁВА

...Его манера чтения стихов поражала. «Обыденный» голос исчезал. Звучали не то плач, не то заговор, – распевно и на такой раненой высокой ноте. Он читал и, казалось, что взгляд его, раздвигая стены, времена и пространства, прорывает истину...

Мало кто из современников Валентина Ткачёва так остро и болезненно предчувствовал надвигающиеся трагические перемены нового смутного времени. Мало кто вдали от России оставался верным ей без остатка, понимая призвание русского человека как вселенскую ответственность за сохранение человеческой души и долг перед Всевышним и своей землей:

*Не гордость, не вызов надменных кровей,
Не вычурность нрава,
А честное знание доли своей –
Поклажи и права.*

Мало кто столь страстно и последовательно обличал в своём творчестве оскудение духа, оголтелую жажду материального благополучия, глобальное наступление агрессивного мещанства, способного истребить всё живое на своём пути.

Говорить о Валентине Ткачёве и сегодня больно. Главное о себе он успел сказать сам. В стихах, интервью, в критических статьях (ибо любая критическая статья, прежде всего, – портрет критика), в предисловии к книге своих стихов, которое сегодня звучит своеобразным духовным завещанием. Нам всем очень важно услышать сегодня его голос.*

Олеся Рудягина

СОВЕСТЬ

Не в плечо, а в сердце отдаётся
Выстрел из житейского ружья.
И не раз в грядущем отзовется
Горькая неправедность твоя.
...И не просто мучает и давит,
Отторгая всякое вранье.
Совесть – это родины фундамент,
Это боль о будущем её.

* «Стихотворения Валентина Ткачева», изд. Парагон, Кишинев, 1996.

ОТ АВТОРА

Стихи я начал писать лет эдак в 15. Первое стихотворение опубликовал в многотиражной газете Воронежского медицинского института свыше тридцати лет назад. Первый сборник стихов выпустил в Кишиневе в 1975 году.

Единственной своей заслугой (если это вообще заслуга, а не норма для русского человека) я считаю то, что во все времена свое творчество всегда соотносил с православными духовными ценностями. Не могу сказать, что ортодоксально исходил из Православия. Нет, любое чувственное познание (а поэзия – метод такого познания) – это путь греха, никуда тут не денешься. Я ведь и не говорю «исходил», я говорю «соотносил», т. е. всегда знал, что эти ценности есть, они близки мне, жил в присутствии Православной Церкви, далекий свет идеала был доступен моим глазам и сердцу.

Говорят, что этическая сторона дела для поэзии не имеет никакого значения. Поэзия, мол, по ту сторону добра и зла. Но если она по ту сторону добра, стало быть, на стороне зла. А в русском языке слово «хорошо» значит и весит куда больше, чем слово «красиво». Нет, пытаются все-таки пренебречь живым и самостоятельно мыслящим русским языком и доказать, что «красиво» и «хорошо» – это одно и то же. И атомную бомбу можно исполнить в скульптурной форме Венеры Милосской и украсить драгоценными камнями. Беременную женщину можно затянуть в корсет так, что ее фигура станет ослепительно красивой. Но будет ли это хорошо?

Все клянутся именем Пушкина. Но как раз Пушкин и поставил себе в заслугу именно этическую сторону поэтического дела: «Что чувства добрые я лирой пробуждал...». Заметьте, не то, что великолепно аллитерировал двустишие «шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой», не то, что изобрел онегинскую строфу, и не многое другое, а именно «чувства добрые». И не надо опять вытягивать на свет пушкинскую пометку на полях: «поэзия выше нравственности...». Разумеется, выше. Но ровно таким образом, каким цветок выше земли, из которой растет. Да и нравственность не определяется длиной женской юбки, как многие думают. Нравственно все то, что в конечном счете ведет к укреплению и продолжению жизни на земле. Уничтожение нравственности – самоубийство человека и человечества.

Отсюда и задача, которая не формулировалась, но осуществлялась как жизненная необходимость: создать средствами поэзии этический фундамент для строительства того же храма поэзии. Вернуть понятиям их изначальный смысл. Образовать ту почву, из которой поэзия могла бы расти без опаски, что будет играть двусмысленную роль. Без опаски, что, заколдованная, не выкинет вдруг неожиданно для себя ядовитые стрекала в момент цветения, не окутается в такой момент ядовито-дурманном облаком. А для этого нужна здоровая почва, а не мировоззрение безродных чужаков и радиоактивный слеш*, «...и Слово было Бог», а не какая-то звуковая затычка.

Начиная с 70-х годов «передовое» мещанство повело целенаправленное и широкомасштабное наступление на все духовные ценности жизни. Я полагаю, что сейчас мы живем в эпоху победившего мещанства, которое отличается лишь колоссальным эгоизмом и способностью пожирать все вокруг. Поэзия и мещанство – кровные враги. Поэзия мещанства – это дизайн, высшая цель которого мягко и удобно облегать задницу.

Осуществляющаяся попытка лишить жизнь идеала – автоматически попытка отменить поэзию. Как нечто не только ненужное, но и вредное, раздражающее, мешающее «кайфовать» и «балдеть». Либо ставит ее в положение некоего словесного стимулятора, дающего дополнительный «балдеж».

Но русская поэзия не была и не будет служанкой, наркотиком, психотропным оружием. У русской поэзии («...и Слово было Бог»), как это ни удивительно для наших «передовиков», нет никаких союзников, кроме Православия. А потому полагаю, что мой творческий путь был в целом верным, ориентация правильной.

Поэзия – это момент истины, выраженный художественными средствами, это гармония мыслей, чувств, слово-звуков. Достижение такой гармонии предполагает возможность достижения ее и во всех остальных областях жизни. В этом глубоко пророческий смысл поэтического дела. А какой кирпич положил я в вечно строящийся храм поэзии – золотой или пластмассовый – это не мне судить.

Валентин Ткачев

* * *

Кто православный, тот и русский
Ф.М. Достоевский

Будет и горько, и колко,
Что же поделать, мой свет, –
Надо быть русским – и только,
Тут даже выбора нет.
Только уж не обессудьте
(Нас единит не мороз),
Надо быть русским по сути,
А не по месту, где рос.
И не широким, не узким
(Есть или нет борода),
Надо быть попросту русским
И человеком всегда.
На человеческом поле –
Там, где немало всего,
Надо быть русским –
Не боле,
Но и не мене того.
Как говорил достославный,
Тот, кто лепил, не деля:
Русский, он суть православный,
Всё остальное – земля.
Где бы меня не носило,
Помню я дело своё:
Незачем славить Россию,
Надо быть частью её.

РОССИЯ

Еще когда смотрел вблизи я
На деревянные дома
И кто-то произнес:
 «Россия».
И кто-то повторил:
 «Зима».
Мне виделись не власть мороза,
Не поклонение зиме
И не хрустальная береза
На голубеющем холме,
А человек несуетливый,
Высоколобый,
 У Кремля,
Который знает, что счастливой
Должна стоять его земля.
И он докажет вам, простые
И просвещенные умы, –
Россия – не зима,
Россия –
Преодоление зимы!

МАМА

Памяти Проценко Нины Николаевны

Во поле березонька стояла...
Занимаясь,
Радовался день.
Мама расстилала одеяло
И меня усаживала в тень.

А сама работать уходила,
 Чтоб картошка на зиму была...
Небо надо мною громоздило
Света голубые купола.
Проплывала облачная вата
Через всю небесную тетрадь.
Я сидел...
И было скучновато,
Потому что не с кем поиграть.
Я смотрел: вот божия коровка,
Подавая правильный пример,
Перешла
Ухватисто и ловко
Через ей поставленный барьер.
Меж травинок,

Явно незнакомых,
Жук угромоздился на постой.
Было много всяких насекомых
На земле, казавшейся пустой.
Пить хотелось...
Словно из подвала,
Бутылек из толстого стекла
Мама из-под кочки доставала.
Я все думал:
Как она нашла?
Или там они произрастают,
Или кто-то прячет их туда?
Прыгала из горлышка простая,
Чистая,
Веселая вода.
Солнце, уподобленное чуду,
На закат склонялося уже.
Я все думал:
Вырасту и буду
Жить на огороде, в шалаше...
Чтобы много воздуха и воли...
Чтоб со мной остались навсегда
Мама-небо, небо, мама-поле,
Мама – небо, поле и вода.

К ЧИТАТЕЛЮ

Давай начнем частушку эту
Каленым перышком скрипя:
Читатель, ты не друг поэту,
Зачем обманывать себя?
Когда, тоскуя о неспетом,
От явного отводишь взор –
Ты недоверчив, как инспектор,
Придирчив, словно ревизор.
И, обжигавшийся на пробах –
На подписях раздутых смет,
Конечно, ты у нас не промах.
Ну, а каков же сам поэт?
Не божий и не твой угодник,
И не подвыпивший гусар,
Поэт – не частный огородник,
Что вынес фрукты на базар.
Не тот, который по-другому
Все ту же выражает чушь,
Не пятки чешущий дракону
И не улавливатель душ.

Не барабанщик к важной дате,
 Не тот, который сладко врет.
 Он – проводник. Вергилий – Данте,
 А не простой экскурсовод.
 Я повторю заповку эту,
 В пристрелянный вступаю круг:
 Читатель, ты не друг поэту,
 Да и поэт тебе не друг.

Так, без гипноза, без внушенья,
 Без обожанья напоказ,
 Совсем другие отношенья
 Сегодня связывают вас.
 А недописанная ода
 Лежит на краешке стола...
 – Что, брат мой, нелегка свобода?
 – Да, брат, Свобода тяжела.

РАСПРОДАЖА

Всё, что здесь очертил окоём, –
 Продаём! Продаём! Продаём!
 Этот дом, этот сад, этот пай
 Покупай! Покупай! Покупай!
 Продаём на развес и живьём.
 Продаём, продаём, продаём.
 Перед тем, как податься в бега,
 Нам не надо уже ни фи́га.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ

– Всё ли спокойно в народе?

– Нет, император убит...

А.Блок

Словно лопнула линия троса:
 Бездна надёжность развеяла страх,
 ...Веры нет, император отрёкся,
 Да и родину вымели в прах.
 Я – последним солдатом увечным.
 Пехотинцем, а не на коне.
 Всё, что было бескрайним и вечным,
 Остаётся лишь только во мне.
 Никакого другого примера.
 Никакого посла к Небесам.
 Всё я сам: император и вера,
 Да и родина – тоже я сам.

* * *

На чужбине горек хлеб.
На чужбине – горек, горек...
Словно – из лимонных корок,
Будто – меж тюремных скреп.
На чужбине горек хлеб.

На чужбине чуток сон.
На чужбине – чуток, чуток...
И в любое время суток
Через малый промежуток
Колокольный слышен звон.

На чужбине есть вокзал
И железная дорога,
И бежит она далеко –
Через речки, между скал –
До родимого порога.

На чужбине есть луна.
Словно зеркало, туманна.
Отражает постоянно
То, чем занята она –
Дорогая сторона.

На чужбине жизнь проста:
Даже умный не сгодится.
Даже сильный не гордится.
Исчезаешь без следа,
Словно птица без гнезда.

* * *

Мать детей моих выйдет и встанет
На холме. А рябина горит!
Даже ветер, и если он занят,
Остановится-поговорит.

Молоко. Заходящее солнце.
Холодок. И видать далеко...
Луч найдёт и разгладит оконце,
И оно отзовётся легко.

Мать детей моих встанет и кличет,
И сама пламенеет в луче.
А у ног её кошка мурлычет,
И синица поёт на плече.

В хлебных сотах румяный калачик.
В мятном золоте дремлют рои.
...И бегут-и смеются, и плачут –
К милой матери-дети мои.

НЕ СТЕСНЯЙСЯ

Я живу в отживающем классе.
Но, сыночек, седлая коня,
Не стесняйся меня, не стесняйся.
Не стесняйся меня.

Я по чину поручик в запасе.
Но, сыночек,
Взлетев на коня,
Не стесняйся меня, не стесняйся,
Не стесняйся меня.

И пускай я последний в сберкассе.
Но, сыночек, пришпорив коня,
Не стесняйся меня, не стесняйся,
Не стыдись за меня!

Из стихотворной композиции

«Блики времени»

На мещанской волне

ЧИТАЯ БУНИНА

Поодиночке и толпою,
В кругу недремлющих друзей,
Они глумятся над тобою –
Над бедной родиной моей.

И непонятна ярость пыла...
Но таковы её дела:
Одних от смерти заслонила,
Других от голода спасла.

И хорошо неблагодарным
В их вечно детской правоте
Назло порывам легендарным
Страдать на сахарном кресте.

Мол, ты, культурная едва ли,
И сын твой-радостный простак –
Не так им блюда подавали
И низко кланялись не так.

Они забыли, что такое-
То ощущение холодка,
Когда державною рукою
Их возносило в облака.

Они спесивы, и лукавы,
И звонких мыслей господа,
Но высоты такой и славы
Им не увидеть никогда.

И остаётся им томиться,
Раздувши ноздри, поучать
И над святынями глумиться
Да всё обидами бренчать.

* * *

Я не слышал, как бьет канонада,
Год рождения – 46-ой.
Я не тронут осколком снаряда,
Я ударен взрывною волной.

Да-да-да!..
Незнакомый с войною,
Проникающей в детские сны,
Я ударен взрывною волною,
Исходящей от этой войны.

Улетают последние асы
В те края, где покойно всегда.
Доброты мировые запасы
Не восполнены. Вот где беда...

Невозможно, шутя и играя,
Жить от горя людского вдали,
Если ненависть все выгорает
И не может истечь из земли.

РЯБИНА

Нечасто и крупно рябила
Оранжевой силой огня
Резная, сквозная рябина –
Державное дерево дня.
И ковшики кованых гроздей
На фоне осенних зарниц –
Как будто бы красные гнезда
Летающих на подвиги птиц.

Скользящих в иные глубины,
Себя на крыло положа...
Но только рябины, рябины –
Посадочная полоса.

Рябина горит и в метели,
И с неба видна, и с земли,
Чтоб мы до нее долетели,
А те, кто не смог – доползли.

И сквозь холодящую просинь,
Над деревом этим кружа,
Летит и пристанища просит,
Пристанища просит душа.

НАУЧИ!

Всё лучшее раздарено и продано,
Душа закаменела до зари.
И с нами остаётся только родина
Да вурдалаки всё, да упыри.
Да маленькие дети-несмышлёныши,
Да облака летят над головой,
Да кустики дрожащие.
И что ещё?
Да вот ещё начальник и конвой.
Доколе, братья, горе нам испытывать
И слёзы твердокаменные лить?
Печалишься: «Как сына мне воспитывать?»
А научи по-русски говорить.
Не этим – телевизорно-пластмассовым,
Который с небесами незнаком,
А очень сокровенным и не массовым,
Не инвестиционным языком.
И речь родная, умная и стройная,
Сама его и выведет на свет,
А эта жизнь – дорога беспокойная –
Себе самой загадка и ответ.
Пусть говорит на русском вровень с дедами,
Пусть знает незаёмные слова.
А остальное сами всё доделают
Земля и небо, птицы и трава

ВАЛЕНТИН ТКАЧЕВ – поэт, критик и публицист, член Союзов Писателей СССР, Молдовы и России, был в числе инициаторов создания Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Родился 15 сентября 1946 г. в с. Красноармейское Донецкой области. Работал сотрудником республиканской украинской газеты «Гомін». Первая книга вышла в 1975 г. Стихи публиковали московские издательства «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Детская литература». Был первым редактором альманаха «Ларец» и газеты «Славянский мир». Лауреат Есенинской (Фонд славянской письменности и культуры) и Пушкинской (Посольство Российской Федерации и Конгресс русских общин в Молдове) премий. Автор сборников стихов: «Преодоление зимы», «Тяга земная», «Свет наш насущный», «Запретный плод», «Стихотворения Валентина Ткачева», «Меч любви»; книги литературной критики «Нелегкая стезя». Умер 11 ноября 2007 года в городе Резина.

В РОССИЮ? – В РОССИЮ!

«Русское поле» продолжает публикацию материалов, посвящённых реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Всё больше их, проживающих в государствах, заявивших о независимости 20 лет назад, серьёзно задумываются о возвращении к своим корням – возвращении на историческую родину, в Россию. Причин этому много. И политическая, и экономическая нестабильность в странах проживания, и, до поры крайних обострений, глухо тлеющие межнациональные противоречия, и, наконец, вызревшая за годы необходимость в самоидентификации.

За прошедшие шесть месяцев, при поддержке Посольства Российской Федерации и Российского центра науки и культуры в РМ Молдавию посетили делегации четырёх областей, включившихся в Государственную программу и готовых к приёму соотечественников.

Так, с 29 мая по 1 июня по приглашению Российского центра науки и культуры в Молдавии побывала делегация Воронежской области во главе с руководителем управления занятости населения Воронежской области Юрием Баем. 21-23 июня – делегация Нижегородской, представленная начальником управления по труду и занятости Министерства социальной политики Нижегородской области Ольгой Бронниковой и начальником отдела Министерства Верой Смольской. С 10 по 14 октября нашу страну посетила делегация представителей Смоленской области, в которую вошли первый заместитель начальника Департамента государственной службы занятости населения Смоленской области Владимир Полонников, начальник отдела профориентации и профессионального обучения Департамента ГСНЗ Юлия Окунева и ведущий специалист Департамента Павел Рутковский.

А 5 и 6 октября в Молдавии пребывала делегация Курской области: помощник губернатора Курской области Сергей Третьяков, председатель комитета по труду и занятости населения Сергей Малахов и его заместитель Владимир Воропаев.

В Российском центре науки и культуры представители областей России встречались с руководителем представительства Россотрудничества в Молдавии Валентином Рыбицким, сотрудниками консульского отдела Посольства Российской Федерации в РМ Ириной Марковой и Жовзан Зайналабдиевой. В этих встречах принимали участие активисты русских общин и общественных организаций соотечественников, представители регионов Молдавии, включая Приднестровье, и граждане Молдовы, желающие участвовать в Государственной программе переселения; были обсуждены возможности её реализации в Молдавии.

В обстановке неформального общения – а это в самом деле получался дружеский заинтересованный разговор – каждая из делегаций провела презентацию своей области. Демонстрация разнообразных информационных материалов и документального фильма знакомили присутствующих с историей края, с наиболее значимыми фактами жизни области и перспективами её развития, с судьбами конкретных людей, в том числе – выходцев из Молдавии, которые успешно участвовали в программе переселения.

Российские представители ответили на многочисленные вопросы соотечественников, которые касались таких аспектов, как уровень зарплат, решение жилищного вопроса, состояние социальной сферы; потребность в специалистах

в области сельского хозяйства, возможность трудоустройства и переквалификации, помощь молодым специалистам, развитие собственного бизнеса; сроки прохождения заявок, криминогенная обстановка в крае и многих других.

Во время проведения ознакомительных встреч с представителями российских областей несколько наших сограждан получили свидетельства участников Госпрограммы переселения в Курскую область.

В ходе визитов в Молдавию российские представители посетили города Комрат, Басарабьяска, Дрокия и Бельцы, где провели ряд встреч с руководством местной администрации и членами русских общин этих городов. Были обсуждены и вопросы дальнейшего сотрудничества, в том числе между областями России и регионами Молдавии, которое реально в плане обучения молдавской молодежи в вузах области, помощи российской стороны в восстановлении памятников, связанных с историей России.

Мы попросили ответить на наиболее часто задаваемые нашими согражданами вопросы **Сергея Николаевича Малахова**, председателя комитета по труду и занятости Курской области.

– Уважаемый Сергей Николаевич, сколько человек на сегодняшний день воспользовались возможностью и прибыли в Курскую область с момента включения области в работу Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом? Из каких стран наблюдается особый приток?

– Курская область включилась в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в январе 2009 года, первый переселенец прибыл в июне этого же года.

На 1 декабря текущего года заявления на участие в программе подали более 2,7 тыс. человек, прибыло 2460 человек. Основными странами выезда являются: Украина, Молдова, Армения.

– Я часто беседую о программе с моими согражданами. Среди них бытует упорное мнение, что на местах никого не ждут. Что людям, прибывшим по программе в Россию, невозможно ни устроиться на работу, ни получить гражданство. Даже реплики якобы «администрации» озвучиваются, вроде подобной: «Мы вас сюда не звали. Вот тот, кто позвал, пусть вас и устраивает!». Люди серьёзно опасаются сниматься с места, хотя очень многие видят в этом свое единственное правильное решение в сложившейся ситуации. Как Вы прокомментируете подобные опасения?

– Мнение, что у нас никого не ждут, – неверное. Тогда для чего же у нас в области принята программа? Соотечественников у нас ждут и стремятся оказать им поддержку по максимуму. Так, с целью их трудоустройства, а мы стремимся к трудоустройству всех прибывших переселенцев, в нашей области ежемесячно формируется банк вакансий для потенциальных участников программы. В данный банк включены в большинстве своем труднозаполняемые за счет местного населения вакансии. Среди них много вакансий, для которых необходим опыт работы и высшее образование.

На этапе заполнения анкеты соотечественники указывают ту вакансию из банка вакансий, которая подходит ему по его профессиональным качествам

и при согласовании кандидатуры переселенца в решении уполномоченного органа Курской области по реализации программы указывается конкретное рабочее место с указанием уровня заработной платы и срока бронирования.

Многие переселенцы трудоустраиваются именно на эти рабочие места, а многие после прибытия даже не приходят к работодателю по различным причинам (низкая заработная плата, тяжелые условия труда, удаленность от областного центра и др.), т. е. соотечественнику нужно было просто переселиться, неважно на какое рабочее место, и в дальнейшем он подыскивает себе работу самостоятельно. Но самостоятельно – не значит без чьей-либо помощи.

В любом случае, трудоустроен соотечественник или отказался от предварительно подобранного рабочего места, он и трудоспособные члены его семьи имеют право в соответствии с программой, и об этом написано в каждом положительном решении уполномоченного органа, обратиться в центры занятости населения Курской области по месту регистрации, где им будут искать работу. В том случае, если в течение 10 дней работа не будет найдена, переселенца поставят на учет в качестве безработного с выплатой пособия по безработице и возможностью переобучения под любую востребованную на рынке труда Курской области профессию за государственный счет с получением стипендии во время обучения.

Справка: За время реализации программы в центры занятости Курской области обратилось 243 человека, из них направлено на обучение, переобучение, повышение квалификации 22 человека, поставлено на учет в качестве безработных граждан 96 человек, 44 из которых снято с учета в связи с трудоустройством, один человек открыл собственное дело. Общая сумма затрат составила около 700 тысяч рублей.

Против утверждения, что здесь никто и никому не нужен, говорят цифры: на данный момент из всех прибывших трудоспособных переселенцев трудоустроено около 85%. Остальные или прибыли в последнее время, или поставлены на учет в центрах занятости населения, не работают по собственному желанию и т. д., т. е. трудностей с трудоустройством практически не возникает, а если у кого-то и возникают проблемы, они обращаются в уполномоченный орган – комитет по труду и занятости населения Курской области, где им помогают решить и этот вопрос.

Что касается получения гражданства Российской Федерации, то все переселенцы в приоритетном порядке могут его получить в течение не более 6-и месяцев при наличии регистрации, хотя длительность данной процедуры в большинстве своем зависит от самого переселенца.

По этому вопросу также сами за себя говорят цифры: из всех прибывших соотечественников гражданство Российской Федерации получили уже более 50% переселенцев.

– Другая, если можно так выразиться, фобия. Люди считают, что работу можно получить самую неквалифицированную. Что представители умственного труда, творческих профессий, интеллигенция из стран ближнего зарубежья России не востребована. Насколько это соответствует действительности?

– То, что нам не нужна интеллигенция – неверно, еще как нужна. Банк вакансий Курской области на 22% по количеству рабочих мест состоит из вакансий, на которые требуются работники с высшим образованием, а по разноо-

бразию профессий – на 31%. Так что данное утверждение не соответствует действительности. Более того, в том случае, если работодатель отказал соотечественнику, имеющему высшее образование, в предварительном согласовании на конкретное, указанное в анкете рабочее место, уполномоченный орган территории вселения совместно с центром занятости населения подыскивают ему другое рабочее место. Отказов соотечественникам с высшим образованием у нас практически нет, за исключением случаев, когда соотечественник в процессе беседы с ним по телефону отказывается от подобранного для него другого рабочего места.

– Какие профессии наиболее востребованы?

– В области формируется и постоянно обновляется банк вакансий для соотечественников, который ежемесячно направляется в ФМС России и далее в представительства ФМС России за рубежом, в том числе и в Молдавию.

Банк вакансий постоянно расширяется как по количеству вакансий, так и по перечню профессий и должностей. Если в январе текущего года в банк было включено чуть более 200 рабочих мест, то на 20 ноября текущего года – 754 вакансии.

Наиболее востребованы такие специальности, как:

- водители различных категорий, но более всего – водители пассажирских перевозок категории «Д»;
- врачи различных специализаций, медсестры, санитарки, ветврачи, ветеринары;
- учителя, воспитатели;
- каменщики, монтажники, бетонщики, сборщики ЖБИ-изделий, электрогазосварщики, арматуристы, машинисты кранов;
- менеджеры, контролеры, риэлторы, операторы, швеи;
- агрономы, механизаторы, доярки, скотники, а также разнорабочие и подсобные рабочие.

В том случае, если соотечественник не подобрал себе вакансию из банка вакансий и указал в анкете только сведения об образовании, стаже работы и желаемую работу, уполномоченные органы территорий вселения совместно с центрами занятости населения подыскивают ему вакансию из общих вакансий, существующих на данный момент в центрах занятости населения Курской области. Чаще всего удается найти подходящую вакансию и согласовать на нее анкету. В результате – отказов в согласовании анкет всего 11% за всю реализацию программы, а по 2011 году – 7%.

– Есть ли возможность у вновь прибывших заняться индивидуальной трудовой деятельностью? Какой процент переселенцев на месте прибытия открыли собственное дело, существует ли такая статистика?

– Многие соотечественники уже на первоначальном этапе согласования анкеты указывали, что хотят открыть собственное дело после прибытия в Курскую область в качестве участников Государственной программы, так как программой Курской области предусмотрена дополнительная гарантия по оказанию финансовой поддержки переселенцам, изъявившим желание заняться предпринимательской деятельностью.

На данный момент предпринимательской деятельностью занимаются около 1% переселенцев, в том числе 1 соотечественник получил финансовую поддержку на открытие собственного дела в размере 117,6 тысяч рублей.

– Как чувствует себя в Курской области молодая семья? Существуют ли проблемы с родовспоможением, детскими дошкольными учреждениями?

Проблем у молодой семьи, в том числе и с родовспоможением, и детскими дошкольными учреждениями, не существует, поскольку они решаются, едва возникнув.

Государственную поддержку молодые семьи получают в рамках подпрограммы «Государственная поддержка молодых семей в улучшении жилищных условий на территории Курской области на 2011–2015 годы» областной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы», утвержденной постановлением Администрации Курской области от 18.02.2011 г. № 65-па.

Кроме того, программой Курской области предусмотрено предоставление переселенцам услуг в рамках компенсационного пакета, определенных Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.01.2007 г. №1 «О компенсационном пакете участнику Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

В числе данных услуг:

- услуги в сфере здравоохранения, в том числе скорая медицинская помощь при осложненной беременности и родах, амбулаторно-поликлиническая – диспансерное наблюдение беременных, стационарная помощь – при патологии беременности, родах, в период новорожденности, стационаро-замещающая помощь – в дневных стационарах, когда не требуется постоянного наблюдения врачей;
- услуги в сфере образования, в том числе – общедоступность и бесплатность дошкольного образования.

В ходе реализации программы всем переселенцам для получения медпомощи выдается полис обязательного медицинского страхования, все переселенцы, нуждающиеся в детских садах, получили места для детей, не смотря на то, что в некоторых территориях вселения существует очередность получения места в детском дошкольном учреждении для местного населения.

– А куда поступают выпускники школ и гимназий, существуют ли профтехучилища? Есть ли у ребят возможность получать высшее образование?

– Выпускники школ и гимназий Курской области имеют широкий выбор профессий, которые они могут получить в учреждениях высшего и среднего профессионального образования.

В Курской области насчитывается:

- учреждений высшего профессионального образования – более 30-ти, в том числе 1 академия, 3 университета.
- учреждений среднего профессионального образования (профтехучилищ) – более 40.

Участники Госпрограммы и члены их семей могут обучаться во всех учебных заведениях Курской области на равных условиях с гражданами Российской Федерации, независимо от получения гражданства Российской Федерации.

– Я видела вашу презентацию, и она убедительно показала, что в Курской области с прибывающими из ближнего зарубежья на постоянное место жительства соотечественниками работают очень вдумчиво и бережно. Но случаются исключения? Не секрет, что зачастую люди, лукаво пользуясь программой, приезжают, вовсе не рассчитывая остаться в точке прибытия, рвутся поближе к столицам – Москве и Питеру. Что вы можете сказать в связи с этим о приезжающих в Курскую область?

– Практически все прибывшие в рамках программы соотечественники остаются жить и работать в Курской области. Из 2,7 тыс. человек убыло 9 человек (7 участников и 2 члена семьи), что составляет 0,3% от общего количества прибывших. Причины убытия уважительные: по состоянию здоровья, к месту жительства супруги (супруга) в другие регионы Российской Федерации и пр.

Статистики по убившим в Москву или Санкт-Петербург у нас нет, поскольку для убытия в эти или другие регионы необходимо сняться с регистрационного учета в Управлении Федеральной миграционной службы по Курской области. На данный момент таких переселенцев нет, кроме упомянутых выше 9 человек.

– Сегодня везде не слишком спокойно. Как обстоят дела с национальными отношениями в Курской области? Есть ли опасность межэтнических столкновений? Как себя чувствуют на Курской земле люди, прибывающие из национальных республик, которые не всегда являются этническими русскими?

– Прибывшие из национальных республик переселенцы чувствуют себя на нашей земле хорошо, так как у нас постоянно осуществляется информационное сопровождение Государственной программы, направленное на выработку толерантного отношения как местного населения к переселенцам, так и переселенцев к местному населению.

В результате работы, проводимой Администрацией Курской области совместно с Управлением Федеральной миграционной службы по Курской области и Управлением Министерства внутренних дел по Курской области, с момента начала реализации программы в Курской области не было выявлено ни одного случая межэтнических столкновений.

Уполномоченные органы территорий вселения также оказывают помощь прибывшим соотечественникам не только в трудоустройстве, но и в обустройстве, в том числе: встреча по приезде, первичное размещение, получение контейнеров с имуществом, получение медицинского полиса, прохождение первичного медицинского освидетельствования, оформление детей в детские сады и общеобразовательные школы, что также оказывает непосредственное влияние на скорейшую адаптацию и интеграцию переселенцев в наше принимающее общество.

Что касается «не всегда русских», то в рамках программы в Курскую область прибывают в большинстве своем как раз соотечественники, не являющиеся русскими по национальности. Большинство прибывших – это армяне, украинцы, узбеки, таджики, молдаване и другие, менее многочисленные национальности.

Хочу сказать, что в Курском крае предпринимается все возможное для возврата соотечественников на их историческую родину.

– И последнее. Что лично Вы, Сергей Николаевич, больше всего любите в Вашем крае?

– Родину, как и мать не выбирают. А моя малая Родина – Курский край, соловьиный край с лесами полными дичи с красивыми водоемами полными рыбы,

заповедными степями с куропатками, курскими черноземами, историческими памятниками.

У этой земли своя история, долгая, древняя, уходящая вглубь веков, здесь я родился и приобрел самое дорогое, что у меня есть: родителей, семью, детей, друзей и любимую работу.

– Огромное спасибо, Сергей Николаевич, за то, что в очень плотном графике нашли время для подробного интервью.

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Самое раннее упоминание Курска в письменных источниках, в частности, самом замечательном памятнике древнерусской литературы – «Житии Феодосия Печерского», созданном летописцем Нестором, относится к 1032 г. Куряне неоднократно оказывались на переднем крае судьбоносных для Руси сражений. В начале XVII века Курский край с честью отражал атаки и осады интервентов, в 1612 г. оказав существенную поддержку второму ополчению под руководством князя Д. Пожарского и К. Минина. А в июле-августе 1943 года на Курской дуге под деревней Прохоровка произошло величайшее сражение Великой Отечественной войны – знаменитая битва на Курской дуге. В кровопролитных битвах с обеих сторон принимало участие более 1200 танков и самоходных орудий. Именно это сражение во многом предредило исход всех военных действий под Курском и Орлом летом 1943 г., что привело к стратегическому перелому во Второй мировой войне а, в итоге, к Великой Победе советского народа над фашистской Германией.

*

Курская область расположена в центре Европейской части России, на юго-западных склонах Среднерусской возвышенности. Расстояние до Москвы 536 километров, до Черного моря – 700. Область граничит с Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областями. Климат умеренно континентальный, благоприятен для ведения сельского хозяйства. Средняя температура

января минус 7,7–9,5, июля плюс 18–19 градусов. Регион богат водными ресурсами бассейна рек Днепр и Дон.

В области немало полезных ископаемых: железная руда, доломиты, медно-никелевые руды, бокситы, фосфориты, торф, сапрпель.

Одним из главных источников развития экономики являются черноземы. На территории Курской области расположен Центрально-Черноземный государственный природный заповедник имени профессора В.В. Алехина. Здесь находятся степные участки, которые являются единственным в мире эталоном никогда не паханной человеком луговой степи на черноземах.

Большая территория области покрыта смешанными и хвойно-широколиственными лесами, часть из которых является источником сырья для промышленного производства.

В области отмечается устойчивый рост выпуска продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности.

Основу экономики составляет промышленное производство. Развитый производственный комплекс включает в себя более 800 крупных и средних предприятий. Наиболее крупные промышленные центры – города Курск, Железнодорожск, Курчатов, Рыльск, Льгов, Суджа и Щигры.

В области функционирует многоотраслевой агропромышленный комплекс зернового, свеклосахарного и животноводческого направления.

На территории области находится более 4 тысяч объектов культурного наследия – памятников археологии, архитектуры и искусства, около 400 памятников боевой славы. Далеко за пределами Курской области известна Коренная пустынь, которая является третьим по значимости духовным центром России. Здесь в 1295 г. Была обретена чудотворная икона Божией Матери «Знамение» Курская – Коренная.

Здесь ежегодно проводится Курская Коренская ярмарка, которая с каждым годом собирает все большее число участников из многих регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

На территории Курской области находится уникальный памятник культуры и архитектуры «Марьино» – бывшее имение князей Барятинских.

На Курской земле родились русский поэт Афанасий Фет, художник Александр Дейнека, скульптор Вячеслав Клыков; писатели: Аркадий Гайдар, Константин Воробьев, Евгений Носов, композитор Георгий Свиридов.

В областном центре работают три театра, широкая сеть библиотек, картинная галерея им. Александра Дейнеки, краеведческий и археологический музеи, филармония и другие учреждения культуры.

Областной целевой программой по оказанию содействия добровольному переселению в Курскую область соотечественников, проживающих за рубежом, определены 9 территорий вселения: г. Курск, Курский район, Курчатовский район, г. Льгов, Льговский район, г. Железнодорожск, Железнодорожский район, Октябрьский район, г. Щигры. Все территории вселения отнесены к категории «Б».

Переселенцам, прибывшим в Курскую область в рамках Государственной программы, предоставляются медицинские, социальные услуги, услуги в сфере культуры, образования, занятости.

В случае необходимости переселенцам предоставляется возможность профессионального переобучения и повышения квалификации в соответствии с ситуацией на рынке труда, с выплатой стипендии, выплачивается пособие по безработице, оказывается консультационная и материальная помощь пересе-

ленцам, изъявившим желание заняться предпринимательской деятельностью, а также предоставляются субсидии на оплату ЖКУ и социальная поддержка. В качестве основного механизма постоянного жилищного обеспечения во всех территориях вселения Курской области предусматривается участие участников Государственной программы или членов их семей в Областной целевой программе «Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Курской области на 2005–2011 гг.» независимо от проекта переселения с предоставлением долгосрочных ипотечных жилищных кредитов. Переселенцу может предоставляться жилье непосредственно работодателем на условиях договоренности между переселенцем и работодателем.

* * *

Административным центром области является город Курск, где располагаются органы государственной власти области.

На территории области насчитывается:

5 муниципальных образований, наделенных статусом городского округа: г. Железногорск, г. Курск, г. Курчатов, г. Льгов, г. Щигры;

28 муниципальных районов (27 муниципальных образований со статусом городских и 480 – со статусом сельских поселений);

В регионе представлены 14 религиозных исповеданий, представители которых проводят свою деятельность в рамках 335 зарегистрированных религиозных организаций. Из них: 279 – Русская православная церковь, 1 – Украинская православная церковь, 9 – Русская православная старообрядческая церковь, 9 – Древлеправославная церковь, 1 – Римско-католическая церковь, 1 – Ислам, 2 – Иудаизм, 16 – Евангельские христиане-баптисты, 2 – Христиане веры евангельской – пятидесятники, 6 – Адвентисты седьмого дня, 2 – Новоапостольская Церковь, 2 – Свидетели Иеговы, 1 – Сознание Кришны (Вайшнавья), 4 – иные вероисповедания. Имеется 7 монастырей, 1 духовная образовательная религиозная организация.

Территории вселения

Территория вселения «Город Курск»

Город Курск – административный, промышленный, культурный и научный центр Курской области.

Экономика города представляет собой многофункциональный комплекс, в котором осуществляют деятельность более 11 тысяч хозяйствующих субъектов.

Основными видами экономической деятельности являются: производство машин, электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство пищевых продуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; химическое производство. В городе Курске развита сеть железнодорожных и автомобильных дорог, внутри города действует аэропорт, осуществляются пассажирские перевозки.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства города обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Здравоохранение города представлено широкой сетью медицинских учреждений областного и муниципального подчинения: 5 стационаров полного профиля, городская больница скорой медицинской помощи, 10 специализированных больниц и родильных домов.

Основу системы муниципального образования в Курске составляют 63 до-

школьных образовательных учреждений, 80 школ и специализированных образовательных учреждений разного типа.

Экономика Курского района представляет собой многофункциональный комплекс, в котором осуществляют деятельность более 662 хозяйствующих субъекта.

Основным видом экономической деятельности является сельское хозяйство.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства района обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Здравоохранение района представлено муниципальными учреждениями здравоохранения района, а также медицинскими учреждениями области и города, ввиду близости расположенности Курского района к областному центру.

Основу системы муниципального образования в районе составляют 6 дошкольных образовательных учреждений, 43 школы и специализированных образовательных учреждений разного типа.

Территория вселения «Щигры»

Щигры – город областного подчинения, центр Щигровского района Курской области. Расположен в северо-восточной зоне области, в 60 км от Курска на Щигровско-Тимской гряде Среднерусской возвышенности между реками Щигор и Лесная Плота.

Экономика города представляет собой комплекс, в котором осуществляет деятельность 241 хозяйствующий субъект.

Основными видами экономической деятельности города являются машиностроение и металлообработка, производство муки, крупы и комбикормов и др.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства района обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Систему здравоохранения города представляют одна больница и один ФАП.

Система образования города Щигры включает в себя 4 общеобразовательных 4, дошкольных образовательных учреждения, 3 учреждения дошкольного образования.

Территория «Курчатовский район»

Курчатовский район расположен в центральной части Курской области. Районный центр удален от области на 45 км. Район расположен на южном склоне Среднерусской возвышенности, на севере района проходит Фатежско-Льговская гряда, на юге – Обоянская гряда. Граничит с Льговским, Коньшевским, Фатежским, Октябрьским, Большесолдатским районами.

В производственном потенциале Курчатовского района одним из ведущих видов экономической деятельности является сельское хозяйство.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства района обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Курчатовский район характеризуется развитой инфраструктурой, которая включает в себя автомобильные и железные дороги. Основу транспортного обеспечения развития экономики Курчатовского района составляет автомобильный транспорт.

Сеть лечебно – профилактических учреждений района представлена 2 больницами, 17 ФАПами.

В районе существует сеть общеобразовательных учреждений (12 средних и 5 основных школ), одна школа интернат, сеть учреждений культуры и здравоохранения.

ранения, 3 дошкольных образовательных учреждения. Наиболее инновационно-активным проектом является «Строительство Курской АЭС № 2, «Строительство энергоблоков №№ 5,6 Курской АЭС», строительство мусоросортировочного комплекса в г. Курчатов».

Территория вселения «Октябрьский район»

Расположен район в центральной части Курской области, на севере граничит с Фатежским, на востоке с Курским, на юге с Медвенским, на западе с Курчатовским районами.

Протяженность Октябрьского района с севера на юг 70 км, с запада на восток 32 км.

Районным административным центром является п. Прямыцыно.

Основными видами экономической деятельности в районе являются производство строительных материалов, переработка продуктов сельского хозяйства и животноводства.

Система образования района представлена 3 основными школами, 13 средними общеобразовательными, 4 детскими садами, ДЮСШ, ДЮЦ.

Система здравоохранения включает в себя городскую больницу, 25 ФАПов.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства района обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Территория вселения «Железногорск»

Город Железногорск является центром одноименного района и расположен на северо-западе Курской области, является городом областного подчинения, расположен на расстоянии 120 км от областного центра г. Курска и в 90 км от г. Орла.

Основным видом экономической деятельности является добыча полезных ископаемых.

Систему здравоохранения города представляют 2 городских больницы, 1 МСЧ, амбулатория ОАО «МГОК», 1 родильный дом, 1 КВД.

Система образования представлена 15 школами (7 – общеобразовательных, 2 лицея, 2 гимназии и другие), 20 детсадов.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства города обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Железногорский район расположен в пределах Средне-Русской возвышенности на северо-западе Курской области в северной агроклиматической зоне России, в 120 км от города Курска. На севере территория граничит с Орловской областью.

Основными видами экономической деятельности района являются сельское хозяйство, переработка продукции сельского хозяйства.

В районе функционирует 25 образовательных учреждений, в том числе: 1 начальная школа, 2 основных, 15 средних школ, а также 6 дошкольных образовательных учреждений и одно учреждение дополнительного образования (Центр детского творчества).

Систему здравоохранения Железногорского района представляют: Центральная больница в сл. Михайловка, 4 врачебных амбулатории, 33 ФАПа.

Дополнительно сельское население района обслуживает и терапевтический корпус городской больницы г. Железногорска.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства района обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

Территория вселения «Льгов»

Город Льгов является административным центром Льговского района Курской области, расположен в 85 км к западу от Курска.

Основные виды экономической деятельности города: пищевая, машиностроение, металлообработка, деревообработка, переработка продукции сельского хозяйства.

Систему образования представляют 3 средних специальных учебных заведения, шесть школ: пять средних общеобразовательных школ и 1 Система здравоохранения города представлена центральной больницей, узловой больницей, коррекционной школой – интернатом.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства города обеспечивают потребителей всеми видами коммунальных услуг.

В настоящее время Льгов является крупным железнодорожным узлом, состоящим из трех отдельных железнодорожных станций.

Льговский район расположен в западной части области, граничит с Кореневским, Рыльским, Хомутовским, Курчатовским, Большесолдатским и Суджанским районами.

Основным видом экономической деятельности района является сельское хозяйство.

Систему образования района представляют 30 школ, из них: 13 средних, 9 основных, 8 начальных.

Медицинское обслуживание осуществляют одна городская больница, железнодорожная узловая больница, 3 амбулатории, 37 ФАПов, 1 Дом сестринского ухода.

В области продолжается реализация приоритетных национальных проектов «Образование», «Развитие агропромышленного комплекса», «Здоровье», «Достойное и комфортное жилье – гражданам России».

Приняты и реализуются областные целевые программы, которые связаны с нацпроектами и федеральными целевыми программами: «Достойное и комфортное жилье – гражданам России в г. Курске», «Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Курской области» на 2005–2011 годы (в том числе подпрограммы: «Переселение граждан Курской области из ветхого и аварийного жилищного фонда», «Обеспечение жильем граждан из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «Государственная поддержка молодых семей в улучшении жилищных условий на территории Курской области»), и другие.

Интервью и материалы рубрики подготовила *О. Рудягина*

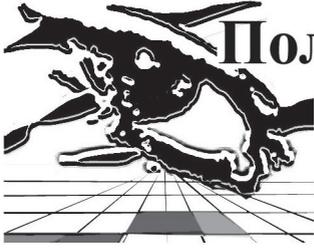
Дополнительная информация:

<http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/intterritory/detail.php?IBLOCK=121&ID=40028>

<http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/5d7/reglament.doc>

<http://fms.kursk.ru/otzivgp.html?start=5>

<http://www.ruvek.ru/?module=regions&action=view&id=23>

Поле зрения

*27 декабря 2011 года старейшему русскому литератору Молдовы – известному поэту, писателю, публицисту, общественному деятелю, ветерану Великой Отечественной войны
Николаю Савостину
исполнится 85 лет!*

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ!
*Ваш вклад в культурное наследие народов СССР и Молдавии,
в сокровищницу русской литературы – неоспорим!*

*Здоровья, здоровья, осуществления задуманного, новых книг, вдохновения,
радости общения и тепла близких!
Долгих Вам лет!*

Редакция «РП»

НИКОЛАЙ САВОСТИН

ПРАВИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЦА*, или КОГДА ЖИЛ Я

Лирическая хроника

«На утлой ладье возвращается в гавань старик»

Ф. Шиллер

СКАЗКИ И ЖИЗНЬ

В далеком-далеком забайкальском селе я, девятилетний мальчик, оказался один среди чужих людей. Причем – очень нелюдимых и озлобленных. Время было такое. Мы были приезжие из центра России, чужаки среди забайкальских казаков, в прошлом живших на отшибе от центра довольно привольно и теперь полагававших, что тяжелые времена, репрессии, колхозы и прочие невзгоды тех далеких годов пришли из европейской части, от нас, «кацапов» или «хохлов» – все равно. Да, я оказался совершенно один в чужой избе, где наша семья снимала комнатку. Отец мой, прораб, соорудивший строения первой во всем районе МТС, вдруг запил, увлекся молоденькой учительницей. Начались нелады в семье. Вмешалось начальство, учительницу срочно перевели в какое-то отдаленное село, отец неделями пропадал из дома, словом, мать не выдержала и, оставив меня на время с отцом, уехала в районной центр, чтобы там обосноваться и потом забрать меня. А отец совсем сошел с ума – оставив хозяевам избы денег, чтобы те кормили меня и следили за моей учебой в школе, исчез, как провалился... Из раз-

* Продолжение. Нач. см. «РП» №1, 2010.

говоров хозяев между собой я узнал, что отец пропадает у своей «казнобы», что она беременна и у меня скоро будет братик или сестренка...

Отлично помню этих людей, взрослых, по какой-то причине не любивших меня. Им доставляло удовольствие изводить меня разговорами о том, какие плохие мои родители, как дорого обходится еда, которой они меня кормят. Кроме всего прочего, их видимо, выводило из себя то, что я учился очень хорошо, не напрягаясь, а испытывая удовольствие, много читал, их же трое детей ходили в школу из-под палки. Я буквально голодал, хозяйева ели отдельно, мне же приносили в мой закуток почему-то в эмалированной кружечке пшеничную кашу. Я был (и до сих пор остался) болезненно застенчивым, не смел ничего просить...

Соседские бабы горевали над моей судьбой, и однажды одна из них зазвала меня к себе, когда я шел из школы. Прослезившись, она погладила меня по голове и предложила: «Поезжай, парень, к матери. Завтра утречком едет мой муж в Оловянную, захватит тебя, место в кузове найдется».

До районного центра поселка Оловянная было полторы сотни километров. На полutorке, которая в дороге возле села Чиндант поломалась, мы добирались трое суток. Надо ли говорить, как измотался я, голодный, промерзший, одетый в пальтишко, когда все мои спутники были в шубах. Иной раз в кузове какой-нибудь спутник прикрывал мне ноги поллой дохи. Ночевали на полу на соломе в какой-то избе, когда все садились есть, я выходил на улицу, чтобы не выдать голода и не выглядеть попрошайкой...

Но все это было лишь вступлением в настоящую беду. Когда приехали в Оловянную, я с трудом нашел дом по адресу, оставленном мне матерью, – там жили какие-то едва знакомые люди. Вошел, предвкушая материнскую радость, тепло, избавление от всех моих страданий. Хозяйева обедали, глава семьи, с «калининской» бородкой смуглый мужик в черной косоворотке с белыми пуговицами, недовольно поднял на меня глаза: «Чего тебе?» Я сказал, что приехал к матери. «Так она уехала за сыном, наверно, за тобой, милок, вон ее дверь, ее замочек, а ключ забрала с собой». Помолчав, он снова принялся хлебать щи, вся остальная семья – дети моего возраста и поменьше, их мать, тонкогубая и чем-то недовольная, по всей видимости, после только что произошедшей ссоры, время от времени бросали на меня любопытные взгляды. Наконец хозяин, облистав ложку, откинулся на спинку стула: «Ну и чего стоишь у двери? Иди себе». Из-за спазмы в горле я едва вымолвил: «Куда же мне идти?» «А я знаю куда? Дуй на станцию, на вокзале тепло. А мать приедет, скажем, где тебя искать...»

Что там дальше он говорил, я не слышал, вышел и, сдерживая себя, чтобы не хлопнуть дверью, что показало бы, что я обижен, закрыл ее вежливо, тихо-тихо...

День я провел на ногах, стараясь убить время, обошел поселок, и, наконец оказался у дверей районной библиотеки – сами ноги привели меня сюда. Именно в этом месте мне было не так одиноко и тоскливо. И это было к счастью. Напротив библиотеки было самое оживленное здание той поры – «РАЙЗО» – земельного отдела райисполкома, куда съезжалось чуть не ежедневно в эти предвесенние дни деятели колхозов, и надо же, один из мужиков, вылезая из подъехавших саней и выпроставшись из огромной дохи, окликнул меня. Я оглянулся вокруг, не веря, что обращаются ко мне. Да, окликнули именно меня. Ко мне подошел длинный, уса́тый, как Максим Горький, мужчина, и я в нем узнал председателя колхоза, с которым дружил мой отец и который одно время почти каждый вечер бывал у нас. Даже фамилию его помню – Пляскин. Он с удивлением стал расспрашивать,

как я оказался здесь один. Мой рассказ его расстроил и растрогал, он вынул из-за пазухи бумажник, дал мне пятерку, указал на бревенчатый опрятный дом, от которого несло невыразимо вкусным дымком: «Вот столовая, иди хорошо поешь, возьми себе щи, второе какое-нибудь, попей чайку вволю. Тут тебе хватит. А мне надо на заседание. Приходи часа через два, как-нибудь устроим тебя».

Тут надобно сказать, что обходя поселок, я долго стоял у витрины книжного магазина, прочитал заголовки всех выставленных книг, и одна привлекла меня особенно – большого формата, с картинкой во всю обложку, озаглавленная «Сорок небылиц»...

Я, полный свежего и горячего чувства благополучия, светлых надежд, был крайне скуп в столовой и тот час ринулся в книжный магазин. Оставшиеся деньги, которых хватило бы хоть как-то кормиться до приезда матери, я без раздумий безрассудно отдал за «Сорок небылиц» и тут же у прилавка впился в них. Это были узбекские народные сказки. Я оказался в волшебном мире невероятных приключений героических молодцов, сражающихся с отвратительными злодеями, в сияющем и благоухающем ореоле верной любви красавиц, чудес, творимых магами и чародеями... Это была первая в моей жизни самостоятельная покупка и первая неприятность из-за литературы: оторвавшись от книги, я с удивлением увидел, что на улице уже темно. Естественно, Пляскин уже уехал, не дождавшись меня. Но я, ободренный и насыщенный колдовской лирикой, мечтами, жаждой жить и увидеть со временем весь цветной, ароматный, звучащий музыкой чудесный и безбрежный мир, пришел на вокзал, где облюбовал скамейку в углу, поближе к печке, и, не замечая ни холода, ни замусоренной бесприютности окружающего пространства, провел ночь почти счастливый.

Мать нашла меня спустя два дня – с красными от слез глазами, высохшая и измочаленная от страдания, она смеялась и всхлипывала одновременно...

ПРОХОЖИЕ

Вышел из аптеки, заломило спину, присел на бордюрок. Мимо шла молодая женщина с девочкой, которая, держась за ее руку, обиженно ревела. Как раз напротив меня они приостановились – женщина, склонившись к ребенку, утешала дочку. Смотрю, с верхней части города проходит полный, румяный старик в старомодном пальто, еще более древней шапке-ушанке; весь засветившись лаской, стал утешать: «Такая хорошая девочка, а проливаешь слезы. Утри глазки, ну, улыбнись».

В это время снизу поднимался обремененный сумками дед в модной синей куртке китайского производства и каракулевой шапке пирожком. Он тут же склонился к плачущей девочке: «De se plîngi, micuțo? Ca frumușico!» (Отчего плачешь, маленькая? Красавица! – *молд.*). Вынул из кармана карамельку, протянул ей.

Я не знал, какой язык она понимает, и это не имело никакого значения.

Она умолкла, переключилась – развернула потертую в кармане старика обертку конфетки, еще по инерции всхлипывая...

Все внутри меня озарилось счастливым открытием: смотри-ка, есть местечко, где готовы в одном тоне объединиться разные языки. Есть, есть у всех нас общее, то, что не может не вызвать нежность...

И забыл о своей боли в пояснице – так это было ободряюще хорошо.

КОТЯТА

Много чего привелось мне встретить в моей уже длинной жизни. Какие трагедии, драмы, какие вселенского масштаба события, встречавшиеся мне в былом, как бы отодвинулись в темные чуланы памяти, куда мучительно заглядывать. Заглянешь, а потом с трудом вылезашь из ощущения безысходности, словно из навязчивого кошмара. А эти два котенка возникают перед моим мысленным взором пятнышком света, приливом нежности, утешая, убаюкивая тревоги во время мучительной бессонницы...

В давние годы я купил домик на тихой улице большого села над Днестром, пожалуй, единственный здесь русский, я крепко подружился с соседями, завел верного друга-фронтовика из местных крестьян, который наставлял меня, как вести приусадебное хозяйство, помогал сажать яблони, вишни, сливы, черешни, ореховые деревья, кусты смородины и прочее. Эти два с лишним десятилетия были самыми счастливыми годами моей судьбы.

Особая дружба была у меня с соседскими детишками. Они нередко кувыркались на газонной травке у меня во дворе, так как у всех дворов сплошь засеяны и засажены. Возвращаясь из поездки в город, я привозил им сладости. А когда в ненастную пору я оставался один, – жена в такое время предпочитала жить в городе – соседки подкармливали меня, приносили чорбу (суп), мамалыгу...

Однажды детишки подарили мне двух маленьких котят. Один был черного цвета, – моя жена-молдаванка назвала его Агиуца (фольклорный забавный чертенок). Другого, с белой полоской вокруг шеи, называли Гулераш – по-русски Воротничок. Они, маленькие, были так милы, так игривы, так привязаны ко мне, что, просыпаясь ночью, я находил их спящими рядом на моей подушке. Как ни наивно это покажется, – на их милых мордочках я угадывал мысль.

Утром я садился за письменный стол перед распахнутым в сад широким окном, полным птичьего щебета, дышащего прохладой и насыщенным ароматами цветения. Как бы дополняя картину бытия и умиротворения, ко мне на стол вспрыгивали мои милые крохотные Агиуца и Гулераш, садились напротив, свернув хвостики. Сидели смиренненько, словно изваяния, следя глазами за бегом пера по бумаге. Когда им, видимо, становилось скучно, один из них лапкой легонько ударял меня по запястью руки. Я, как бы проснувшись, возвращался в реальность, минутку разговаривал с ними, на их мордочках появлялось заметное удовлетворение... Спустя некоторое время, уже другой котенок так же тихонько касался моей руки, призывая обратить на них внимание. Временами они прыгали за окошко, где-то носились, но через некоторое время вновь оказывались сидящими рядышком передо мной на столе...

Эта картина является мне, утешая, в маяте теперешней безысходности и, честно сказать, порой отчаяния...

Как-то недавно перечитывал уже полузабытое, что написалось мной в то лето, и мгновенно перед глазами возникли эти два крохотных милых существа. Можно сказать, мои соавторы...

ВОСКОВЫЕ ФИГУРЫ

*Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит,
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит...*

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

За долгую жизнь много повидал разных бедствий, как и подавляющее большинство моих ровесников. Но самый страшный ужас пережил почти в младенчестве. Краем хватил жуткую войну, терял друзей и близких, попадал в стихийные бедствия, много раз был на краю гибели – все это пустяк в сравнении с тем потрясением, которое пережил совсем малышом, едва научившись ходить. Много запомнил – ушло и стерлось, а это помню отчетливо, и каждый раз, наткнувшись на едкое острие того события, язвящее душу, стараюсь каким-нибудь способом поскорей увернуться... Я был совсем маленьким, окруженный нежностью и лаской – поздний ребенок, к тому же, наконец, желанный сын! – когда увидел ужасную драку: муж бил жену. Ввалился поздно ночью пьяный до безумия, в мрачной злобе сел к столу. Все в избе трепетало от страха. Я тоже проснулся на печи и, свесившись оттуда, видел, как он протянул ноги и властным взглядом потребовал от сжавшейся в комок жены снять с него сапоги. Едва она нагнулась к его ногам, он изо всех сил пнул ее в лицо, она упала навзничь, хлынула кровь... Он заставил все же разуть его и тут же сапогом стал колотить ее по голове, стоящую еще на четвереньках, – маленькую, беззащитную, плачущую испуганно-сдержанно, чтобы не вызвать еще больший гнев мужа... Надо ли говорить, что это была моя мама? А я был настолько ничтожно мал, что был бессилен вмешаться. Сердце не выдержало, сознание покинуло меня. И, видимо, надолго.

Слышал я потом, что отец вымаливал прощение, но что с того – я сильно захворал, внезапно беспричинно вздрагивал, пугался внезапного стука, боялся темноты, сделался безучастным ко всему, стал на глазах таять и уже не мог ходить.

Решили показать доктору. Несли меня, закутав в одеяло, к нему на станцию Сажное, за несколько километров от нашего села. Он осмотрел меня, велел показать язык, поставил градусник, помял мой животик. Из разговора взрослых я уловил, что дело мое паршивое. Таблетки и капли, прописанные мне, не помогли. И оставалась одна надежда на бабушку, знахарку.

К ней была большая очередь, она принимала тайно, скрытно, чтобы не вызвать преследования властей. Как теперь понимаю, в те времена ее деятельность подпадала под какую-то статью. И вот в потемках меня принесли к ней в полную ароматами трав хату, плохо освещенную керосиновой лампой-«семилинейкой». Бабка, ворожея, знахарка, словом, народный лекарь, оказалась худой невеселой бабой с поджатыми губами, повязанная белым в черный горошек платочком. Я заметил, как она кинула оценивающий взгляд на узелочек с яичками, принесенный матерью в уплату за услугу, и принялась нашептывать над моей головой, сплевывала в сторону, сама крестилась и осеняла меня крестом. Затем взяла большую миску с водой, заставила мать держать ее над моей макушкой, а сама достала из печи кружку с растопленным воском и, читая молитву, стала медленно лить воск в миску. Не знаю от чего – от летних ароматов трав среди зимы, от ее ли таинственного шепота, – я как бы проснулся, и впервые за последнее время во мне появилось любопытство: что же там получится с воском? Слышал, что само

собой выльется то, что испугало меня, и это каким-то таинственным образом избавит от недуга, словно изображение причины болезни отменит ее или возьмет с собой эту хворь.

До сих пор стоит перед моими глазами восковая композиция, по-своему изящная, лаконичная, выразительная. В миске плавал желтенький островок, на котором возвышались три оплывшие фигурки: в одной можно было угадать мужчину, занесшего руку с сапогом, перед ним – согбенная женщина, позади нее крохотное существо, закрывающее ладонями глаза...

Как будто природа, минуя большой отрезок времени, необходимый для того, чтобы родился художник, а потом в трудах и сомнениях постиг свойства человеческой природы и ее трагические причуды и лишь затем создал нечто, способное воздействовать на душу зрителя, – сама изваяла эту горестную скульптуру, которая в моем сознании стоит, ничуть не уступая, рядом с творениями великих мастеров, – они, конечно же, способны врачевать нас, как вылечил меня тот воск из-под руки безграмотной бабы.

БЫЛЫРА

Можете представить себе таежную поляну, окружающие деревья которой увешаны костылями. Обыкновенными деревянными сооружениями, верхняя часть которых напоминает перевернутую букву А, которые помогают передвигаться калекам.

Я хотел определить их количество, но вскоре сбился со счета – местами они висели гирляндами на ветках сосен. И даже кое-где в глубине леса можно было увидеть старый, почерневший от времени, костыль с резиновым, сбитым до дерева наконечником, сиротливо болтающийся на суку.

Удивительные эти «плоды» на хвойных лапах вызвали у меня особое уважение. Они были выражением благодарности от людей, получивших возможность ходить после того, как приняли серию ванн, наполненных бьющей из недр горячей водой. Мне рассказывали многочисленные приезжие, что буквально за полмесяца обретали здесь возможность ходить без костылей.

На поляне уже в последние годы была возведена избушка. В ней находилась сооруженная еще в древности, может быть, еще со времен Чингисхана, «ванна» – каменная колода с грубо вырубленным в ней углублением, куда местные умельцы провели с помощью водопроводной трубы горячую воду из минерального источника. Наверно, в старину воду заливали ведрами. Была тут и обычная «домашняя» ванна. Такой самодеятельный курорт-санаторий лет шестьдесят назад привелось мне увидеть далеко-далеко на юг от Читы в местности Былыра Кыринского района. Тогда местное руководство, чтобы как-то контролировать и облагородить этот «дикий» очаг здоровья, не имея средств построить настоящий санаторий, выделило медсестру, которая жила рядом на заимке и ведала здесь, так сказать, всей медициной. Сюда самостоятельно съезжались со всего Союза нуждающиеся в исцелении.

Медсестра, хозяйничая на этом самодеятельном курорте, предложила и мне испытать магию этой воды, пропустила в ванну без очереди, объяснив группе ожидающих: «Писатель! Может, напишет про нас... Ведь не знают люди, что у нас в Забайкалье больше трехсот минеральных источников, помощней, чем на Кавказе».

Позже я узнал, что до революции воду источника Дарасун (ближе к Чите) покупала Америка...

Уже сегодня в «Забайкальской энциклопедии» вычитал, что эти (цитирую) «минеральные воды успешно излечивают заболевания периферической нервной системы, опорно-двигательного аппарата... Минеральные источники по-прежнему интенсивно используются населением в самодеятельном лечении». Населением? То есть местными жителями? Иначе написали бы: «больными со всей России». В мое время я встречал здесь и жителей Киева, и Пскова, и Свердловска, и Якутска... Не по карману нынче добираться сюда, в самый уникальный природный угол, объявленный недавно заповедником...

Здесь я встречал не раз повторенную надпись химическим карандашом на прибитых к стволам сосен фанерках от посылочных ящиков, на оторванной от книги картонной обложке, прямо на бревне избы самую простодушную и такую канцелярскую, что ли, надпись: «Спасибо, родная природа!» Или: «Выносим благодарность родной природе!» И подпись, иногда столбик подписей...

Жалко, так и не сумел написать об этом местечке под Кырой, об этих костылях. А как хотелось передать мощную красоту и богатство таежного угла, где я тоже, так сказать, за один сеанс получил дозу жизнестойкости.

Да, повторю и я: спасибо, родная природа.

ПЕСНЯ

... Поперек дороги ехал старый узбек на ишаке. Словно с картинки из книжки узбекских сказок – в полосатом ватном халате, с чалмой на голове; белая острая бородка, худое лицо сильно загорелое, с выражением невозмутимости, погруженности в самого себя. За его спиной поперек ишака – две холщевые сумы. Ишачок низкорослый, ноги старика едва не достают до земли.

Мы возвращались в город Карши, посетив исток оросительного канала, где я даже попытался искупаться в Амударье, но вода была прямо-таки ледяная, да и мелко – до колен. Еще весна, апрель, а жара невыносимая. Я попросил остановить машину, чтобы поближе рассмотреть старика, который, несмотря на зной, укутался в толстый халат.

Мы остановились, я огляделся. Кругом простиралась унылая черная пустыня. Еще в детстве на уроке географии услышал это название: Кызылкум. И вот она – черная равнина, взгляду не за что зацепиться. Ослепительное небо и темная земля...

Выйдя из раскаленной «Волги», я легко вздохнул, вроде стало чуть легче. Старик приблизился. Оказывается, он вполголоса пел. Никакого внимания на нас, сосредоточен на своих вековых думках, что ему до остановившейся машины с какими-то людьми.

Старик переехал слегка заметенную песком полосу асфальта дороги, продолжая напевать, не взглянув на нас. По всей видимости, бесконечная, песня его текла нежной струйкой легкой печали и умиротворения. Эта встреча мне показалась самой экзотической во всем путешествии по югу Узбекистана в составе молдавской делегации, приглашенной на празднование полувекового юбилея СССР. До этого мы бывали в городах, где люди ходят в современной одежде, а не халатах. Тем более – в ватных. Некоторое время мы молчали, провожая взглядом старого узбека.

– Не можете ли перевести, о чем он пел? – спросил я сопровождавшего нас узбека.

– Как прекрасна наша земля, подаренная Аллахом. Нет лучше края на земле...

Удивительно! Эта безжизненная пустыня может кому-то показаться привлекательной?!

И долгие годы меня не оставляет это видение, эта песня. Что, старик лицемерил в своей песне, попросту лгал? Не похоже. Уж очень значителен и серьезен был его облик. И вообще, в песне нельзя сказать неправду, иначе ее не пели бы. Просто, видимо, мы ограничены, бедны, слепы в отношении восприятия окружающего мира. Во всяком случае, в дальнейшем пустыня не казалось мне такой скучной и одноцветной...

ТОЙБОХОЙ

Аэропорт Якутска. Самолетик АН-2. Хлыщеватый летчик в летней форме.

– В Тойбохой, что ли?

– Да.

– Пойдем.

Внизу сплошные озера, окруженные лесами, да речки, речушки, реки. Озера круглые-круглые, как пятак. Якутская глубинка. Сколько летим – ни одного селения, ни избышки, ни дороги. Удивительный край, особо чистый сухой воздух, особо острое сияние солнца.

Это была пора белых ночей, середина лета, но ночами холодновато, и по широченной Лене – два дня назад по ней мы плавали в один из районов – еще шли громадные льдины.

Тойбохой – большое (по местным меркам) село, очень ухоженное. С домом культуры, с двумя прекрасными школами, с краеведческим музеем – не хуже любого областного, с картинной галереей (да, да, богатая выставка картин, подаренных живописцами и Якутии, и других республик), с богатым зоопарком, с замечательным зимним садом, где и в лютые морозы зеленеют диковинные деревья, благоухают невиданные цветы, журчит крохотный самодельный водопадик, кристальная вода... Это все принадлежит школе. Немного поодаль – школьный хоздвор с помещением, где стоит чистенький трактор «Беларусь», сами школьники на нем обрабатывают свое подсобное хозяйство. Любопытно, заглянул внутрь помещения – чистота, порядок. Дверь изнутри оббита оленьей шкурой. Хозяйничают на этом дворе в большинстве девочки, поверх школьной формы брезентовые курточки. Привлекательные светлые, скорее, европейского типа лица, чернящие волосы, ярко-черные глаза; смотрят на меня с наивным любопытством.

Неожиданный культурный оазис среди малонаселенного громадного края. Если бы не увидел все это своими глазами, никогда бы не поверил, что такое возможно далеко-далеко от Европы, от культурных центров. Да и в европейской части страны, вряд ли встретишь подобное. Неподалеку Вилюй, река и тот край, где когда-то томился Николай Гаврилович Чернышевский.

Удивительный старик Георгий Евдокимович Бессонов, директор школы. Ему под восемьдесят, но бодр и деятелен. Русский, приехавший сюда в юности, сделался самым авторитетным знатоком якутского языка, он и был у истоков всего этого богатства. Он и внешне немного похож на якута, смуглый, высоколобый,

по-восточному обстоятельный, очень расположенный к собеседнику. Позже узнал, что он Герой Социалистического Труда, Заслуженный учитель и РСФСР, и Якутии. (А вот сейчас залез в энциклопедию и узнал, что пять лет назад он умер, увенчанный многими наградами, почетный гражданин республики Саха (Якутия); в честь его учреждена республиканская премия учителям, его именем назван крупный ювелирный алмаз).

Вечером прием в Сунтарском райисполкоме. Здесь Георгий Евдокимович всех удивил своей речью. Надо сказать, что дело было в разгар «застоя», когда идеология особенно была капризно-придирчивой. И он, по поручению районного руководства приветствуя нас, гостей от московского журнала «Литературное обозрение», в застолье, начал речь так:

– Давайте поднимем бокалы за царское правительство...

Тут последовала неловкая пауза, руководители района переглянулись, видимо, лихорадочно ища способ как-то перевести эти слова на шутку.

– Я не оговорился. Предлагаю тост за царское правительство. За тот подарок, которое оно сделало нашему краю, ссылая сюда революционеров всех национальностей – и русских, и украинцев, и латышей, и поляков. Волей-неволей им приходилось создавать семьи с нашими якутками – других здесь не было. Вот почему нынешнее наше население отличается особой красотой, в особенности женщины. Посмотрите, здесь выставлены призы многих азиатских конкурсов красоты, полученные нашими девушками. В каком еще районе столько таких побед?!

И тут я поймал себя на том, что весь день, знакомясь с учителями и школьниками, с музейными экспонатами, с картинами художников Якутии, я с трудом отводил глаза от встреченных девушек и женщин, таких грациозно-привлекательных, степенно-величавых и независимых.

Вот и пойми, что – зло, что – добро...

КАК ПРОСТО

Бывает, встретишься с какой-то необычной мелочью, а она тебя не отпускает, сверлит, словно зубная боль.

На Аямском тракте (Амур-Якутск) меня удивили длинные колья высотой метра в два у дороги, увенчанные табличкой: «Песок». И так видно, ну, песок и песок, а не помидоры или арбузы. Чего же еще обозначать надписью? Да еще на такой высоте. Не пишут же на дверях «дверь», на столбе «столб». А тут кучка песка, и в нее воткнута чуть ли не жердь с этой надписью. Поленились обрубить? Мне было неловко спросить об этом у спутников, ехавших со мной на автобусе в Тынду, будущую столицу БАМА. Я понимал, что объяснение должно быть очень простое...

Теперь там железнодорожная колея, а тогда обыкновенное ухабистое шоссе с гравийным покрытием.

Из Тынды мне пришлось проехать еще севернее, в Беркатит, туда, где начиналась разработка угля в Нюренгри, где теперь уголь гребут прямо экскаваторами. И эта командировка продолжалась неделю. Когда возвращался обратно, выпали снега. Очень красива местная тайга в любое время года. В особенности же нарядна она в пору первых снегопадов, когда хвоя ели, пихты, сосны кажется еще зеленее на белом фоне, когда золотистые ветви лиственниц сияют особенно ясной

янтарной свежестью, когда алые, почти лиловые, ярко красные кустарники еще не потеряли всей листвы. Что за снегопады были в ту раннюю осень!

И вот тут-то сама действительность преподнесла мне разгадку «песка». Оказывается, эти дощечки с надписью «песок» теперь лишь едва-едва поднимались над высоченными сугробами. А знать, где найти песочек в эту пору, ой, как надо! На каждом подъеме машина буксует, вот тут и нужно добраться до песка, чтобы подсыпать под колеса. Так просто, а догадался не сразу.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

...Мы уже возвращались домой в предместье Нью-Йорка из путешествия в Вашингтон, простившись с приветливой гостиницей на самом берегу Потوماка, где провели ночь. Ноги мои уже не повиновались – так много вчера было исхожено по столице США, по музеям и примечательным местам. Вдобавок допоздна провели в поездке – мой родственник, показывавший мне Америку, решил встретиться со своим другом, бывшим его кишиневским подчиненным, инженером, живущим теперь в сотне километров от Вашингтона, и познакомить нас. Душа пресытилась впечатлениями. Теперь все встречное пробегало перед глазами сплошной цветной мешаниной. И вдруг увиденная меж деревьев скульптура (со спины) чем-то заинтересовала, и интуиция не подвела меня. По моей просьбе остановили машину, моих спутников это немного расстроило, так как путь предстоял немалый, а уже перевалило за полдень. Они неохотно последовали за мной и были немало удивлены, когда увидели, как я, оживившись, зашагал к громадному памятнику, декламируя в полный голос стихи. Да еще на украинском языке... Ну не сумасшедший?!

Высоченная скульптура Тараса Шевченко была просто необыкновенно хороша. И великий кобзарь был представлен не лысеющим старичком с обвислыми усами, в шубе и папахе, каким он чаще всего предстает перед нами на портретах или в иллюстрациях к его книгам. Здесь он явился молодым, стройным красавцем, одетым по питерской моде, скорее всего, времени своей учебы в Академии художеств или сразу после нее, когда жил в тесной дружбе со знаменитыми Карлом Брюлловым, Нестором Кукольником, Михаилом Глинкой. Неожиданно увидев этот памятник почти в центре Вашингтона, я не мог не умилиться. Это ж надо, Америка преклоняется перед бывшим крепостным украинским крестьянином. У меня к Тарасу Григорьевичу с детства особое отношение. Мальчиком я увидел в свежем номере журнала «Мурзилка» возможность получить маленький «Кобзарь»: нужно было вынуть четыре средних листочка, разрезать, свернуть их вдвое, разрезать и опять сложить вдвое, получившуюся тетрадочку скрепить. Получилась книжечка с репродукциями его рисунков и гравюр со стихами. И я сразу же запомнил наизусть «Як умру, то поховайте...», «Думы мои, думы мои...» и другие его вирши. Так с малолетства, одержимый рисованием и стихами, я, выражаясь высоким слогом, поместил в свое сердце Кобзаря Украины. Тогда я долгие деревенские вечера проводил с огромными одноклассниками Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Но это все же были люди особого рода – дворяне. Шевченко же, что называется, из простонародья. И вот каких вершин достиг. Значит, и я могу научиться рисовать, писать стихи... Может быть и даже наверно, я не думал так напрямую, а сработало подсознание. Во всяком случае, к Шевченко у меня привязанность, может быть, даже влюбленность, проявилась с раннего детства. Конеч-

но, позже у меня завелись роскошные издания его книг. Но тот крохотный «Кобзарь» с бледными репродукциями до сих пор нередко возникает перед глазами...

И никогда не думал о нем как «инородце». Ведь из неволи его выкупили русские, хотя богатых украинцев было немало. Что-то их не занимала судьба «своего» талантливого отрока? И после царской опалы, вызванной в числе других причин и тем, что поэт в своей поэме с издевкой писал о царе и назвал его бабку сукой, после всех преследований, Российская академия художеств избрала его академиком! Да и часть произведений он написал по-русски. После ссылки и солдатчины (с запрещением писать и рисовать!) он в Питере был окружен вниманием и любовью лучших людей России. И вообще, в России он свой. Свой...

Увидев у подножья памятника группу сидящих на ступеньках мужчин, не без основания решив, что это украинцы, я радостно направился к ним с возгласом: «Здоровеньки були!». И, не дожидаясь ответа, надеясь их приятно удивить, стал читать все, что вспомнилось из стихов Тараса Григорьевича. Спустя минуту, другую, увидел на их лицах выражение недоумения. Наконец один из них с трудом выдал:

– Нэ понима руски...

– Да я говорю по-украински! – чуть не заорал я.

– Нэ понима...

Я чуть не заплакал от досады.

Обошел сооружение, оглядел со всех сторон, сопровождаемый недоуменными взглядами сидевших у его подножья мужиков. Присмотрелся и к ним. Заметно, выпили немного... Все-таки по лицам видно – украинцы, вот и пришли к бронзовому земляку. Воскресенье, делать нечего. А язык эмигрировавших в старину дедов-прадедов через несколько поколений как-то потерялся. Но родная кровь притягивает.

Тут я задумался о судьбе памятников как орудия в руках политиков. Приехав домой, полез в справочники и что же нашел?! Боже, такого и придумать нельзя. Оказывается, тогда, в разгар холодной войны, случилась, так сказать, «война памятников». Сначала, когда украинская диаспора обратилась в правительство США за разрешением установить этот монумент, ей было отказано: если в СССР его почитают, изучают творчество в школах и институтах, раз там имеются в честь его монументы, то поэт устраивает большевиков, и, значит, враждебен Америке. Инициаторы обратились прямо к самому президенту – Дуайту Эйзенхауэру: мол, Шевченко был гоним русскими, он враг России, борец за свободу народов, он за свободную Украину. Ах так! Ну так Эйзенхауэр не только разрешил, но и обещал даже выступить на открытии памятника. Что и сделал. Надо сказать, на открытие этого сооружения собралось около ста тысяч человек. Притягательная фигура кобзаря. Да еще такая поддержка правительства. К месту скопления людей были направлены армейское подразделение обслуживания, чтобы утомленным жарой манифестантам была представлена возможность даже умыться...

Соответственно в СССР было решено срочно установить монумент Шевченко в центре Москвы. В самом центре! Назло мировому капиталу. Хотя подобных памятников у нас было немало. И началась гонка. В Москве его открыли на 17 дней раньше Америки...

В этой «идейной» борьбе дошло до смешного. Оргкомитет в Америке постановил замуровать в вашингтонский монумент землю с могилы поэта в Каневе. Советские власти разрешили американцам взять землю, все это запечатлели

фотографы и газеты отразили. Но такое не устроило американских «шевченковедов»: их оргкомитет большинством голосов постановил вернуть эту землю, полученную, якобы с разрешения ненавистного КГБ, на место, что и было сделано. Демонстративно. Вот вам! В то же время тайно взяли землю с той же могилы, отвезли «контрабандой» в Америку и ее-то замуровали в памятник.

Мне кажется, большинство участников этих событий никогда и не раскрывали книг Шевченко. Да и сами тогдашние главы обоих государств не очень «болели» поэзией. А туда же... Великий поэт тут просто предлог, этакая абстрактная величина, «наш – не наш», «свой – чужой»...

Однако хорошо, что памятник этот есть. И что в нем все же замурована родная земля поэта. Ничего, что получена нелегально. Пусть и стихи его так же пробаиваются даже в самые зачерствевшие души. Минуя кордоны.

...Прощаясь, я приветливо помахал рукой мужикам, сидевшим у подножья памятника. С неожиданным оживлением они приветливо замахали в ответ... Может, что-нибудь поняли.

КУСТ

Многим теперешним литераторам и не верится, что существовали Дома творчества, которые знали мы в молодости. За почти символическую плату ты получал, как говорится, и стол, и дом. Пиши, не ленись. Вдобавок, общение с писателями со всех концов страны. Как-то зимой в Малеевке под Москвой, проходя длинным застекленным переходом в виде зимнего сада, встретил скучающего мужчину. Это был молодой муж одной кишиневской поэтессы, спортсмен, не пустивший ее сюда одну, – ревнивый. Я спросил, как ему здесь живется, и услышал раздраженное: «Скучно...» Через минуту неловкого молчания услышал: «Тут все пишут, пишут, пишут. – Потом добавил с вызывающей гордостью: – Один я не пишу!» Вот...

Но работающему никогда не бывает скучно. Сейчас листал старый дневник, наткнулся на упоминание еще одного любимого Дома творчества. И так всколыхнула сердце одна эта деталь. Незаметный кустик под стенами.

«12.8.81. Коктебель. Приехал вчера, устал неимоверно, проехав за рулем девятьсот километров. А накануне поездки так и не уснул – смотрел по ТВ премьеру спектакля по своей пьесе «Стихийное бедствие» и долго потом ворочался в постели, не в состоянии уснуть.

Дождь и здесь. Живу, как и в прошлом году, в комнате № 3 в 19-м корпусе. Сейчас пью чай на веранде. Прямо передо мной куст лавра, с крыши льется сильная струя, он клонится под ее напором, его лопоухая голова от удовольствия ходит из стороны в сторону. Временами он вырывается из-под струи, распрямляется, словно заглатывая воду, опять попадает под сильный поток, склоняется, чуть ли не до земли. Рядом с ним возвышается кипарис. Та его сторона, что обращена к стене, набита дождевыми каплями, вся светится. Приятный плеск воды. Словно стая птиц клюет зерно – так стучат капли воды по крыше. Полные свежих запахов – порывы ветра, лениво погромыхивает гром».

Молодость... Даже кустик воспринимался слово живое существо. И не лень было записать это.

В СЧАСТЛИВОМ ТУМАНЕ МЕЧТЫ

Узнав, что я призывался со второго курса художественного училища, замполит полка начал эксплуатировать меня для создания наглядной агитации. Помимо ежедневных сумасшедших занятий на морозе с ветром – муштра, стрельбы из разных видов оружия, марш-броски с полной выкладкой, зубрежка устава, уборка территории, невыносимые стояния на посту и т.д. – меня заставили рисовать плакаты на побеленных саманных стенах нашей казармы. Наивный семнадцатилетний худущий от недоедания парнишка, рядовой запасного полка (три месяца подготовка одиночного бойца, и – фронт), я взялся и за это дело. В свободное, конечно, время. Не буду распространяться на тему, как добывались всяческие заменители настоящих красок, кистей, как в морозец краски не хотели прилипнуть к стене. У меня был небольшой опыт в этом отношении, так как во время учебы в училище в Иркутске, я, чтобы не загнуться с голоду, подрабатывал в худфондовской мастерской, где лепили и подобные плакаты.

Это была ранняя весна 1944-го, Забайкалье, небольшой поселок под названием Дацан на Ононе, где пополнение для пехоты готовили еще две подобные части. Сюда в начале войны провели узкоколейку, по которой почти еженедельно отправлялись на основную магистраль прошедшие подготовку и экипированные команды молодых защитников родины – на фронт... Кузница кадров, так сказать. Дело было поставлено на поток. И жизнь тут (вероятно отчасти намеренно) была создана такая, что отправки на фронт все с нетерпением ждали, словно избавления от каторги. Отправляемых хорошо обмундировывали, выдавали сухой паек по другой норме и т.д. И уже не грозило, как шутили наши остряки: «Только ляжешь – поднимаешься, только встанешь – подравняешься!»

Сейчас самому не верится – я еще успевал читать, был постоянным посетителем полковой довольно богатой библиотеки. Младший лейтенант, ведавший этим учреждением, позволял мне самому рыться в книгах. Однажды в одном из номеров журнала «Октябрь» прочитал анонс: в марте будет опубликован детективно-шпионский роман Джона Пристли «Затемнение в Гредли». Не удивительно, что мне, юному мечтателю, захотелось немедленно «проглотить» его. На дворе уже апрель, значит, журнал с этой вещью, должно быть, получили. Библиотекарь сказал, что да, номер пришел, но он «на руках». Увидев, как я огорчился, он успокоил: «Знаешь, если ты выполнишь одно мое предложение, я его добуду для тебя». Дело в том, что скоро Первое мая, будем принимать присягу, к этому событию готовится концерт самодеятельности». И мне он предложил выучить наизусть довольно большой отрывок из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин», чтобы почитать его со сцены в начале концерта.

Он достал однотомник поэта и отчеркнул: от строки «Если бы выставили в музее плачущего большевика...» до четверостишия: «Вовек такого бесценного груза еще не несли океаны наши, как гроб этот красный, к Дому союзов плывущий на спинах рыданий и маршей...»

Через несколько дней я гордый прилетел в библиотеку: выучил! Библиотечный младший лейтенант: «Давай, послушаю». И я начал... Через несколько минут он замахал руками: «Ты с ума сошел! Это же на целый час!»

Оказалось, я не понял его и выучил длинную поэму всю целиком. И до сих пор помню... Журнал с «Затемнением» получил, проглотил эту вещь за один ве-

чер, пристроившись возле круглой печки-голландки при свете слабой лампочки под потолком.

Недавно на книжном развале возле городского базара, проходя мимо, увидел под ногами потертую книжку Д. Пристли именно с этой вещью. Она стоила буквально гроши. Из любопытства купил. Прочитал, вспоминая ту далекую весну в холодном и ветреном Дацане. Это, наверно, самая слабая вещь замечательного английского прозаика и драматурга, на этот раз она не вызвала особого интереса – теперь детективы такого рода пишут затейливой, занимательней.

А тогда мне предложили остаться при клубе художником-оформителем. Ну! От такого предложения я чуть не взвыл, беспредельно этим обиженный и униженный. Ведь я мечтал сделаться настоящим живописцем, а изготавливать афиши, перерисовывать плакаты, значило «сбить руку» и в результате ничего не добиться в серьезном искусстве. А я думал о себе иначе. К тому же художнику надлежит быть свидетелем великих событий. Впереди событие событий – фронт! А тут «тепленькое местечко», какой-то жалкий клуб. В счастливом тумане мечты будущее мне грезилось учебой в Академии художеств, о которой я столько читал. Там сияли имена Сурикова, Врубеля, Репина, Серова...

Когда уходил из штаба, услышал за спиной: «Ну не дурак ли!...». Проходя после этого разговора к себе в казарму, как-то по-иному увидел на стене свои «фрески» – плакаты: «Родина-мать зовет», «Спаси!»

ДОМИК УЧИТЕЛЯ

Нередко встречаются люди, которые постоянно жалуются, что им чего-то не хватает для счастья. Для успеха. Вот имел бы то-то и то-то, сразу рванул бы так, что все бы удивились, какой я мастер. А, между тем, у всех почти всегда имеется возможность реализовать свой потенциал...

В 1980-м году я с приятелем писателем Юрием Грековым отправился на своей машине в дальнее путешествие. Путь наш лежал из Кишинева через Украину и громадный кусок России аж на слияние Непрядвы с Доном – на место битвы русских с Мамаем и его ордой. В этот год отмечалось 600-летие Куликовской битвы. Это путешествие длилось дней десять. И увидели мы много замечательного. Юрий Греков был фантастический умелец и великий знаток. Возвратившись в Кишинева, я вскоре получил от него чудный подарок – хорошо переплетенный альбом с фотографиями нашего путешествия.

Где мы только ни побывали, в каких реках и речках только ни купались. А какие города, какие исторические места посетили! А вот больше всего меня взволновал маленький деревянный домик в богатом зеленом городе над широкой в этом месте Окой – Калуге. Домик, аккуратно обшитый досками, с лавочкой у калитки, на которой мы с Юрием любили посидеть. И внутри – не только ощутимые признаки бедности, но и присутствие великой души, вдохновляющее веяние всепобеждающей силы, я бы сказал, – поэтической мысли.

В этом домике жил один школьный преподаватель математики и физики. В детстве он оглох и поэтому не мог учиться в школе. Так вот, он самостоятельно, перебиваясь, как говорится, с хлеба на квас, овладел знаниями, стал учителем, более того, этот провинциальный учитель стал заниматься наукой. Да как! Сделал такие открытия и изобретения, которые были не под силу тогдашним институтам

и академиям. Хотя у них имелись и нужные приборы, и лаборатории, и большие средства. Он разработал теорию, по которой строятся самолеты и дирижабли. А главное – придумал, как летать в космос. И все сам, один, имея под рукой лишь тетрадку да карандаш.

Мысленно я снова и снова хожу по этому домику, бедно обставленному, с модельными книжными полками, но чистенькому и приветливому. По всему чувствуется, здесь знали счастье, здесь жил счастливый человек. Убежден, настолько счастливый, что ему и не нужны полеты в Куршевель на собственном самолете в сопровождении бригады юных проституток или приобретение яхты, стоимостью двести пятьдесят тысяч зарплат российских учителей, как некоторым «новым русским»... Уверен, он не сменял бы свою судьбу на «благополучие» нынешних владельцев нефтяных, газовых и иных месторождений, дающих неслыханные доходы. Самая ценная вещь здесь – старенький велосипед, на котором старый учитель ездил в школу и на прогулки. Особенно трогает жестяной самодельный раструб, с помощью которого он слушал собеседника.

Я бы обязал всех школьников хоть раз побывать в этом доме-музее, чтобы зарядиться жаждой познания. Чтобы понять, в чем ценность жизни.

Неподалеку отсюда высится музей космонавтики и стоит, готовая ринуться в небо, серебристая ракета – макет той, которая унесла Юрия Гагарина в космос.

А имя хозяина этого жилья известно всей земле. Оно у всех на слуху. Вопреки всему, он был счастливым – Константин Эдуардович Циолковский...

ПРОИСШЕСТВИЕ

В разыгрывающейся вселенской драме это событие, участником которого я оказался, всего лишь крохотный, даже микроскопический эпизод. Крохотный-крохотный. Однако сверлит память, заставляет задуматься о многом серьезном.

В тот день 7 апреля, когда в Кишиневе произошли драматические события после очередных выборов в парламент, в результате которых оказались разрушенными президентский дворец и здание парламента, я наблюдал из окна своей рабочей комнаты, как мимо проходили толпы молодых людей, скорее подростков, в сторону центральной площади. Я вышел, надеясь узнать, чем вызвано такое столпотворение.

Это многолюдство даже отдаленно не напоминало демонстрацию давних лет – ни песен, ни громких разговоров, ни смеха. На юных лицах читалось: идут все, ну и я шагаю вместе с ними. Вдоль тротуара, наблюдая за подопечными, двигаются люди постарше, скорее всего преподаватели школы и вуза. Над толпами там и тут флаги соседней страны и Евросоюза.

Подхожу ближе. Когда со мной поравнялся один из «надзирателей», – пожилой, несколько возбужденный мужчина в легкой курточке-ветровке, но в мерлушковой шапке пирожком, я поздоровался с ним, он приостановился, ответил приветливым кивком. «Куда это направляется такое многолюдство?» – расположенный к приятельству, поинтересовался я. Он, неожиданно воодушевившись, словно сообщая мне радостную весть, воскликнул: «Идем бить коммунистов!» Слова были настолько неожиданны и дики в устах интеллигентного пожилого человека, что я на несколько мгновений буквально онемел. В такой славный весенний денек пожилой, явно образованный человек, с восторгом заявляет о на-

мерении бить кого-то. Кого угодно, каких-то абстрактных людей. Ведь на членах партий нет опознавательных знаков. Бить!!!

Хотя я не состою ни в какой партии, не мог удержаться: «Так чего далеко ходить? Вот я коммунист, – бей!»

Сказал и напугался: сейчас эта толпа, заряженная неясной ненавистью, рстерзает меня... Мгновение, другое... И тут произошло то, чего я никак не мог ожидать. Мой немолодой собеседник испуганно сорвал со своей головы шапку-пирожок, сунул ее подмышку, чтобы не выделяться в толпе, и рванул в гущу, стараясь слиться с ней. Миг, и его уже не найдешь взглядом.

Ты смотри, а ведь как рвался бить...

В НЕПОГОДУ

Рылся в старых папках, на глаза попал листок, ломкий от времени. Наверно, ему больше полувека. Скорее всего, записал на ходу в командировке, переживая острую боль из-за чужой и неясной драмы, свидетелем которой невольно оказался. Записал, сунул куда-то и забыл.

...Аэропорт в Улан-Удэ далеко от города – горстка домиков в степи. Бревенчатое здание вокзала. Неподалеку возводится новое строение, уже современное. Моросит осенний дождик. Унылые голые сопки словно съежились от холода. Наш «ЛИ» стоит в десятке метров отсюда. И, похоже, еще долго будет стоять: нет погоды. В ресторанчике (буфетная стойка и четыре столика) сижу над стаканом водки. В углу за столиком двое. Мужчина могучего сложения, как бы грубо вырубленный из каменной глыбы. Серое небритое лицо шероховато, словно гранит на изломе. Такими по облику бывают начальники громадных таежных строек или северных рудников. Видно, сильно утомлен, заметно – пьющий. Капли стекают с полей его мокрой шляпы, кожаное пальто блестит, омытое дождем. С ним трагически красивая немолодая черноволосая женщина, по внешности, по одежде напоминает актрису. Мне видно из-за его плеча ее лицо. На нем – мольба, губы горестно сомкнуты. Черные глаза (хотел написать: очи) излучают ум и доброту. Лица обоих словно бы припудрены пеплом. По всему видно – какая-то беда обрушилась на них обоих.

Он берет рюмку коньяку, хочет поднести к губам, женщина делает быстрые движения руками и страдальчески мычит. И меня внезапно осеняет: ее жесты – язык глухонемой. Она немая!

Зачем записал, для чего хранился этот листок? Теперь не усну, память будет перемалывать эту беглую запись...

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

ВЕРЕСК

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

1.

Скорей туда, к ромашковому чуду,
 К свободе ото всех и ото вся,
 За шпалы – протянулись ниоткуда
 До в никуда... И знаю, что нельзя.
 Но так влекут ромашки, поле, речка...
 Оставив все сомненья за спиной,
 Бегу под стрекот полевых кузнечиков
 Быстрее, чем звенящий крик: «Домо-о-ой!»

2.

Болею-болею-болею-болею...
 И градусник сунуть под мышку скорее
 Нет сил. Не хочу ни конфет, ни подарков.
 Всё время по-летнему душно и жарко.
 И мамин испуг на лице побелевшем...
 С противной малиной пью чай надоевший.
 Таблетку...и спать...

– Просыпайся здоровой! –
 Шепнул чей-то голос до боли знакомый...

Проснулась. Нашупав под боком игрушку,
 Ей жалуясь: «Знаешь, болеть – это скучно».

3. СЕМЕЙСТВО

Пять восхитительных кронпринцев и принцесс.
 Сосут и спят. Беспомощны и слепы.
 Пищат беззвучно, рты раскрыв нелепо.

А я – с дивана – в ожидании чудес
 Слежу восторженно, стараясь не дышать,
 Боясь смутить сиамское семейство...

Как жаль: на шесть помноженное детство
 Неудержать штрихам карандаша...

4. НА ПЛЯЖЕ

– Мороженое! Мороженое!

– Помнишь? Осторожно!
 Не то-ро-пясь...
 Хрясть!
 И половина – в песок,
 В розовом пальцы ног.
 Вот и предлог,
 Чтобы снова в море
 Нырнуть с головой
 За ракушкой
 Пер-ла-мут-ро-вой...

5. В КАРПАТЫ

Зима. Все вместе едем в горы.
 Брат – впереди в машине. Гордый.
 Я дуюсь, сидя с мамой сзади.
 Деревья... домики с оградой
 Мелькают слайдами. Вдруг справа
 Поплыло кладбище... Отпрянув,
 В испуге прижимаюсь к маме:
 Там свечи... свечи под крестами!

– Зачем горят повсюду свечи?
 – Сегодня же особый вечер.
 Сочельник...

Что это – неважно.
 Кресты и свечи... Страшно!

6.

Старательно о ножку ножкой бью.
 Идёт урок классического танца.
 Начавшись важно-скромным реверансом,
 Продолжился плие, батман-тандю*...

* балетные упражнения

Прямая спинка. Вытянут носок.
Узлом завязан на затылке хвостик.

– В позиции стоять! Держите локти!

Хватаю круг спасательный – станок.
И ровно час твердят про руки, спину...
И как всё это терпят балерины?!

7.

Урок истории. Сижу
И головы не поднимаю.

«Меня не спросят, точно знаю», –
Как заговор, твержу, твержу...

Но жизнь уже на волоске.
Класс шевельнётся облегчённо,
Когда, вздыхая обречённо,
Встаю, чтобы идти к доске...

8.

В музее странно, необычно.
Картины, словно зеркала
Чужие. С шумом неприличным
Перебегает детвора,
Смеясь, к шедевру от шедевра.
И, снисхождения полны,
Взирают статуи, как скверно
Ведут себя потомки – мы!

9. РИСУНОК НА ЧАШКЕ

На чашке – ромашки и лето,
И речки знакомая рябь,
Как детство, забытое где-то...
И всё-таки сложно принять,
Что всё – только раз, и промашек
Не спрятать за накипью лет.
На тонкой фарфоровой чашке
Из тёплого детства букет.

ЦВЕТУЩАЯ АКАЦИЯ

Кишинёвская баллада

Воздух пьянел от цветущей душистой акации.
Слесарь Василий на месте застыл от смущенья.
Сверху грудастая Геня в одной комбинации
Драила стёкла и рамы – вот это везенье!

Сердце стучало кувалдой в груди от желания.
Пусть разведёнка... и дочь – что за имя?! – Ребекка.
Вася, решившись, неловко промямлил признание,
Чем подписался на длительный срок (четверть века).

Били посуду нечасто, лишь время от времени.
Оба работали. Всё было, в общем-то, славно.
Геня, смущаясь, шепнула: «Васёк, я беременна».
Сына, рождённого в муках, назвали Иваном.

Вот и Ребекку, уже волоокой красавицей,
Хмырь провожает, прощаясь, небрежно облапав.
Вася, увидев, спросил только: «Он тебе нравится?»
Ярким румянцем в ответ возмущённое: «Па-па!»

Годы скользили неслышно, меняя течения.
Слово «свобода» – бесплатной добавкой к отъезду.
Геня с Василием, выбрав рецепт поколения,
Тоже решили сорваться с привычного места.

Только судьба, до сюрпризов уж больно охочая,
Всё изменила: в два месяца Гени не стало.
Плакал Василий в обнимку с приёмною дочерью
(Как-то сложилось с ней лучше, чем с сыном Иваном).

Снова июнь. Столько лет утекло незамеченных.
Мало кто вспомнит сегодня красавицу Геню.
Только акация – раной в душе незалеченной –
Также прекрасна в душистую пору цветенья.

МЕДЕЯ

1.

Картина первая: Колхида мирно дремлет.
С негромким бляеньем стада бредут покорно.
Туманом скрыла светлокудрая Нефела*
Отважных воинов, чей путь – всё выше в гору.

* Нефела – богиня туч и облаков.

Там, пламенея под рассветными лучами,
 Слепил глаза дворец волшебника Эета*.
 На стенах – стража. Чужеземцев здесь встречали
 Лишь градом стрел, что долетят быстрее ветра.

Но, защищённые от всех недобрых взглядов,
 Язон с дружиной без помех во двор ступили.
 А что же стражники? Они не виноваты
 В том, что к героям небеса благоволили.

Туман рассеялся: сверкнула медь тревожно –
 И громко вскрикнула царевна, звать Медеей.
 Коса, как смоль, черна, смугла девичья кожа...
 Мальчишка Эрот, где ты? Целься же скорее!

Стрела вонзилась точно в сердце девы юной.
 Не промахнулся сын прекрасной Афродиты!
 О боги, что со мной? Ужели я безумна?
 Прости, отец! Прости меня, Колхида!

Люблю...

2.

Рассвет второй. Проснулась Эос.**
 Румянцем вспыхнули в ответ снега Кавказа.
 Привычно небо от смущения зарделось,
 И заблестел волною восхищённый Фазис***.

Лишь мрачен храм богини призраков полночных,
 В нём колхидянка и назначила свиданье.
 Глядят застенчиво царевны юной очи...
 Ну что, Язон, тебе понятны их признанья?

...О чём шептались, то слышали только боги,
 Нетопыри да совы – спутницы Гекаты****,
 И кипарисы, что чернели на пороге...

А за любовь не высока ли будет плата?..

3.

Картина третья. Как белы драконьи зубы!
 Легко ль земле в себя принять такое семя?!
 А с колесницы царский взор следил угрюмо –
 Считал минуты: скоро ль страшным всходам время?

* Эет – царь Колхиды, отец Медеи

** Эос – богиня утренней зари

*** Фазис – река в Малой Азии; в древности считалась границей между Азией и Колхидой

**** Геката – божество лунного света, богиня преисподней

Свернулись косы-змеи чёрною короной,
 А губы девичьи творили заклинанья...
 «Всё обойдётся», – молвил разум непреклонно.
 «А если...нет?..» – томилось сердце ожиданьем.

Вначале тихо было поле. Только ветер
 Тревожил стебли, покалеченные плугом.
 Но вдруг всё ожило – горя на солнце медью,
 Из под земли явились шлемы, плечи, руки...

Ещё мгновение – строй воинов могучих
 Плечо к плечу воздвигся над недавней пашней.
 Толкались зрители, чтоб битву видеть лучше:
 Теперь держись, герой! О боги, как же страшно!

...На груды мёртвых свысока глядели горы.
 Дрожа от гнева, прочь умчалась колесница.
 И кто сказал, что в поле, мол, один не воин?
 Но...смог бы сам, когда б Медее не влюбиться?..

* * *

...Богиня Ночь шла по земле неспешным шагом.
 «Арго» отчалил, увозя Руна сиянье.
 Глаза Медеи, загрузив, блеснули влагой:
 Прощай, Колхида! Не под силу расставанье,
 Но я люблю...

Был от предчувствий воздух чёрен,
 И билось пульсом растревоженное море.

КОГДА Б ЛЮБОВЬ

Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок...
 Н. Гумилёв

Когда б моя любовь была пантерой,
 То, внутренне дрожа от нетерпенья,
 В кошачьей изумительной манере
 Кралась бы к жертве бархатною тенью.

Визгливо верещали бы мартышки,
 С волнением следя за зверем чёрным.
 Негромкий рык – и вот уже неслышно
 Их вскриков, и напуганных, и вздорных.

Оскалилась в улыбке плотоядной
 При мысли о...о пиршестве грядущем.
 А жертва, не почуяв хищных взглядов,
 Беспечная, как предки в райских кущах,

Брела, купаясь в солнечных потоках...
 Когда б моя любовь была пантерой,
 То прыгнула, уподобляясь року.
 И кровью алой обагрилась terra.

* * *

Не верь моей фантазии жестокой.
 Её вскормили слёзы и обида.
 Когда б любовь была подобна зверю,
 То прослыла бы зверством, не иначе.

ЕЙ СНИЛИСЬ КАРТИНЫ

Ей снились картины. Во сне удивительно быстро
 Послушная кисть оживляла безжизненный холст:
 Как птицы, взлетали дельфины, а резвые рыси
 Ныряли в листву, ускользя от яркости звёзд.

Отчалил фрегат, выбирая далёкие страны...
 Был к ручке допущен в берете малиновом паж...
 А кисть продолжала работу, но прежде в стакане
 Смывала с себя предыдущих картин антураж.

Она наслаждалась, мазками холсты заполняя,
 Даря всю себя, без остатка, – вот принцип любви!
 По женской привычке слезинки от счастья роняя,
 Она напоследок шептала творенью: «Живи...»

Как жаль, что картины всегда исчезали под утро,
 Взамен оставляя заботы и пасмурный день.
 И с пылом влюблённых она торопила минуты:
 Когда же на город ночная опустится тень...

Однажды она не проснулась. Наверное, приступ.
 А врач, что на «скорой», хотел бы помочь, да не мог.
 «Художница...» – думал он, глядя печально на кисти,
 На тюбики красок и девственно-чистый листок.

ВЕРЕСК ***1.**

Кружили пчёлы над всюду цветущим вереском.
 Прощальной сладостью манил густой нектар.
 Мечтала ль чёрная измученная гарь
 В палитру осени войти с лиловым веером?..
 А мёд осенний – цвета солнца ли закатного? –
 Горчит и тянется. Как непривычен вкус!
 У пчёл осенних откровенно злой укус –
 Возможно, месть за наслажденье ароматное.

2.

На холмах шотландских зеленеет вереск.
 Зеленеет вереск, набирает цвет.
 И волнуют тайной древние поверья –
 Протянулись речкой через гравий лет.
 На холмах шотландских собирают вереск:
 Разложить в вязанки да разжечь костры...
 – Помогите, духи! Убирайся, нечисть!
 Обратятся ль страхи в пыль седой золы?..

* * *

В голове – ох! – подгулял хмель.
 Не держали предательски ноги...
 Это всё он, вересковый эль**,
 Сбил шотландца с прямой дороги.
 На часок – дзинь! – заглянул в паб.
 Дженни, детка, вытри-ка слёзы!
 Был твой муж пьян. Был он так слаб,
 Что кулём скатился с откоса.

3.

Из цветущего вереска выкроен вересень*** –
 Без лекал, на глазок, и ни капли не жмёт.
 Балансирует вереск на вере и ереси
 (Невозможные вопли костёр издаёт!).
 Наряжает холмы: здесь – в лиловый, там – в розовый...
 С одиночеством в тесном и странном родстве****.
 А к вниманию строк, то поэзой, то прозой,
 Равнодушен: пусть будут... как сноски в главе.

* Вереск – самый популярный европейский цветок по частоте употребления в художественных текстах

** Вересковый эль – национальный шотландский напиток

*** Вересень – вереск дал имя первому осеннему месяцу в белорусском, украинском, польском языках (верасень, вересень, wrzesień)

**** На языке цветов вереск – символ одиночества

И БУДЕТ ДЕНЬ

...И будет день. И поутру роса
Слезой прозрачной соскользнёт с травинки.
Ответной влагой заблестят глаза
От ягодно-предательской кислинки.

И птица пролетит, вспоров крылом
Холстину неба, – это ей привычно.
А пёс лениво поплетётся в дом,
К заоблачным полётам безразличен.

Кусочек мира. И понять пора –
Здесь даже горечь для души отрадна.
Жгут сор и листья. Сизый дым костра
Взметнётся в небо нитью Ариадны.

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ родилась и живет в Кишинёве. Окончила Академию музыки Республики Молдова им. Гавриила Музическу по классу камерного пения. Работала солисткой хора Академии музыки.

Член АРП РМ. Автор поэтического сборника «И вечный блюз» (2009). Публикации: в интернет-журнале «Пролог» (2011), в международном интернет-проекте «Подлинник» (2011), на интернет-ресурсах stihi.ru, proza.ru.

ГОСТЬ «РП»

Casa mare

АЛЕКСАНДР ГРИЦЕНКО

МУХИ*

новелла

«Вторая эриния. Как они красивы!

Первая эриния. Возрадуйтесь: преступники так часто стары и уродливы; нам редко выпадает изысканная радость – разрушать то, что прекрасно.

Эринии. Эй-а! Эй-а!

Третья эриния. Орест – почти ребенок. Моя ненависть будет нежна, как мать. Я положу его бледную голову к себе на колени, я буду гладить его по волосам.

Первая эриния. А потом?

Третья эриния. А потом, как проткну ему глаза – вот этими двумя пальцами!

Эринии хохочут.

Первая эриния. Они вздыхают, шевелятся, скоро они проснутся. Давайте, сестры, сестры-мухи, разбудим преступных нашей песней».

Жан-Поль Сартр. Пьеса «Мухи».

Мать – 70 лет

Дочери:

Анна – 45 лет

Вера – 42 лет

Люба – 25 лет

Андрей сын Анны – 23 года

Эпизод первый

Русская изба. Темно. Свет исходит лишь от лампадки, которая висит у иконы. Женщина стоит на коленях, она молится. Ее лицо светлое безмятежное. Одета она в черное, на голове черный платок. Пламя от лампадки отражается в ее глазах, бликует на ее лице. Женщину зовут Вера.

ВЕРА. Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником

* Произведение публикуется в авторской редакции.

нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ныне и присно, во веки веков. Аминь.

Едва она успела сказать «аминь», как дверь в комнату распахнулась. Вперевалку вошла мать. Она с трудом несет свое грузное тело во время ходьбы, а когда произносит слова, тяжело дышит. Следом за ней в комнату просочилась худая с морщинистым лицом женщина. Это Анна. Обе они одеты в черное платье. На матери черный платок, Анна с непокрытой головой.

МАТЬ. Беда случилась, Верочка!

Лицо Веры мгновенно утратило благолепие и безмятежность. Теперь мы видим, что женщина старше, чем нам показалось.

ВЕРА. Мама, что случилось?

АННА (*в слезах*). Твоя сестра сошла с ума! У нее точно с головой не в порядке!

МАТЬ. Может быть, правы были Кузнецовы, когда говорили, что как только человек денег много зарабатывать начинает – это не к добру... А мы думали, что завидуют.

Вера поднимается с колен, садится на стул и молча смотрит на женщин.

АННА (*плачет*). Да как же это так Антошу убили, Андрюшу без ног оставили, а тетка с ними путается...

Вера медленно крестится. Мать сажает свое грузное тело на стул.

ВЕРА. С чуркой с каким-то спуталась?..

АННА. Не просто с чуркой. С чеченом.

ВЕРА. «Хосподи!» – Вера произносит это слово, будто захлебывается. Крестится.

МАТЬ. Бедные вы у меня дочки, несчастные... Что – ты, Аня, что – ты, Вера... Только бы Андрюша не узнал!

На окне плотная занавеска. От этого темно в избе.

Эпизод второй

А на улице в это время день. Осень. С деревьев падают листья. Много листьев. Весна красивая пора, но мудрее поздняя осень... Когда живая природа уже осознала свой конец, но, несмотря на это, устраивает последний праздник.

Эпизод третий

Внутри двора. Деревья, под ними огромные кучи листьев. Сарай, около которого ходят курицы и утки, собачья будка – около нее на цепи сидит огромный пес... Он кажется грозным. Неожиданный порыв ветра разметал по двору ворох желто-красных листьев.

Эпизод четвертый

На небе рваные облака. Полнеба занимают дикие птицы – они улетают. Слышен их крик.

Эпизод пятый

В конце двора стоит баня. В ней, на лавке, закутавшись в фуфайку, спит Андрей. Во сне его мучают кошмары. Он стонет, тяжело дышит, как будто пытается от кого-то убежать. У него нет ног. Протезы стоят рядом у лавки. Это превосходного качества импортные протезы.

Эпизод шестой

МАТЬ. Ведь узнает – убьет!

АННА. И пусть убьет! Она мне деньги на протезы ему дала! Наверно, чечен ей дал! Ох, узнает и меня убьет!

ВЕРА. Господи, благослови!

МАТЬ. Я ее сюда вызвала поэтому...

Из кармана платья достает мобильный телефон.

Тоже она подарила.

Мать кладет мобильный на стол. Вера косится на телефон и крестится.

ВЕРА. Господи, благослови! Дьявольское творение!

АННА. У меня больше нет сестры! И деньги займу, но отдам. А ее... Чтобы ноги ее здесь не было!

МАТЬ. Дочь моя все же.

АННА. А о наших детях с Верой ты подумала?! НЕТ У МЕНЯ СЕСТРЫ!!

Эпизод седьмой

Через окно в баню, мы видим спящего Андрея. Он сжал зубы, весь вытянулся. Он начинает отмахиваться от кого-то. Как будто кто-то летает около него... Через некоторое время он тяжело вздохнул и отвернулся к стене.

Эпизод восьмой

По проселочной дороге едет автомобиль. Он приближается. Через лобовое стекло мы видим, что за рулем молодая беловолосая девушка. Ее лицо красиво накрашено и имеет серьезное выражение.

Эпизод девятый

МАТЬ. Может быть, она там в городе наркотики употребляет? От этого что-то с головой ее случилось?

АННА. Да уж, конечно, – колется, наверно. А этот чечен ее на иглу и посадил.

ВЕРА. Нечего ее было в город отпускать. Мы сами виноваты.

МАТЬ. Думала, хоть она проживет как человек...

Слышно, что за окном подъехала машина. Залаяла собака.

ВЕРА. Она!

Крестится.

МАТЬ. Сидите здесь. Сама ее встречу.

Поднимается. Идет к двери, переваливаясь. Причитает:

МАТЬ. Хоть бы Андрюша не узнал...

Эпизод десятый

Во дворе.

Люба идет к дому. Она одета в топик и короткую юбку. У Любы очень красивое лицо, стройная гибкая фигура, красивые ноги. Огромная собака лает, но не грозно, а приветливо.

Мать выходит во двор, сделав пару шагов, останавливается. Когда Люба подошла, то мать со слезами обнимает ее, целует в обе щеки.

МАТЬ. Дочка моя родная...

И снова обнимает и целует.

Эпизод одиннадцатый

В избе Анна и Вера.

ВЕРА. Как смотреть на нее буду...

АННА. А нечего на нее смотреть, на бесстыдницу!

В избу заходят мать и Люба.

АННА. Явилась! Как б... размулеванная, почти голая! Страм!

ЛЮБА. В чем дело? Ты как разговариваешь со мной?

АННА. Она еще будет спрашивать! Щас волосы все напмаженные повывергаю, будешь знать!

МАТЬ (*с тяжелой отдышкой*). Не кричите вы, дочки. Сядьте. Поговорить нада.

Люба тут же садится. Села и Анна. Молчат. Долго молчат. Вдруг:

МАТЬ. Ты, правда, встречаешься с чеченом?

Люба не отвечает, она смотрит в пол. Пауза.

Замуж собираешься или просто любишься?

ЛЮБА. Он мне предложение сделал.

ВЕРА. Хосподи!

АННА. Чеченят, бабка, будешь нянчить!

МАТЬ. Дочка... Люба... Как же ты так с нами...

АННА. Андрюше они ноги оторвали, Антона убили, а ты!

МАТЬ. Так по нам война эта прошлась... Как ты можешь? (*пауза*) Родила я тебя поздно... Говорил мне гинеколог, что ребенок может быть с отклонениями разными.

ЛЮБА. Да сами вы с отклонениями!

Плачет.

ВЕРА. Любаша, ты ведь мне не просто сестра, ты мне и как дочка была. С нашими детьми – с моим и с Анькиным – вместе росла. Ты Антона не помнишь? Как его во гробу привезли?

Люба рыдает.

МАТЬ. От Веры племянника твоего они убили, другого, от Ани, калеккой оставили. А ты с ними путаешься!

ЛЮБА. Да ни с кем я не путаюсь! Он-то не воевал!

АННА. И что? Звери они! Нелюди!

ЛЮБА. Ты хочешь, чтобы я так же, как вы, без мужа жила?! Чтобы вся жизнь наперекосяк? Я хочу мужа любимого! Хочу от него детей!

Ее лицо в потеках туши ужасно. Она похожа на бесноватую. На фурию. Огонь лампадки отражается в глазах. И кажется будто глаза горят каким-то неземным – дьявольским – огнем.

АННА. Как ты от него детей рожать собираешься?! Если ты понесешь, я этого волчонка сама выдавлю из тебя!

Люба вскакивает, хватается первое, что попадает под руку (мобильный телефон) и бросает в Анну. Промаривается. Телефон разбивается. Анна встает. Кажется, что она хочет ударить Любу.

МАТЬ. Я сама с ней поговорю! Отнесите Андрею поесть.

Вера послушно встает. Она вытаскивает что-то из буфета, берет что-то со стола. Анна садится на место. У нее каменное лицо. Все молчат.

ВЕРА. Пойду я к касатику нашему.

Выходит.

Эпизод двенадцатый

Вера идет через двор. Ветер плюется в нее листьями. Походка у нее угловатая, поспешная. Она о чем-то думает. О чем-то серьезном. Собака залаяла и осеклась, будто ей заткнули пасть.

Эпизод тринадцатый

Вера стучит в баню. Раздается голос: «Да входи!»

Эпизод четырнадцатый

В бане.

ВЕРА. Благослови тебя Бог!

АНДРЕЙ. И тебя так же, тетя Вера.

ВЕРА. Я поесть принесла.

АНДРЕЙ. Ооо! Давай! Жрать хочу! Хавать! *(Смеется.)* Чо грустная?

ВЕРА. Может, вернешься в дом? Что ты тут как... прости Господи!... собака?

АНДРЕЙ. Нее, тетя Вера, я пока не очень холодно, здесь поживу. Не могу с вами... И так тоска. А тут еще вы.

ВЕРА. Ну Бог с тобой. Сам знаешь.

АНДРЕЙ. Отвернись, тетя Вера.

Вера отворачивается. Андрей пристегивает протезы.

Все, тетя Вера, можешь поворачиваться.

Встает, делает пару неуверенных шагов, потом идет ловко, будто и не на протезах, а на своих ногах, подходит к окну.

О! Любка приехала! Сестренка моя! Что же ты мне не сказала?!

ВЕРА. Тетка она тебе, бестолковый.

АНДРЕЙ. Для меня сестренка.

ВЕРА. Любишь ее?

АНДРЕЙ. Кто мне ближе может быть, тетя Вера?

ВЕРА. Ну да. Вместе воспитывались.

Вера тяжело вздыхает. Андрей выходит.

Ты хоть поешь!

АНДРЕЙ. Потом! Дай я к сестренке схожу!

ВЕРА (*шепотом*). Благослови тебя Бог.

Дверь бани захлопывается за Андреем с громким звуком, от которого кровь стынет в жилах.

Эпизод пятнадцатый

В избе мать, Анна, Люба. Врывается Андрей. Совсем незаметно, что он на протезах.

АНДРЕЙ. Любочка, привет!

ЛЮБА. Привет, Андрюша.

Анна встает с каменным лицом. Она хочет что-то сказать.

МАТЬ. Молчи уж, ненормальная!

Люба со слезами выбегает из избы.

АНДРЕЙ. Так! Что тут произошло?! Я за Любку в деревне любому горло перегрызу... А вам вот что скажу. Что вы до нее докапываетесь всё? От вас мужа ушли. От всех! Я жить в доме не могу – в бане все лето жил. Не знаю, куда на зиму пойти теперь... Что вы к ней пристали?! Все вам не нравится! Пусть живет, как знает!

АННА. Да, ты не знаешь просто.

МАТЬ (*Анне*). Молчи!

АНДРЕЙ. И знать не хочу!

Выходит из избы.

Эпизод шестнадцатый

Люба бежит по полю. Под ногами пожухлая трава, ворохи листьев. Она бежит сломя голову в никуда.

Эпизод семнадцатый

По тому же полю быстро-быстро идет Андрей.

Эпизод восемнадцатый

Люба падает на траву, на листья. У нее истерика.

Эпизод девятнадцатый

Андрей идет по полю.

Эпизод двадцатый

По полю идут мать, Анна и Вера. Дочери поддерживают мать.

Эпизод двадцать первый

Андрей доходит до Любы. Он обнимает ее за плечи, что-то говорит ей.

Эпизод двадцать второй

Мать, Анна и Вера доходят до Андрея и Любы. Мать отталкивает поддерживающих ее дочерей и садится прямо на землю.

АНДРЕЙ. Что увязались?

АННА. Андрюша, ты просто ничего не знаешь!

МАТЬ (*Анне*). Молчи!

ВЕРА. Господи, благослови!

АНДРЕЙ. Баба, уведи этих фурий! Я тебя Христом Богом прошу!

МАМА. Не уйдут они...

АННА. Она с чеченцем живет! А ты ее защищаешь!

Листья гоняет ветер. Все молчат. У Любы трясутся руки... губы. Глаза ее широко открыты.

АНДРЕЙ. Люба, это правда?

ЛЮБА (*плачет, кричит*). Он никогда не воевал! Он в России родился! Я его люблю! Убей меня за это!

Анна начинает плакать.

АНДРЕЙ (*Спокойно*). Дура что ли?

АННА. Он Антона убиил!!

АНДРЕЙ. Он?.. Ты с ума сошла? Антона убил другой. И «чеха» этого тоже убили... Почти сразу.

ВЕРА. Благослови Антона, Господи!

АННА. Антошу убили, тебя без ног оставили, а тетка с ними путается... Мразь!

АНДРЕЙ. Брата убили, меня покалечили... А вынес меня «чех». Меня гантимировец на себе три километра нёс, когда я истекал кровью и без ног был. И нёс он меня по минному полю. Я сейчас письма от него получаю, и сам ему пишу, и, по-моему, роднее человека у меня нет и не было, и не будет. Убейте тогда и меня, раз Любу хотите убить!

МАМА. Ты не рассказывал...

АНДРЕЙ (*орет*). Да б..., зачем это рассказывать?!!!

Садится на траву. Бьет землю.

Не трогайте её! Любит – хорошо! Любит – в этом мире это очень много! Не трогайте её!

Плачет, обнимает свою мать и тетку Любу. Плачут все вместе.

Эпизод двадцать третий

Всей семьей идут по полю.

ВЕРА (*тихо матери*). Может не так уж и плохо, что он чечен. Пусть живут. Андрюшу вот спасли, оказывается.

МАТЬ. Пусть. Ну их.

Эпизод двадцать четвертый

Снова в избе. Уже ночь. Темно, свет исходит лишь от лампадки, которая висит у иконы. Вера снова стоит на коленях и молится. Пламя от лампадки отражается в ее глазах...

ВЕРА. Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ныне и присно, во веки веков. Аминь.

Встает, зевает. Подходит к своей кровати. Мать и Анна сидят за столом. Люба спит на кровати.

ВЕРА. Нельзя все вот так оставлять. Вынесли они Андрюшу, а моего убили... А родит ребенка и в какую веру его? Нет, нельзя так.

АННА (*жестко*). Уговорим ее.

МАТЬ. Я с ней завтра поговорю. Спи.

В комнате откуда-то подул ветер. Мать, Анна и Вера выглядят обескуражено. Ветер задул лампадку. Темнота.

Эпизод двадцать пятый

В полумраке кровать. На ней спит Люба. Она спит, укутавшись в старое одеяло. Она улыбается во сне. На ее красивом лице ангельская улыбка.

Эпизод двадцать шестой

Баня. Спит Андрей. Он стонет во сне. Ему снится что-то страшное. Он отмахивается от этого руками.

АЛЕКСАНДР ГРИЦЕНКО родился 7 февраля 1980 года в Астрахани. Драматург, журналист, литературный чиновник. Работал в газетах «Комсомольская правда», «Литературная газета», вел авторскую программу на радио России; более тысячи публикаций в периодике, рассказы и пьесы переведены на украинский, английский, немецкий, китайский языки. На данный момент Председатель Высшего экономического Совета Московской городской организации Союза писателей России и заместитель главного редактора журнала «Российский колокол». Лауреат литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Общенациональной премии «Дебют» и Всероссийской премии А.П.Чехова. Живет и работает в Москве.

Эхо XX века

ОЛЬГА ТИХОВСКАЯ

*Послания из XX века
До востребования*

ПОВЯЗКА № 8

– «Молдова-филм» продаётся!
 – Как это продаётся?
 – Ну, продаётся, покупается – какая разница? Говорят, есть покупатель... этот... американец знаменитый. Стивен... Стивен...
 – Спилберг?
 – Ну да, Спилберг. Или нет... Сигал! В общем, кто-то из Голливуда. Наконец-то настоящий хозяин у киностудии будет.

Оптимистическая сенсация в независимой молдавской прессе продержалась недолго, однако надежды на делового заокеанского барина не исчезли бесследно. До сих пор можно услышать – то ли розыгрыш, то ли анекдот, то ли пародия. Но жанр значения не имеет. Главное, что ОНИ этого не слышат. Главное, что и сегодня перед НИМИ – стыдно.

Стыдно за разрушительные манипуляции с многонациональной культурой Молдавии. За официально узаконенное беспамятство закомплексованных политиков. За тех, кто историю нашей родины обрабатывает по технологии мясников, разделяющих тушу. За судьбу киностудии «Молдова-филм», у истоков которой стояли ОНИ...

Режиссёр Ольга Петровна Улицкая, кинооператоры Иван Александрович Грязнов, Иван Куприянович Шерстюков и Леонид Иванович Проскуров – первые творческие сотрудники студии хроникально-документальных фильмов, организованной в Кишинёве по распоряжению Совета Министров СССР от 17 апреля и в соответствии с приказом Министра кинематографии СССР от 26 апреля 1952 года.

Распоряжения высшего руководства не гарантировали появление творческого коллектива. Кроме организационных решений, нужны были кинематографисты, чья созидательная энергия, культура, опыт и личностный потенциал составили профессиональный фундамент киностудии, с 28 января 1957 года известной под названием «Молдова-филм».

Два киножурнала в месяц и дублирование на молдавский язык выходящих в прокат фильмов – такой была стартовая задача пионеров киностудии, для которых освобождённая от немецких и румынских оккупантов Молдавия стала огромной съёмочной площадкой, а Кишинёв – не временным пристанищем командировочных киношников, но настоящим домом.

У каждого из них был свой жизненный маршрут и свой путь в профессию.

Солдат царской армии в годы Первой мировой войны, пулемётчик дивизии Щорса времён Гражданской, участник антирумьинской подпольной организации Иван Шерстюков впервые взял в руки киноаппарат в 1928 году, став студентом Одесского кинотехникума. Затем – километры киноплёнки и километры дорог от Чёрного моря до Байкала, от Украины до Сибири, от Дагестана до Якутии.

В числе выпускников Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) в 1937 году был двадцатитрёхлетний кинооператор Иван Грязнов, ученик Бориса Израилевича Волчека и Михаила Ильича Ромма. Начинал в художественном кино, затем стал военным корреспондентом. 1 сентября 1944 года на гружённой углём железнодорожной платформе добрался до лежавшего в руинах Кишинёва. Свою задачу – запечатлеть современность, отснять происходящее «здесь и сейчас» – Иван Грязнов выполнял с азартом первопроходца.

За год до Великой Отечественной войны окончил ВГИК и Леонид Проскуров; его наставником был известный советский кинооператор Леонид Васильевич Косматов. «Не ограничиваясь ремеслом, стремиться к мастерству» – этому принципу своего учителя Леонид Проскуров следовал и на Украинской студии кинохроники, и на Черноморской кинофабрике, и в Кишинёве, где, кроме документальных, снял четырнадцать художественных картин.

Заключив пожизненный союз с кинокамерой, старейшие операторы «Молдова-филм» оставили нам – в документальной кинолетописи республики – рассказ об эпохе и своих современниках. О себе говорили редко, мемуаров не сочиняли. Участвуя в становлении творческого коллектива киностудии и Союза кинематографистов Молдавии, не претендовали на роль основоположников, хотя именно им выпало быть первыми и работать совсем не в тепличных условиях, не на безмятежном острове энтузиастов.

В стране, где за год до смерти Сталина разыгрывался следующий акт народной трагедии, безмятежности – не было. Но были миллионы людей, сопричастных культуре созидания.

Среди этих миллионов созидателей, строителей – и ветераны молдавской киностудии. Помнить о каждом? Так ли необходимо?

Ответы подскажет экспозиция музея киностудии «Молдова-филм». Справа от входа – стена с фотографиями деятелей молдавского кино. Всмотритесь в этот настенный альбом, попробуйте найти портреты людей, которые в послевоенном Кишинёве *«много сделали для развития молдавской кинематографии»*.

Цитирую опубликованную в 1968 году статью *«У истоков молдавского кино»*, автор которой в 2007 году участвовал в создании этого музея: *«Но никогда работники студии не забудут, как десятилетиями братская украинская кинематография бережно поддерживала и помогла развитию молодого молдавского киноискусства»*.

Где же они, *«стоявшие у колыбели молдавской кинематографии»*? Где память о братской помощи? Вот – слева в углу, рядом с дверным проёмом – фотография, подписанная просто «Л. Проскуров». Портреты других кинематографистов первого призыва в музейной экспозиции обнаружить не удалось.

Что ж, если культурная память столь уязвима и незащищена, есть ли смысл увещевать политических закройщиков, перекраивающих нашу историю по новомодным лекалам? Есть ли смысл дискутировать? Ведь сегодня важны не профессиональные амбиции, не состязание в области заслуг перед молдавским кино. И

дело не в том, чтобы определить, кто самый «коренной» и самый «ветеранистый» из всех кинематографистов. Не голливудское это дело. *«Ах, это, братцы, о другом...»*

О том, какой диалог с Историей для нас морально приемлем и что допустимо в этом диалоге.

О том, готовы ли мы оглянуться и – на расстоянии – взглядеться в лица, которым не нашлось и скромного квадратика на музейных фотообоях.

Вот – не эпизодическое лицо.

Первый режиссёр киностудии – Ольга Петровна Улицкая.

Можем ли мы сегодня оценить то личностное богатство, которое она принесла с собой? Что мы знаем об этических и профессиональных принципах режиссёра Улицкой, её идеалах, её преданности учителям и друзьям, её самоотверженности? Как она понимала Добро и Зло? Как она понимала долг художника, деятеля культуры быть гражданином и патриотом своей страны?

Нужна ли нам память о ней – человеке минувшего века, персонаже не нашей драмы? Что она создала? Какое наследство оставила? Кому оставила?

Вопросы – на вырост. На марафонскую дистанцию. На дорожку, которая в поисках ответов приведёт на старт одной не застрахованной от забвения жизни.

Пролетела жизнь эта со скоростью милосердия, и – засеребрилась оцифрованная финальная проза под сенью Всехсвятской церкви на кишинёвском кладбище: *«Кинорежиссёр Ольга Петровна Улицкая. I.VII.1902 – 23. XII.1978. От друзей»*.

... А там, на старте, в трёх часах езды от Кишинёва, на расстоянии девяноста пяти лет от нас и наших голливудских грёз, бежит по улицам Одессы тринадцатилетняя гимназистка.

ЛАЗАРЕТ № 2 КОМИТЕТА ПОМОЩИ

БОРЦАМ ЗА РОДИНУ

учр<ежденный> ОДЕССКИМ УЧЕБНЫМ ОКРУГОМ

апреля 4 дня 1916 г.

Сим удостоверяю, что сестра милосердия, Ольга Петровна Улицкая, состоит сестрой во вверенном мне лазарете. Повязку имеет № 8.

Начальник лазарета

<подпись>

<печать>

Любимица большой семьи, младшая дочь. Пишет стихи, участвует в спортивном обществе «Сокол», обожает книги, море, кинематограф. И вдруг – *«состоит сестрой»*. И маршрут – от Одесской женской гимназии Н. А. Бутович до лазарета № 2, где практическая грамматика войны сводится только к страдательному залогу.

Но так ли обязательны – в юности – уроки сострадания солдатам, искалеченным на полях сражений?

В начале жизни Ольги Улицкой – обязательны. Здесь о себе заявляет Личность, для которой дежурства в лазарете были не романтическим порывом гимназистки, но поступком. «Повязка № 8» – начало и символ этой жизни, где дороги и тревоги рифмовались не только в тетрадках со стихами.

«Если описать судьбу Оленьки Улицкой, то перед нами встал бы образ

женщины-подвижницы. Её счастье было в отдаче себя другим. Счастье для себя было коротко, летуче, повисло светлым облачком на краю горизонта. И вся жизнь стала ожиданием, поддержкой любимого и опекой подбитых жизнью людей», – писал в 1984 году театральный режиссёр Владимир Александрович Галицкий, вспоминая одесскую юность и дорогих его сердцу друзей.

Они познакомились в середине двадцатых годов, когда Одесса после революции, интервенции, Гражданской войны вновь стала мирным городом. Начиналась новая, советская жизнь. Продолжалась романтическая одесская юность. Самодельные театры под названием «Синяя блуза» появлялись на фабриках, заводах, в рабочих клубах, и память Владимира Александровича Галицкого сохранила образы той поры: *«Был среди всех этих «Блуз» и запомнившийся мне «живой журнал» «Физкультура». Там в стайке загорелой спортивной молодёжи маршировала, выкрикивала стихи, строила «пирамиды» Оля Улицкая. Она была удивительно одарённым и разносторонним человеком. Работая инструктором физкультуры, выступая в стенгазете, тайком писала лирические стихи, мечтала о карьере кинорежиссёра».*

Одесса благоприятствовала мечтам. В 1926 году Ольга Улицкая поступила в Одесский государственный кинотехникум, и стартовой площадкой в её профессиональной судьбе стала легендарная Черноморская кинофабрика. В те годы киностудия в Одессе была настоящей кинематографической Меккой, куда стремились попасть многие режиссёры молодого советского кино. Здесь в 1929 году студентка Ольга Улицкая будет стажёром в съёмочной группе режиссёра Александра Осиповича Гавронского, приступившего к работе над фильмом «Тёмное царство».

От «Тёмного царства», вызвавшего бурные обсуждения в прессе и зрительские диспуты, впоследствии не останется ни кусочка плёнки. Только воспоминания и фотографии.

От «Тёмного царства» идёт отсчёт профессиональной биографии Ольги Улицкой и творческого сотрудничества с Александром Гавронским. Вместе они снимали картину «Настоящая жизнь» на киностудии «Белгоскино», работали над фильмом о комсомольцах Белоруссии, затем преподавали в Киевском киноинституте и вместе приступили к съёмкам первого звукового фильма Киевской киностудии.

Но кинозрители так и не увидели этот фильм под названием «Любовь»: он был уничтожен после ареста Александра Гавронского в январе 1934 года. От кинокартины «врага народа» не останется ни кусочка плёнки.

Но останется – и уже на всю жизнь – союз не только творческий. Грамматика сострадания и в личной жизни Ольги Улицкой определяла решения и поступки, на которые в годы сталинских репрессий отваживались немногие женщины.

Медвежьегорское бюро ЗАГС

Запись акта о браке № 88

Время регистрации брака: 22 сентября 1934 г.

Сведения о вступающих в брак

<...>

Вступающими в брак были Александр Гавронский, арестованный по ложному навету, затем сосланный в Медвежьегорск на строительство Беломоро-Балтийского канала, и Ольга Улицкая, которая отправилась к месту ссылки «врага народа».

Как всё было ясно когда-то – в гимназии, в Одессе, в другой жизни! Война 1914 года, враги – за линией фронта, в тылу – раненые, лазареты. «Повязка № 8»...

Биография Ольги Улицкой поражает силой противостояния беде, способностью «держат удар» и – талантом любви, дружбы, милосердия. И ещё – даром созидания. Она не отрекается от друзей, попавших в опалу и ставших жертвами века. Она не отрекается от своего творческого «я» и пытается остаться в профессии.

Москва. 7-10-37.

Я знаю Ольгу Петровну Улицкую как режиссёра, работа которого в течение нескольких лет протекала на моих глазах. Считаю её зрелым, самостоятельным работником, относящимся к своему творчеству чрезвычайно вдумчиво и профессионально. Её познания, способности и профессиональный уровень дают ей все основания на самостоятельную режиссёрскую работу.

Е. Дзиган.

Ветхий листок протёрся на сгибах, в нескольких местах разорван. Это не просто рекомендательное письмо, профессиональная характеристика. Если восстановить то, что осталось «за кадром», ценность этого документа будет очевидна.

В 1937 году режиссёр фильма «Мы из Кронштадта» Ефим Дзиган был в фаворе у властей и на пике своей карьеры. Его обошли стороной доносы и репрессии. Он знал, чем может обернуться знакомство с «врагами народа» и их родственниками. А знакомство началось ещё в 1920-х, когда бывший красноармеец Ефим Дзиган и его жена Раиса Есипова были студентами московской киношколы, где преподавал режиссёр А. О. Гавронский. В уничтоженном фильме «Любовь» артистка Раиса Есипова сыграла главную роль. Для «киноведов» с Лубянки, при их иезуитской логике, – более чем достаточно.

Советская киностудия – не фабрика грёз. «Важнейшее из всех искусств» было, прежде всего, идеологическим производством.

«Важнейшим из всех» кино было и для Ольги Улицкой, но при жёстком идеологическом контроле с надеждами на режиссёрскую работу, скорее всего, надо было расстаться. Возможно, это единственное «надо», которое Улицкая не приняла и которому так и не подчинилась. Кино входило в состав её личности как важнейший, осевой компонент. Она видела и мыслила мир – в квадрате киноэкрана.

В самые безнадёжные и бесприютные годы Ольга Улицкая не отступает и не отступает.

Она ждёт и – пишет письма, посылает продукты, лекарства Александру Осиповичу Гавронскому, всё ещё отбывающему срок за несовершенные преступления.

Список документов, в строгом соответствии с которыми часть жизни безвинного человека прошла в неволе, с годами только увеличивался. Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 27 февраля 1934 года. Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 5 февраля 1938 года. Приговор военного трибунала войск НКВД СССР строительства Северо-Печёрской железнодорожной магистрали от 1 июня 1942 года.

Тень этих приговоров – на личной и профессиональной жизни Ольги Улицкой.

Она ждёт и – пишет сценарии мультфильмов, пьесы для детских театров, тексты для радиопередач. По одному из её сценариев (в соавторстве с И. Г. Винокуровым) был снят «Дед Иван», первый советский мультфильм в жанре современной литературной сказки.

Оплавав смерть маленького сына, которого отец всё же успел увидеть во время ссылки в Медвежьегорске, Ольга Улицкая ощутила, что означает – в прямом смысле – *бездна отчаяния*.

В спасительном круге её друзей в эти годы – драматург Нина Гернет, литератор Изидор Винокуров, поэты Елена Благинина и Георгий Оболдуев, писатели Мария Поступальская, Рувим Фраерман и Григорий Адамов, художницы Екатерина Беклешова и Нина Зарецкая.

В 1939 году Улицкую наконец принимают на работу – режиссёром Московской дубляжной мастерской при студии «Союзмультфильм». Казалось бы, на периферии кинопроизводства. Но когда для дубляжа понадобились не только киргизские, казахские актёры и переводчики, а профессионалы, владеющие польским и немецким, – в технической рутине дубляжной мастерской уже можно было распознать предвестие больших и трагических перемен.

Москва. 26 августа 1941 года

«Жаль нашего родного города. Ох, придёт, придёт час расплаты, за всё нам ответят эти подлые осатаневшие скоты! Длинный уже пишется им счёт, и за всё придётся им заплатить сполна! Не нужно только терять мужества и выдержки. Победит тот, у кого будут крепче нервы – а эти скоты начинают уже сильно нервничать. Тем спокойней и крепче должны быть мы, как бы тяжёлы ни были испытания. Ни одного человека до сих пор я не встречала, который бы не был совершенно твёрдо уверен в нашей конечной победе».

Это письмо Ольга Улицкая отправила родителям и сёстрам, которые уже были эвакуированы из Одессы. Никто не знал своей судьбы. Ещё почти месяц оставался до того дня, когда в родной город Улицкой войдут румынские оккупанты. И почти месяц – до «чёрного четверга» в Москве, до 16 октября, когда из охваченной паникой столицы началось массовое бегство.

Письмо это не похоже ни на одно из её писем, сохранившихся в архивах друзей и родных. Но не будем спешить, сравнивая пафосные, гневные строки с агиткой или плакатом. Спросим себя.

Представьте, что сегодня разрушают – *ваш родной город*. Представьте, что варварство, наглость, подлость сегодня берут верх, угрожая гибелью – *вашей родной стране*. Как будете изъясняться? Вам трудно представить? Попробуйте.

15 октября 1941 г.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее выдано тов. Улицкой О. П., режиссёру дубляжной мастерской в том, что он<а> командировается Киностудией «Союзмультфильм» в г. Алма-Ата для работы.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА СТУДИИ /Александров /

<подпись>

<печать>

После эвакуации в Алма-Ату крупнейших советских студий «Мосфильм» и «Ленфильм» была создана Центральная объединённая киностудия, выпускавшая во время Великой Отечественной войны большую часть кинопродукции.

Здесь до конца войны Ольга Улицкая работает в дубляжном цехе, обучает молодых казахских сотрудников студии, сочиняет пьесы для радио, пишет детские сказки, сценарные заявки. Похоже на пасторальку? Только похоже... Безбедной тыловой жизни не было.

Полуголодная, измождённая женщина свои скудные средства делила на несколько частей, чтобы поддержать умирающего в больнице отца, страдающего в лагере мужа, эвакуированных сестёр, мать и племянника.

Одухотворённая, самоотверженная женщина, чья доброта и помощь были не фразой, но – делом, деянием.

Такой запомнили Ольгу Улицкую сотрудницы киностудии, жительницы Алма-Аты Нина Александровна Кривошеева и Галия Рамазановна Есбатырова. Такой запомнили Ольгу Улицкую эвакуированные в Алма-Ату поэт Лев Квитко, актёр Николай Черкасов, писатель Рувим Фраерман.

Ольга Улицкая продолжает писать сценарные заявки, наброски. Теснятся карандашные и чернильные строчки на грубой бумаге...

И, наконец, после окончания войны и восстановления Алма-Атинской киностудии, надежды на возвращение к режиссуре становятся реальностью. Правда, в масштабах, несоизмеримых с творческим потенциалом Улицкой. Вначале – работа вторым режиссёром на съёмках фильма «Песни Абая», затем самостоятельные режиссёрские работы, киноочерки, первый детский киножурнал в Казахстане.

Но ни одна дорога и ни одна тревога пока не связана с Кишинёвом. Лишь в 1947 году, когда Ольга Улицкая вернётся из Алма-Аты в родную Одессу, на Черноморскую кинофабрику, Судьба подаст предупредительный сигнал.

Вновь прибывшему режиссёру поручают дублировать на молдавский язык художественные фильмы «Она защищает Родину» и «В горах Югославии». Затем были «Молодая гвардия», «Пирогов», «Встреча на Эльбе», «Чапаев». Около тридцати фильмов, сдублированных на молдавский язык для демонстрации в кинотеатрах и сельских клубах Молдавии, – профессиональный вклад Ольги Улицкой в национальную культуру республики. Точнее, первый профессиональный взнос, не менее значимый для этого этапа культурного строительства, чем – в дальнейшем – создание оригинальных фильмов.

«Как мне хочется, чтобы ты приехала ко мне сюда, в мой тихий Кишинёв...» – не скоро сложится это письмо и не скоро доберётся оно до адресата, ленинградской писательницы Нины Владимировны Гернет, подруги одесской юности.

Ещё несколько лет в Одессе будет продолжаться работа по дублированию фильмов на молдавский язык, будут съёмки документальных сюжетов для киножурналов о Советской Молдавии. И когда наконец молодая киностудия разместится по адресу 'Мичурина, 26', – в жизни Ольги Улицкой появится *«мой Кишинёв»*.

Кишинёвский период тоже не был идиллическим. Дорог и тревог было в достатке, и по-прежнему помощь ближним и дальним – на пределе собственных сил. Помощь – со скоростью милосердия – была способом общения с миром.

В 1952 году казалось, что одной тревогой стало меньше. Об этом рассказала ученица А. О. Гавронского, актриса Тамара Владиславовна Петкевич в сво-

ей книге «Жизнь – сапожок непарный». Ольгу Петровну *«вызвали в отделение ГБ и спросили, согласна ли она взять на иждивение мужа, освобождённого по инвалидности, с условием его проживания на сто первом километре от Одессы. Выбрав село на станции Весёлый Кут, Ольга Петровна сняла для Александра Осиповича комнату».*

Сотрудники ГБ – органов Государственной Безопасности – «спрашивали» о согласии в редчайших случаях. Показная гуманность властей уже не в первый раз корректировала маршруты Ольги Улицкой и её семейный уклад. Проехать сто километров на перекладных, чтобы сварить обед для мужа, напоить чаем, дать вовремя лекарство, посмотреть в родные глаза. Какому изощрённому фантасту пришла бы на ум такая простая, до жути пыточная схема?

Тамара Владиславовна вспоминает о том, что *«постоянно убеждалась, как жёстко жизнь обходится с этой поразительной женщиной. Она ездила по республике, знакомилась с людьми, вникала в их интересы, в их правду. Сама писала сценарии, снимала по ним документальные фильмы. Поездки к Александру Осиповичу в Весёлый Кут, к старой матери и сестре в Одессу разрывали её на части».*

За пределами съёмочной площадки Ольга Улицкая обходилась без дублей и без дублёров. Она жила – «на разрыв аорты».

...И ничего не приберегала на чёрный день – ни душевных сил, ни скромных гонораров.

Свидетель Тамара Петкевич, об Ольге Улицкой – замолвите слово!

Замолвила, и не единожды: «На подаренной мне когда-то фотографии она написала *«Не казни ты себя и не мучай, человеческой доли раба!»*. *«Человеческой доли раба» – это к ней относилось больше, чем к кому-либо другому. Она всегда жила для кого-то. Не для себя. Её способность сострадать любой человеческой беде, равно как и собачьей бездомности, по сути, границ не имела. Она могла привести к себе в дом и накормить любого оборванца, дать ему денег. Не раз покупала для своих знакомых путёвки в санатории. Посвятив свою жизнь Александру Осиповичу, пожертвовав всем, она – человек глубокий и чуткий – и после ухода мужа страшилась додумать его судьбу до конца».*

Режиссёр и философ Александр Гавронский умер 17 июля 1958 года, через восемнадцать месяцев после того, как Военная Коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела все его обвинительные приговоры и вынесла решение прекратить дело *«за отсутствием состава преступления»*. Реабилитация безвинного страдальца не стала торжеством справедливости: власть не признавала свои преступления, но лишь пересматривала.

УСПЕХ МОЛДАВСКОГО КИНОИСКУССТВА

Вчера в кинотеатре «Патрия» состоялась премьера фильма «Атаман Кодр» производства киностудии «Молдова-филм». Новый цветной художественный фильм создан по сценарию кишинёвских журналистов С. Молдована и О. Павловского, режиссёрами-постановщиками М. Каликом, Б. Рыцаревым и О. Улицкой. Снимал картину оператор В. Дербенёв. Музыка написал композитор Д. Федов.

Газета «Вечерний Кишинёв», 20 марта 1959 года, № 67 (240)

В истории первой художественной киноленты студии «Молдова-филм», снятой в мирные и полные надежд времена, – ответ судьбы Александра Осиповича Гавронского и перекличка с незабытыми трагедиями.

«Памятники боевой славы» и «Наша Молдова» – с этих документальных фильмов началась режиссёрская работа Ольги Улицкой в Кишинёве. Она жила новыми ритмами молодой студии, её увлекали новые творческие перспективы. Казалось, что теперь ей удастся реализовать все замыслы, которые накопились за годы вынужденной рутинной работы.

«Молдова-фильм» расширялась, в штате появлялись новые режиссёры, операторы, редакторы, технические сотрудники. Самая молодая киностудия вписалась в культурный ландшафт самой молодой союзной республики.

Наконец в производственные планы 1958 года была включена первая художественная кинолента. Снимать её поручили Ольге Петровне Улицкой.

Поистине долгожданная возможность. Романтическая история о доблестном Тодоре Тобултоке, о гайдуках, народных мстителях, защищавших крестьян от произвола бессарабских помещиков в середине XIX века. «Тобулток», «Гайдуцкая баллада», «Атаман Кодр» – из нескольких вариантов названия фильма предстояло выбрать одно. А для Ольги Улицкой важно было осознавать, что эта, пока ещё безымянная, картина – её детище, её *настоящее*.

Как важно быть готовым к этому *настоящему* – к непредсказуемому часу, когда Судьба даёт тебе шанс. Эта возможность творчества, реальность созидания – и есть *настоящее*!

Работа над картиной началась, когда Александр Осипович Гавронский был уже тяжело болен. Но как никто другой, муж и творческий союзник, понимал, что значит для Ольги Петровны эта постановка.

Подготовка к съёмкам, отбор актёров, работа с группой – казалось, творческой и жизнестроительной энергии Ольги Улицкой хватит на всё и на всех.

Уже шли натурные съёмки неподалёку от Котовска, когда совместная творческая работа оператора Вадима Дербенёва и режиссёра-постановщика Ольги Улицкой оборвалась на полпути.

Жизнь Александра Осиповича близилась к финалу, и Ольга Петровна приняла очень важное решение. Она должна – в последние недели, дни, часы – быть рядом с родным человеком. Грамматика сострадания в этом случае не представляла иного выбора.

Но студия не могла ждать: первый художественный фильм должен был выйти в срок, согласно планам. В интересах кинопроизводства к работе были подключены два молодых режиссёра, недавние выпускники ВГИКа.

Так «Атаман Кодр» стал фактом биографии четырёх режиссёров. Четырёх, потому что трагедию ухода Александра Гавронского, не дожившего до премьеры, уже невозможно отделить от истории фильма, снятого Ольгой Улицкой, Борисом Рыцаревым и Михаилом Каликом.

Из письма О. П. Улицкой Н. В. Гернет, 23 марта 1959 г.

«Когда Сашенька за несколько дней до смерти со скорбью заговорил о том, как много хотелось сделать и как мало сделано – я ему сказала, что он делал самое главное в жизни: помогал людям жить. И это было – как протянутая рука, за которую он ухватился. Он прошептал: «Ты всегда найдёшь самые нужные слова». И вот когда его уже нет, это – единственное, что меня держит в жизни. Мне кажется, что этим я сохраняю как бы частичку его среди нас».

После премьеры «Атамана Кодр» в производственных планах студии каждый год появлялись новые художественные картины, но Улицкой среди режиссёров-

постановщиков нет. Её имя – только в планах документальных и научно-популярных «производственных единиц».

Наброски, фрагменты, сценарные заявки – в рабочих папках режиссёра Улицкой их становилось всё больше:

«В небе кружит и купается птица. Лёгок и стремителен её полёт. Птица красива, когда она летит.

Одна за другой набегают на берег волны. Стремительный, вечный ритм.

Представьте себе птицу, застывшую в небе. Или ставшую вдруг неподвижной морскую волну. Или тело гимнаста, замершее в воздухе. Это – уродливо, этого не терпит жизнь.

Так же уродлива – только мы этого не видим глазами – каждая остановка человека на его жизненном пути. Это застой, это вынутые из жизни часы и дни, это минуты умирания творческих сил.

Часы, минуты, секунды... Стрелки часов – как нож гильотины.

Жил ли ты каждое мгновение или только ожидал жизни?

Только в движении – жизнь. Вперёд, вперёд... Нам нужно торопиться...»

Начало 60-х годов – юность студии, время поисков и надежд не только для молодёжи «Молдова-филм», но и для кинематографистов первого призыва. Многого предстоит сделать впервые: молдавское кино ещё в поиске. Правда, вскоре жёсткие идеологические рамки будут ограничивать горизонт, а снисходительно-пренебрежительное словечко «творцы» прочно войдёт в лексикон нового руководства киностудии.

Но пока художественное и документальное кино переживает короткий период расправленных крыльев.

Ольга Петровна Улицкая предлагает снять первый художественный фильм по мотивам молдавской народной сказки. В шестьдесят лет – возраст мемуаров – она превращается в дебютантку и по собственному сценарию снимает свой первый фильм-сказку про трудолюбивого Пэкалэ и лентяя Сомнилэ.

Фильм «Горькое лекарство» включили в производственный план как короткометражный. Это усложняло задачу, но Улицкая была к этому готова. Для неё с самого начала профессиональной биографии кино никогда не было средством удовлетворения суетных амбиций. Ей необходимо было высказаться, создать нечто новое – в свете и цвете на киноплёнке.

«Я ничего не знал об Ольге Петровне до того, как меня пригласили сниматься в фильме «Горькое лекарство». Первая встреча была действительно с незнакомым человеком. Никакая предварительная информация не повлияла на моё восприятие. А восприятие было таким: во-первых, меня поразила какой-то внутренний свет, который был в этом человеке. Я, помню, даже подумал: «Как интересно – светится!»

Во-вторых, было ощущение, что она не очень от мира кино, в традиционном смысле этого слова, со всей этой суетой... К ней киношная пошлость так и не прилипла. Наоборот, было полное ощущение, что такими бывают люди, которые соприкасаются с очень глубокими знаниями. Эти люди не суетны, потому что они ещё ЧТО-ТО знают. Они общаются с великими людьми, с великими истинами, поэтому в них нет суеты. Вот у меня было такое впечатление от знакомства с Ольгой Петровной», – вспоминал актёр

и режиссёр Ион Спиридонович Унгуряну, выпускник первой молдавской студии Щукинского театрального училища при Театре имени Вахтангова.

«Казалось, что Ольга Петровна всматривается в меня и моего партнёра по картине Митю Карачобану, словно ожидает чего-то, хочет понять, что мы можем, с чем мы пойдём к ней навстречу. Мы были начинающими, но довольно популярными актёрами молодого театра «Лучафэрул». Ольге Петровне важно было соприкоснуться с новым. Поэтому мы вместе решали, как же сделать, чтобы эта сказка не была обыкновенной. Хотелось, чтобы был праздник. Нужен был, по нашему мнению, «вахтанговский ключ».

Ольга Петровна удивительно легко пошла нам навстречу. Потом придумала, как всё это лучше снять, чтобы всё получилось именно так, как задумано.

Удивительно деликатная была обстановка, не было киношной суеты на съёмочной площадке, не было этой неразберихи. Так, наверное, снимают кино интеллигентные люди. Конечно, кино требует иногда и грубости, никуда от этого не денешься, к сожалению. Но, оказывается, можно работать совершенно в другой обстановке. Это очень приятно вспоминать.

В Москве у нас были замечательные педагоги, режиссёры. Ольга Петровна как бы продолжала когорту этих удивительных людей, которых принято называть русской интеллигенцией. Я бы причислил Ольгу Петровну к этому разряду.

Если бы она могла осуществить как кинорежиссёр все свои планы, все мечты – это было бы что-то особое, незаурядное в нашем кино. Мы бы имели какую-то особую ноту в кинотворчестве, если бы она осуществила свои планы.

Но, к сожалению, по ряду причин, которые... Интеллигенции не всегда хватает сил, чтобы настоять на своём. Для этого, видимо, иногда нужна и грубая какая-то сила. То есть, я бы сказал, что достоинства интеллигенции являются продолжением её недостатков, если можно так сказать. Потому что, зная и имея что-то и чувствуя что-то, они – интеллигенты – не всегда умеют настоять на своём. Время не всегда идёт им навстречу. И счастье, когда это хоть как-то совпадает. Вообще, меня поражает это качество русской интеллигенции – умение или стремление, я бы сказал, стремление понимать другие народы. Вот это поразительное качество».

Творческая биография Иона Унгуряну сложилась в диалоге молдавской и русской культуры. Эти воспоминания были записаны в 1986 году, когда режиссёр жил и работал в Москве, ставил спектакли в Центральном театре Советской Армии.

...Голос звучит так завораживающе искренно, так вдохновенно, что сохранившуюся магнитофонную запись этих воспоминаний хочется слушать вновь и вновь:

«Я вспоминаю эти съёмочные дни как одни из самых светлых дней, которые были в моей жизни. Было ощущение какого-то отдыха, праздника. Она не показывала, а подсказывала. Ей самой было интересно, что получится.

Есть такая молдавская поговорка: «Расчёт, проделанный дома, не совпадает с базарным расчётом». С теми ценами, которые будут на базаре... Так и здесь: одно дело, когда ты сидишь дома над бумагой, а другое дело – живые актёры. И она в этом была чутка.

«Горькое лекарство» – сказка-притча. И как это ставить – не совсем ясно. Это всё приходилось, по сути, делать впервые. На экране ещё не было ни одной сказки молдавской. Да ещё притча, да ещё такой как бы лубочный стиль. Как в этом пребывать? Конечно, это искалось, и Ольга Петровна так и говорила открыто: «Я до конца не знаю, что это такое, давайте будем искать». Имея достаточный опыт работы, она как бы забывала это. Ей было интересно, как получится. Почерк подлинного художника... Всегда художник идёт от вдохновения, от знания – к ещё неизвестному.

Не было прецедента не только у нас, но и у неё. Я не знал, как играть молдавскую сказку. Вот её готовность вместе с нами пуститься в незнакомое путешествие, попасть в новые ситуации, видимо, в этом уже есть половина успеха. Потому что много людей пускаются в путь, только когда очень уверены. А она не боялась...

Она была не от мира сего, в определённой степени. Почему? Потому что в ней была какая-то вера в людей. Я сказал бы так, что в ней осталась детская вера, что нужно приносить радость и раздавать радость. А жизнь более груба. Поэтому она часто бывала грустной. Но грустной – «печаль моя светла» – вот так я бы сказал – от многих несовершенств мира. Она страдала оттого, что она не могла на это повлиять.

А общение с ней... Эти озарённые улыбкой удивительные глаза! Я диву давался – откуда это берётся! Когда называют имя Улицкой, что-то внутри светлеет от воспоминаний, от того, что она прекрасным образом несла в себе».

«Горькое лекарство»... Есть какая-то пронзительная символика в названии этого –последнего – художественного фильма режиссёра Улицкой.

Она ещё полна сил и надежд, её идеи, планы созвучны современности и творчески состоятельны. Но для руководства студии она – только ветеран-пенсия, уже не нужный производству. Теперь в ней видели человека другого культурного и нравственного «формата», уже не актуального для студии.

Из письма О. П. Улицкой Н. В. Гернет, 5 февраля 1967 г.

«Хочешь сделать хорошо, а тебе не дают. Хочешь сказать о том, что волнует людей, о чём, наконец, пишут уже давно в газетах, – находятся тысячи отговорок: кино, де, слишком острое оружие... Вчера был такой спор по вёрстке моего журнала у главного редактора. Чуть не до слёз, честное слово! Ну не пробить стену равнодушия. Я уже как-то сказала своей редакторше: «Чорт с ними, буду халтурить», – а она мне: «Так Вы ж не сможете!». Конечно, не смогу, я и сама знаю. Вот и бьёшься всё время головой о стену».

В конце 1960-х годов период расправленных крыльев в молдавской кинематографии явно подходил к концу. Авторское своеобразие и самобытность становились экзотикой, которую лишь изредка разрешали, но не поощряли.

О семидесятых – времени кризиса в киноискусстве Молдавии – киновед Анна-Мария Пламадяла размышляла в 1987 году: «С начала этого десятилетия в молдавском кино произошла переориентация – от вопросов нравственных, духовных к отражению процессов в экономике и сельском хозяйстве республики, когда человек становился лишь фоном свершающихся, как по мановению волшебной палочки, преобразований». Анализируя художественные фильмы, где «рекламировалось любое хозяйственное начинание, прежде чем сама жизнь

даст ему оценку», киновед говорила о том, что глубоко волновало и режиссёра Улицкую в последние годы её жизни.

«Так воцарилась в молдавском кино атмосфера лжи и лакейства, губительная для искусства», – подводила итоги Анна-Мария Пламадяла.

Для Ольги Улицкой конец 1960-х и начало 1970-х – время личных итогов и, вопреки обстоятельствам, время творческих надежд. Она мечтает снять детский фильм по новой пьесе Н. В. Гернет «Сказка о маленьком Каплике». Пишет сценарную заявку, где перечисляет, по сути, свои главные жизненные принципы:

«Любовь к доброму и неприятие злого, радость победы над ним, сочувствие к слабому, стремление помочь попавшему в беду товарищу, великая сила единения, братства и дружбы, цепная реакция добра – вот то душевное богатство, что унесёт с собой ребёнок после просмотра фильма, который я предлагаю сделать на основе этой пьесы».

Сказка уже была поставлена во многих кукольных театрах Советского Союза. Ольга Улицкая первой увидела в истории Каплика, дождевой капельки, замечательный материал для детского кинематографа и предложила интересное творческое решение. Фильмов такого плана киностудия «Молдова-филм» ещё не снимала. Но в течение нескольких лет ни руководство киностудии, ни члены сценарной коллегии так и не смогли понять творческий потенциал «Сказки о маленьком Каплике».

Из письма О. П. Улицкой Н. В. Гернет, 5 февраля 1967 г.

«Не зря твой «Каплик» мне тогда душу перевернул – он так отозвался на многое! Если бы мне удалось до Каплика добраться и снять его как следует, чтобы оставить в нём, сохранить его трепетную душу, его призыв, – я бы жила этим, словно каким-то итогом своей жизни».

«Не тот год – это верно. Но его надо «пробивать» на будущий год и делать это заранее, в этом году, когда верстаются планы. Меня поддержат в ЦК и в Союзе. Т.е. не меня, а Каплика, где его поняли как надо. Теперь остаётся ещё Комитет и студия, а это – самые трудные орешки».

Пока идёт этот «последний бой», Ольга Улицкая пишет сценарий «Приключения Каплика». Она уже представляет себе, как создать этот сказочный мир на экране. Она уже видит и слышит – героев, музыку, шум дождя. Она понимает, что все её надежды и попытки ограничены очень короткой временной дистанцией. Она торопится и – надеется. Пока, наконец, не остаётся никаких надежд.

Остаётся только вывести на бумаге это нелегко дающееся признание:

«Я поняла, что меня фактически списали в обоз... О художественном фильме мне прямо было заявлено, что это – для молодых, а... «Вам уже трудно»... и т.д. Короче, этот путь для меня закрыт, видимо, уже навсегда, и мне очень прозрачно напомнили о моей старости. После этого целый месяц ходила, как больная. Убита вера в себя, сломлена вера к борьбе».

Одна мысль: «Вероятно, они правы». Какая-то отрава сомнения (увы, даже уже и не сомнения!) вошла в душу. Теперь всё, что я делаю, кажется мне бездарным, бледным, неинтересным. Да и не хочется ничего делать. Позорно трату время, которого мне не так уж много осталось».

Горькое лекарство – невостробованность. Горько избавляться от иллюзий, расставаться с надеждами. Но есть у такого лекарства побочный эффект: бессонница души. Каждая мысль, каждое воспоминание – только о собственной боли,

собственной отринутости. Потом до слуха доходят не крики, не шёпот, а бессловесный призыв от тех, кому так же трудно, и тех, кому, возможно, ещё трудней.

В школе сострадания, называемой *жизнью*, «повязка № 8» оказалась долговечнее удостоверения режиссёра «Молдова-филм» и членского билета Союза кинематографистов.

Следуя внутренней логике своей судьбы, – всё ещё не ясной для неё самой, – Ольга Улицкая и на последней дистанции отзывалась на боль и беду других.

Подбитая влёт, её душа находит силы, чтобы поддержать близкого друга – письмом, напутствием, заветом:

«Я знаю, что, пробудившись от спячки, заснуть уже невозможно. И не нужно! Пусть больно, пусть трудно – живи!»

* * *

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Однажды, за много лет до братоубийственной войны на берегах Днестра и похода волонтёров на мирную Гагаузию...

За много лет до апрельского погрома в Кишинёве и поджога парламента с участием подростков...

За много лет до голливудских грёз о твёрдой руке и твёрдой валюте...

За много лет до националистической фальшивки «Голгофа Бессарабии», озвученной вдохновенным голосом Иона Спиридоновича Унгуряну на киностудии «Молдова-филм»...

Однажды, в Кишинёве прошлого, XX века, в одной из панельных пятиэтажек на улице Зелинского, в крохотной квартирке...

...Бывшая гимназистка и сестра милосердия, участница одесского «Коллектива поэтов», заслуженный работник культуры Молдавской ССР, член Союза кинематографистов СССР, первый режиссёр студии «Молдова-филм», создатель первой молдавской киносказки, автор документальных кинолент о культуре Молдавии, о Гражданской войне и борьбе против румынской оккупации, о героях Великой Отечественной, участниках антифашистского подполья в Кагуле и Краснодоне – Ольга Петровна Улицкая – записала на листе бумаги:

«Хочу подать заявку на документальный фильм «Одарённые дети Молдавии». Вот тут может быть много интересного материала».

ОЛЬГА УЛИЦКАЯ
(1902–1978)

НЕ ВСЁ СГОРАЕТ...

ОБЛАКА

Разорванные ветром облака
Кричат от боли, разве ты не слышишь?
И будет ветер, будет боль, пока,
Смятённая, ты думаешь и дышишь.

И голым нервом примешь тишину,
И кровью сердца – полосу заката...
Приложишь к ране не бинты и вату,
А моря шум, и гладь, и глубину.

Высоко в небе лягут облака,
Твою беду прикроют мягкой крышей.
И будет ветер, будет жизнь, пока
Смятённая, ты думаешь и дышишь.

В ДЕНЬ СТОЛЕТИЯ МАТЕРИ

О матери трудно... Само это слово
Такое, что слова к нему не найти.
Ну, мать... Ну, куском поступиться готова
И кровью за детскую боль изойти.

А нас-то немало, букет многоцветный,
Любого на выбор – силён и здоров.
Недаром и мать была статной, приветной,
Два ряда не знавших изъяна зубов.

Теперь моя мама – старушка седая.
Устала... Поблекла... В морщинках лицо.
Чуть утро – и смотрит в окно, поджидая:
Авось ей закинет почтарь письмецо.

От сердца скажу вам, признаюсь вчистую:
Ей букву поставить – что выстроить дом.
Но с грустью щемящей подолгу целую
Те буквы, что мать водружала с трудом.

Тех пальцев ли жаль мне, сведённых ломотой,
 Что шарили долго, расправив листок,
 Но вся я светлею – смиренное что-то
 Из этих кривых изливается строк.

Такого тепла и такой благодати
 Полно твоё сердце, что хватит на всех.
 А гость на пороге – и гость всегда кстати,
 И кстати веселье, и шутка, и смех.

Ты всех бы приветила, всех бы сдружила,
 Всех бы знакомых переженила.
 Всех бы друзей за столом собрать,
 А самой оказаться – как будто! – лишней,
 Сесть в уголок и оттуда неслышно
 За шумным праздником наблюдать.

Мне бы с тобою всё время ладить,
 Мне бы морщинки твои разгладить.
 Может, затем и стихи пишу,
 Что, от тебя принимая силу,
 Так, как у сердца меня носила,
 В сердце своём тебя я ношу.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДЕССКОМ «КОЛЛЕКТИВЕ ПОЭТОВ»

Это было летом 1920 года. «Коллектив» помещался тогда в особняке, покинутом его владельцами, в доме № 20 по улице Петра Великого. Помню две смежные комнаты без мебели, стены с лепными украшениями и высокими окнами. Высота окон запомнилась потому, что мне пришлось как-то их мыть, наравне в другими женщинами, членами коллектива (нам хотелось сделать наше помещение если не нарядным, то хоть чистым и, по возможности, уютным).

Трудились мы очень усердно, и Багрицкий, зайдя в комнату в самом разгаре наших усилий, позвал Олешу и сказал: «Смотри, как молодые поэтессы моют окна. Это, пожалуй, получше твоего четырёхстопного ямба!»

Но это было позже, а в первый раз – вот так: почти совершенно голая комната, если не считать нескольких стульев и маленького столика. Сидят на этих стульях (кто пришёл пораньше), на подоконнике, на полу. Полумрак, надвигаются сумерки, а света, конечно, нет (1920 год!). Поэты читают свои стихи, выходя на середину. Читал молодой Владимир Сосюра (впрочем, все тогда были молодыми). Читал Николай Браун, ещё кто-то, не помню. Потом председательствующий объявил: «Сейчас прочтёт свои стихи поэт Илья Файнзильберг».

Все переглянулись – имя было незнакомым. На середину никто не вышел, а откуда-то из угла раздался голос, мерно скандировавший что-то совершенно своеобразное: стихи – не стихи, прозу – не прозу. Скорей, это можно было бы

назвать ритмизованной прозой. Необычайно яркие и хлесткие образы в имажинистском вкусе, рассчитанные, может быть, на то, чтобы ударить, как плёткой, по мещанским вкусам. Запомнились, к сожалению, только две строки:

*Каждый вечер, с упорством каракатицы
Беззвучно гадит на небесах луна...*

Помню, впечатление было очень сильное. Все закричали: «Где он? Кто он? Пусть выйдет на середину, пусть покажется!»

Но на это Ильф, ибо это был он, буркнул из своего угла: «Не пойду, мне и здесь хорошо!»

Таково было первое выступление в коллективе писателя Ильи Ильфа. Впоследствии все привыкли к его молчаливости и к тому, что он всегда сидел где-нибудь в углу. Иногда он совершенно неожиданно нарушал своё молчание острой репликой, точно попадавшей в цель.

Хорошо помню Юрия Олешу, ходившего в синей матросской голландке, с тёмным чубом, падавшим на лоб. Он был влюблён в Пушкина и в четырёхстопный ямб, и многие из его стихов того периода написаны этим размером.

Помню, например, отрывки из его поэмы «Мёртвые души в современности». Начиналась она так:

*Двадцатый век, как низко пал ты!..
Изнеможён, теряя дух,
Бредёшь от Жлобина до Балты
И от Борщевой до Пепелюх...*

И конец запомнился:

*... Мало ль, много ль –
Не перечислишь всех их тут.
Эх, Николай Васильевич Гоголь,
Все души мёртвые – живут!*

Помню ещё начало одного стиха:

*Ах, такое Рождество у нас,
Что детей, ей-богу, очень жалко!
Что осталось? Кубики да палка
С лошадиной мордою без глаз.*

Остальное не сохранилось в памяти.

Юрий Олеша вместе с Багрицким был душой коллектива. Особенно любили Багрицкого. То, что он «божьей милостью поэт», уже тогда чувствовали и знали все. Каждое его выступление с новыми стихами было особым днём в жизни коллектива. Читал он очень своеобразно, как никто, – с придыханиями, – у него же тогда <была астма>.

***** Окончание этих воспоминаний утрачено. Копия текста сохранилась в личном архиве В. А. Галицкого, заслуженного деятеля искусств РСФСР, автора книги «Театр моей юности».**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПЛИКА

авторская заявка на сценарий детского фильма

В нашей кинематографии почти отсутствуют фильмы для самых маленьких, а если и есть, то, главным образом, мультипликационные, в которых порой развлекательная сторона заслоняет собою всё остальное. Сочетание же яркой зрелищности и глубокой воспитательной силы встречаются крайне редко.

С этой точки зрения, пьеса для кукольного театра «Сказка о маленьком Каплике» (автор – Н. Гернет), получившая вторую премию на Всесоюзном конкурсе, представляется мне буквально находкой для нашего детского кинематографа.

Ярко зрелищная, музыкальная, вводящая ребёнка в любимый им мир животных, где каждый образ вылеплен чётко и выпукло, где не прекращается непрерывно развивающееся действие, за которым ребёнку легко следить, – она сразу захватывает юного зрителя и ведёт его за собой до самой последней сцены.

Она вызывает у ребёнка не только чувства, но и первые мысли о жизни, первые оценки поступков. Любовь к доброму и неприятие злого, радость победы над ним, сочувствие к слабому, стремление помочь попавшему в беду товарищу, великая сила единения, братства и дружбы, цепная реакция добра – вот то душевное богатство, что унесёт с собой ребёнок после просмотра фильма, который я предлагаю сделать на основе этой пьесы.

Зададут вопрос, как осуществить в кино то, что в театре играется при помощи кукол.

Кино даёт гораздо больше возможностей в этом смысле, чем сценическая площадка. Всех лесных героев могут играть дети, одетые в соответствующие костюмы и, конечно, не в масках, а с открытыми личиками. Маленькие зрители привыкли к такой условности и охотно её принимают.

Сочетание большого масштаба декораций с маленькими фигурками персонажей даст ощущение лесного микромира (ибо всё действие должно происходить в павильоне, на условной, сказочной натуре).

Материал пьесы даёт возможность создать ярко зрелищный, увлекательный и очень нужный фильм для малышей.

ВСТРЕТИЛИСЬ ДВОЕ...

заявка на сценарий документального фильма

Здесь мне хочется рассказать о двух жизнях. Одной – находящейся уже в зените зрелости и творчества, и другой, ещё только расцветающей.

Первый – художник Борис Пророков. Вторая – юный композитор Таня Федькина.

Почему именно эти двое?

В столкновении этих жизней есть какая-то глубоко волнующая закономерность.

Борис Пророков... Автор серии рисунков «Это не должно повториться». Автор мужественной, героической жизни, которая потрясает душу не менее, чем его работы. Художник и солдат, пронесший через все рубежи войны гнев и страсть поистине взрывной силы.

Человек, расплатившийся тяжёлой контузией. Приговор врачей: работать нельзя. Нельзя касаться темы войны, это обостряет болезнь.

Но обостряется всё больше схватка двух миров. Тяжелее нависает гроза войны.

И вот отброшены запреты. Нечеловеческим усилием преодолевая жесточайшую головную боль, непрекращающуюся годами, – результат тяжёлой контузии на фронте – Пророков рисует. Он создаёт свою серию рисунков «Это не должно повториться».

Я не знаю более сильного и страстного протеста против звериной сущности фашизма, против войны. Очень хорошо сказал о Пророкове Владимир Рудный: «Он заставил нас посмотреть на войну глазами жизни, которая в муках и борьбе противостоит смерти».

Вот это великое мужество искусства Пророкова и его жизни мне хотелось бы донести с экрана.

И другая жизнь... Цветущая, юная, не знавшая бомбёжек и затемнений. Жизнь, которую бережно держит страна в своих материнских ладонях. Ничем не нарушенное детство, радостный и светлый талант.

Оба они живут в одном городе. И может быть, Таня не раз пробежала по улице мимо медленно идущего человека. Такого, как все. А он, возможно, не обратил внимания на весело подпрыгивающую на бегу девочку с большой нотной папкой под мышкой.

Но когда, в конце фильма, перед нами появится на экране полный гнева рисунок Пророкова «Тревога», где мать в непередаваемом порыве прижала к себе ребёнка... И когда мы услышим на этом кадре детский Танин голосок, поющий «Колыбельную», которую она сама сочинила, – глубокая внутренняя закономерность сопоставления этих двух жизней дойдёт до зрителя без всяких словесных пояснений.

Меня очень волнует эта тема. Каждый из нас в меру отпущенных ему сил и умения должен сказать своё «нет» войне. Особенно сейчас. А в подобном очерке это «нет» должно прозвучать очень сильно.

Публикацию подготовила *О. Тиховская*

Сегодня гости нашей рубрики – поэты Урала: Александр Кердан, Юрий Казарин, Майя Никулина, Вадим Дулепов, Нина Буйносова и Наталия Санникова.

Поскольку все эти авторы входят в Ассоциацию писателей Урала (АсПУр), думаю, следует о ней немного рассказать. Ассоциация писателей Урала (АсПУр) создана в ноябре 2000 года в Екатеринбурге по инициативе писателей Кердана А.Б. и Блинова В.А. В настоящее время АсПУр объединяет 21 писательское сообщество, принадлежащих к различным творческим союзам.

АсПУр является важнейшей частью общего литературного процесса на Урале, в западной Сибири и Поволжье. Основная идеология организации – восстановление «разорванного литературного пространства», консолидация здоровых творческих сил, созидательная деятельность во благо отечественной словесности и культуры в целом. Стратегическими направлениями деятельности Ассоциации можно назвать: работу с творческой молодежью, издательскую деятельность, учреждение (совместно с СП России) Всероссийских литературных премий, организацию «творческих десантов», межрегиональных и международных литературных фестивалей, «круглых столов», проведение Дней российской литературы в различных регионах и других мероприятия. 24–25 июня этого года АсПУр провела в Каменск – Уральском Международное совещание молодых писателей, в котором участвовали 60 молодых литераторов из России, Украины, Эстонии, Молдовы и Казахстана.

Итак, встречайте – поэты Урала!

Ведущий рубрики **Сергей Пагын**

«ВЫДЕРЖАТЬ, ВЫТЕРПЕТЬ, ВЫМОЛЧАТЬ СЛОВО...»

ЮРИЙ КАЗАРИН (г. Екатеринбург)

Поэт, лингвист, профессор филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Родился 11 июня 1955 г. Работал фрезеровщиком, служил на флоте, окончил филологический факультет Уральского университета. Доктор филологических наук (диссертация «Поэтическое состояние языка»).

Член Союза писателей России (с 1989 года, один из поручителей – А. А. Тарковский). Председатель Екатеринбургского отделения Союза писателей России (2003–2010).

Заместитель главного редактора журнала «Урал» (2001–2002).

Издатель серий поэтических книг «Ех versibus» и «Марафон». Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Уральская новь», «Юность», «Воздух» и др. Автор десяти книг стихов, книги прозы «Пловец». Премии журналов «Юность» (1991) и «Урал» (1996), имени Бажова (1999) и др.

* * *

Закрой глаза, – смотри: ты все еще не умер,
 послушай, кто молчит у жизни на краю,
 как ноет комара небесный зуммер,
 выпрашивая кровь твою.

Закрой глаза и дуй словами на ожоги
и воздуха, и зги, покусывай губу
арапом на снегу, где разрешили боги
зажмуриваться, дуть и вылетать в трубу.

Закрой глаза и пой, и весь бросайся в выдох,
и плачь, и бормочи, вplывая в окоем.
И голос ангела на взрыдах
проступит в голосе твоём...

* * *

Как мало мне губами
распробовать дано:
и пироги с грибами,
и с вишенкой вино,
и солнце золотое,
и черный пистолет,
и зеркало пустое,
когда дыханья нет.

* * *

В этом доме был вчера покойник.
Окна настежь Комнаты пусты.
Сядет воробей на подоконник.
Дедушка посмотрит с высоты.

Бабушка развесила бельишко.
Парится картошка в чугушке.
Спит в саду зареванный мальчишка
С яблоком надкушенным в руке.

Видит он: на кладбище копают,
Старики заглядывают в сад.
Слишком высоко они летают –
Мальчики туда не долетят.

* * *

Ю. Казакову

Я чувствовал, когда на мушку
Меня стреноженного брали.
И – алюминиевую кружку
срывал с цепочкой на вокзале.

Кончалась водка. Поезд вышел,
солдат по тамбурам качая.
Я даже выстрела не слышал
За колокольчиками чая.

Как после сечи, лес валился –
в лицо от скорости – навстречу.
А мой вагон остановился –
и семафор плеснул на плечи.

Когда ты мертв, ты больше значишь
в глухой российской тишине,
где наяву ты горько плачешь
и улыбаешься во сне.

АЛЕКСАНДР КЕРДАН (г. Екатеринбург)

Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 37 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге и на Урале. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живет в Екатеринбурге.

РЯДОВОЙ

Ах, как земляца неровна...
Неровности земляцы
Любить заставила война,
Чтоб мог солдат укрыться.

Любая ямка, бугорок –
Спасение от пули.
И, крепко заучив урок,
Солдат живым остаться смог
В сорок втором, в июле.

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награждён –
Стирал портянки в Шпрее.

И вот – землёй навеки стал,
Привнёс в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастёт травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.

* * *

Вспыхнула ночная тишина
 Перед днём Христова вознесенья –
 Факельное шествие сирени
 В городе устроила весна.

Гулом распутившихся соцветий
 Напитался быстрокрылый ветер,
 Ароматом улица полна...

И душа, подобно ветке тонкой,
 Силой переполненная звонкой,
 К небесам сквозным устремлена.

ПЕРЕКРЁСТОК

Бежит мальчишка, а навстречу
 Ему едва бредёт старик...
 Сойдутся, как рассвет и вечер,
 И разойдутся в тот же миг.

А я – сторонний наблюдатель –
 Стою, их встречею задет:
 В душе – мальчишка и мечтатель,
 Хоть за спиной полсотни лет.

Стою, на опыт не в обиде
 И не в претензии к судьбе,
 Как будто миг назад увидел
 Себя, бегущего к себе.

12 ЯНВАРЯ

В доме напротив погасло окно –
 Темень и стужа.
 Знаешь, а я уже понял давно –
 Я тебе нужен.

Чтобы дышать, возрождая мечту,
 Страх не чуя...
 – Я тебе нужен... – опять в темноту
 Тихо шепчу я.

Даже когда и мечта не видна –
 Заледенела.
 Впрочем, важнее, что ты мне нужна –
 В этом всё дело!

Ты мне нужна безо всяких затей
И философий,
Как отражённый рассвет, что видней
В окнах напротив.

НА АЛЯСКЕ

Пялятся тотемы рода Ворона,
Над покатою крышею жилья.
Стайки звёзд шарахаются в стороны,
Словно, испугавшись воронья.

Мхом поросший лес хранит молчание
О давнишнем споре – кто кого...
Об открытках, сделанных датчанином,
А вернее, вовсе без него.

О простых, с мужицкою ухваткою,
Людах, что пришли издалека,
Распрощавшись с Курском, Тотьмой, Вяткою,
Да вот здесь оставшись на века –

В золоте крестов на колоколенках,
В именах, что носят острова –
Русским духом, самой малой толикой,
Что ещё в Америке жива.

Горькая, уже не знаменитая,
Но родная – тем и дорога –
Наша кровь, как ветвь, к дичку привитая,
Превратила в родича врага.
И недаром эту память жгучую
Чёрный ворон чутко стережёт,
Словно сон, что радует и мучает,
И забыть легенду не даёт.

АНАМНЕЗ

В только что захваченной траншее
Старшина раздал боезапас...
Ты сидишь с царапиной на шее,
Ты живым остался в этот раз.

Как стервятник кружит в небе «рама»,
Тявкает немецкий пулемёт...
Пьёшь свои положенные граммы
И не знаешь, что наутро ждёт.

Может, пуля-дура, как хозяйка,
В грудь ударит жёстко, на убой,
И твою наркомовскую пайку
Будет так же молча пить другой.

Иль иначе – оберегом древним
Отведёт судьба на фронте смерть,
Начертав потом в родной деревне
От горячки белой умереть...

* * *

Дачный посёлок и солнце в зените,
Пташки порхают, звенят на весу.
Перед тобою – стакан земляники:
Мама её собирала в лесу.

Чтобы – по ягодке, сладкой, пахучей –
Цену любви ты распробовать смог,
Самоотверженной, лучшей из лучших:
Только расти поскорее, сынок!

Только запомни минуту простую,
В сердце её сохрани навсегда:
Глядя, как ты землянику смакуешь,
Мама так счастлива и молода...

2010

МАЙЯ НИКУЛИНА (г. Екатеринбург)

Поэт, писатель, учёный и публицист. Родилась 9 февраля 1937 года в Свердловске. Окончила Уральский государственный университет, филологический факультет. Работала библиографом, редактором, заместителем главного редактора екатеринбургского журнала «Урал». В настоящее время – ведущий преподаватель гуманитарной гимназии «Корифей». Автор пяти поэтических книг: «Мой дом и сад», «Имена», «Душа права», «Колея», «Бабыя трава», а также книг прозы и исследований, посвящённых философскому осмыслению и переосмыслению культуры и истории Урала. Лауреат ряда литературных премий.

СТЕПЬ

И то красавица – вся воздух и простор,
на все четыре стороны, пустая,
то каменной коростой прорастая,
то солью сеясь из горячих пор,
вся – пересол, громада, перебор,

с чем ни сравни, заведомо другая,
вся, если цвет, то я его не знаю,
и, если звук, то сухостойный хор,
где стрекозиный вертится мотор
и крошится погода слюдяная.
Гудящая, сводящая с ума,
горячая такая, что зима
охладить ее не успевала,
широкий свет и корневая тьма,
удобренная солнцем до отвала,
забывшая о низменной потребности
кормить и есть, в цветущей нищете
бегущая к спасительной воде
с корабликом на выгоревшем небе.

* * *

Там по субботам топят бани.
Дымы восходят к облакам.
Письмо с казенными словами
неделю ходит по рукам.
Бегут мальчишки в телогрейках
и бабы не скрывают слез,
когда судьба-одноколейка
свистит в железный паровоз.

* * *

Непогода, погода, беда...
Старики говорят, никогда
не бывало подобного лиха:
то грохочет безоблачный зной,
то гудит звездопад-листобой,
то, как в омуте, тихо.
А над садом июльская сушь,
бездорожье, вселенская глушь...
Но легко разрушая прогнозы —
в небе тесно от праведных душ —
начинаются грозы.

* * *

Всё степи, степи, серые пески,
сухие травы, каменные реки...
Тут перед нами проходили греки
и выпили всю воду из реки.
А может, скифы... Или крымчаки.

Мы едем долго, правим путь по звёздам,
живём в телеге, спим у колеса,
у нас в коленях птицы строят гнёзда,
нам бабочки садятся на глаза.

Мы обрастаем травяной трухой,
мы слепнем, глядя в меркнувшие дали,
зной тяжелеет, лошади устали...
Но держатся, они идут домой.

Возница, размечтавшись о ночлеге,
торопит сам себя: «Пошёл, пошёл...
мы едем, едем, накрывайте стол,
готовьте пахлаву и чебуреки...»

Закат за нами страшен, как пожар.
Но ветер сладок, но светла дорога.
Мы живы, живы, едем, слава богу,
из Ак-Мечети в Карасубазар.

ВАДИМ ДУЛЕПОВ (г. Екатеринбург)

Родился в 1964 году. Поэт, литератор, журналист. Майор запаса. Воевал в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. В качестве военного корреспондента находился в Чечне. Первые стихи поэта высоко оценил Юрий Кузнецов. Член Союза писателей России. Член правления Екатеринбургского отделения СПР. В 2001 г. выпустил первую книгу стихов «Запомнить, чтобы забыть».

* * *

время придумали немцы в швейцарии.
снег сочинили монголы в сибире.
в тыщу баянов морозы ударили,
ан вместо музыки – сиплые дыры

ветхих просторов – полей с перелесками,
пашни нагой да простуженных веток.
добрые люди, мы сами не местные,
пишем по краешку тут напоследок.

кормимся сладкой рябиновой крошкой,
ходим в шубейке собачьего кроя,
дышим неслышной воздушною прошвою,
вышитой ниткой благого покоя.

глаз усмирив на родное последнее,
выдержать, вытерпеть, вымолчать слово.
что ты глядишь на меня, солнце бедное,
так виновато и так бестолково?

* * *

через вьюгу, через снег
шел веселый человек –
в звонкой бороде хрустальной,
улицей монументальной,
где – как улы фонари:
рой – снаружи, мёд – внутри.

ноги типа единиц.
лёд на кончиках ресниц.
ни прохожих, ни проезжих,
воет вьюга, словно нежить,
сеет-веет-ворожит,
разозлился чтоб мужик.

а мужик идёт-поёт
про космический полёт.
где-то ждёт его подружка,
не зачем, а потому что.
свечку малую зажгла,
нарядилась, как смогла.

через время, через век,
доберётся человек...
руки спрятаны на грудь
невоенного бушлата.
не сегодня, так когда-то
доберётся как-нибудь.

московская горка

жив, табак курю покуда.
чай несладкий – значит, брют.
одомашненные люди
все когда-нибудь умрут.

однокомнатные люди:
лилька-гнушь и ленка-бюст,
магомеды и джамшуды
водку пьют под златоуст.

на курбан-байрам и пасху,
в строгий пост и рамазан
пахнет салом, луком пахнет –
по сусалам, по усам.

по расписанным общагам,
по сегодня, по вчера.
сквознячки гуляют шагом
вежливо, как опера.

лейтенанты-капитаны,
вот вам комната и стол!
наливайте чай в стаканы,
заносите в протокол:

«жизнь...
проходит...
по...
фэн-шую...
слева...
кладбище...
тюрьма...
справа»...
– на чаёк подую. –
«это...
родина...
зима».

* * *

я видел: пел глухонемой –
как дерево махал руками,
мотал кудлатой головой,
мычал и топал каблуками.

среди асфальтовых полей,
где острый снег сипел прибором.
для беззвученных людей,
один как перст, изгой изгоем.

конечно, пьяный вдрабадан,
конечно, дело у вокзала.
там под землей играл баян,
а на земле – метель играла.

а он ни капли не играл
под репродуктором глумливым.
он был один, кто точно знал:
финал обязан быть счастливым.

и чтобы счастье не спугнуть,
мужские сдерживая слезы,
он песню вел, и песне путь
торили в небе паровозы.

сияй, подземный переход...
 мети, стерильная поземка...
 пой, взбунтовавшийся урод!
 нас ждет родимая сторонка.

НИНА БУЙНОСОВА (г. Каменск-Уральский)

Родилась в деревне Брод Каменского района Свердловской области 22 марта 1945 г. С 1956 г. воспитывалась в школе-интернате, окончила техническое училище. Работала монтажницей радиоаппаратуры. С 1969 года – в журналистике. В 1976 году окончила заочное отделение факультета журналистики УРГУ. Работала в заводской многотиражке, в городской газете, в газете «За власть Советов!» (ныне – «Областная газета»). В сентябре 1991 года основала и возглавляет газету «Содействие». Стихи и проза печатались в журнале «Урал», в коллективных сборниках издательств Урала и Москвы. Вышли две поэтических книги: «Трава живая» (1990), «Последний гривенник» (2002), книга стихов и прозы «Студеный день» (2010), научно-популярное издание «На сибирской стороне Камени» (2011). Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат множества премий.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Размотала, развеяла по ветру,
 А остатнее – раздала
 И, легка на помине, поутру
 Босиком ко вратам пришла.
 Жизнь истерта до дыр, изношена –
 Только под ноги, на обтир...
 И глядела душа на прошлое,
 И боялась покинуть мир.
 И дрожала она, и стынула,
 Обнаженная, на ветру,
 И была она той осиною,
 Мною виденной на юру.
 Что ей помнилось? Что ей грезилось?
 Или думала: поделом?!
 Отлюбила свое, отнежилась,
 Отпечалилась о былом.
 Растворились ворота ржавые.
 Мало добрых дел – много зла.
 ...А была она – не чужая мне.
 А моею она была.

* * *

Сказала б мама: «Студено...»
 ...Студеный день! Так вот откуда
 Моя сердечная остуда:
 На свете нынче студено,
 Душа от холода остыла,

И все на свете ей постыло,
И все на свете все равно.
Заиндевелое окно
Мне лба, конечно, не согреет..
Мороз в тумане матерееет.
Калина тихо стекленеет
В объятьях белых куржака...
А шаль пуховая, скорее,
Не шаль – тяжелая рука,
Хотя, как тот куржак, легка
И лишь в тепле, как он, не тает.
...В ладонях яблоко катаю –
Налитый летом плотный плод,
Но руки холодны как лед.
И день уже вот-вот пройдет,
А я согреться не мечтаю.
...И ни искринки не слетает
С заиндевелого куста.
Душа продрогла и пуста.
Как этот день перемежую?!
Сказала б мама: «Маета –
Как ломота...» Себя держу я,
Возле себя, больной, дежурю:
Хоть в баню, хоть в постель чужую,
Хоть быстрой ласточкой – с моста!

* * *

Отчего – к себе, как в нору?
Отчего – в беду, как в омут?
В одиночку слаще плакать,
Если слезы есть еще...
Говорят: что дом, то норов.
Зарастут дорожки к дому,
И на месте тропок – маки
Будут плакать от росы...
В одиночество – как в нору,
В одиночество – как в омут.
Сделай милость и не помни!
Мне в дому одной спокойней.
Лучше даже – не с кем спорить,
Заводя к утру часы...

* * *

Хоть не рядом, хоть и обочь –
 Привыкаем да живем.
 Им-то – что! А мы – живьем
 В четырех стенах за полночь.
 Им-то – что! А нам в ночи –
 Не запеть и не заплакать.
 Мышке – слезки в мягких лапах.
 Разве слышно, как кричит?
 Им-то – что! Коль по пути
 Приласкают мимоходом –
 Все оставшиеся годы
 Та минуточка в горсти.

НАТАЛИЯ САННИКОВА (г. Каменск-Уральский)

Родилась 11 мая 1969 г. Окончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского госуниверситета. Занималась бизнесом, работала тележурналистом, редактором городской газеты «Культпросвет», посвященной вопросам культуры. Автор идеи премии «ЛитератураРентген». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Textonly», в «Антологии современной уральской поэзии 1997–2003», «Антологии современной уральской поэзии 2004–2011» и др. В 2003 году вышла книга стихов «Интермеццо». Член СПР.

* * *

Ему было года три с половиной.
 Вечером соседка тетя Ирина
 Сказала маме: складывай вещи,
 Наши отступают – надо уезжать.
 Потом он запомнил холодный город,
 Трудное в середине слово «голод»,
 Мамину истерику и пару затрещин
 За то, что с перепугу начал кричать.

Потом было все как у всех – у многих.
 В доме появились двое безногих
 Солдат, один поселился с ними –
 Мама называла его Максим.
 Весной у Аленки вернулся папа.
 Мама достала брюки из шкапа
 И отдала их дяде Диме,
 Сказала: Андрей почти не носил.

В пятьдесят четвертом мамы не стало.
 Максим попрошайничал у вокзала.
 Сосед дядя Дима спился и помер.
 Красавица Алена поступила во ВГИК.
 А он с товарищами постарше

Пошел за дело куда подальше,
Получил спецовку, паек и номер
И от скуки впервые дорвался до книг.

Потом, после срока, поехал в город,
Где он родился. В справочном скоро
Сказали адрес: с женой и дочкой
Вернулся хозяин в сорок шестом.
Весь день он ходил по двору, не зная,
Зайти ли к отцу. Снег почти растаял,
Но к вечеру приморозило. Ночью
Напился водки и уснул под мостом.

* * *

Состариться на родине – едва ль
тебе такая выпадет печаль,
такое средство от любви к отчизне
найдется в пестром ворохе пилюль
едва ль. Июнь придет или июль,
и ты посмотришь из окошка вниз, не
испытывая страха высоты,
как к солнцу тянут маковки цветы,
нездешние, прохладного оттенка,
как носится собака по двору,
чужие дети завели игру,
бросая мяч о стенку.
Ты помнишь? Вот и славно, вот и пусть.
Тоска – всего лишь чувство, только грусть,
а горечь снов наутро отступает.
Не страшно пережить любимых сих,
когда тепло их сохраняет стих
(а он порой и больше сохраняет),
но не смотреть в глаза, не видеть, как
морщины укрывают смертный мрак,
как холодно и трудно жить под небом
родной страны, не помнящей добра.
Не сохранит молчанье серебра
произнесенных слов. Когда бы, где бы
ты ни состарился, не делай это здесь.
Пусть это будет воздаянье, месть
тому, кто только страхом и обманом
рождает слово искренней любви.
И старость возвращеньем не зови.
Но сном. Но неоконченным романом.

* * *

наклоняет к губам чашку зеленого чая
я этот жест задумавшись не замечаю
мне как-то трудно дышится перед грозой
сердце болит или что-то другое ноет
мы ведь давно не виделись что со мною
вот как в рапиде молнию различаю
слушаю это женское и не отвечаю
«ты понимаешь мужчины они как дети
им не покажешь конфету не сядут кушать
тоже умеют слушаться но не слушать
а кончаешь слаще всего во второй и третий
если не понимает сразу потом не стоит»
и поправляет платье маленькое черное непростое
у нее большая синяя универсал тойота
двое чудных детей сногшибательная фигура
и такие колени что хочется их потрогать
но она говорит мол времени слишком много
а ее ждет сначала фитнес потом работа
я остаюсь и весь день как бы жду кого-то
в душе моей нет покоя сама и дура
кто-то вообще не придет он меня не знает
он далеко у него например другая
такая ну звонкая тонкая молодая
(только не говори что я это уже писала
я же по малолетству не понимала)
он ее учит любви и литературе
она его слушает слушает курит курит
она же над ним смеется еще чертовка
потому что красива и многое понимает
потому что все впереди и любовь и книги
он вместе с ней смеется ему неловко
что опять очевидное объясняет
«ваша литература одни интриги
сваровские ваши львовские и ровинские
боже меня упаси каневские и херсонские
заговоры какие-то прям масонские
премии публикации ламентации...»
впрочем она приехала из провинции
в маленьком черном прости ее господи платьице
слушает курит смеется потом придвинется
локтем заденет и извинится
я замерзаю тем временем за границей
этой картины и мне ни о чем не плачется

* * *

И вот восходит звезда и поет во тьму.
– Кому ты поешь? – я спрашиваю. «Никому.
Это мое, присущее, музыка сфер.
Ты – родилась и выросла в СССР,
мама твоя – комсомолия, папа – свердловский рок,
дороги твои на запад, окна все – на восток,
ты в них видишь меня, говоришь со мной –
отвечай: хорошо ли тебе одной?»
Что я отвечу звезде, если все – тщета:
совесть, любовь, истина, красота...
Если три четверти жизни живешь во тьме,
если детей родишь, чтоб отдать зиме,
если вдыхаешь воздух, а в нем зола,
нет той страны, которая родила,
правды нет на земле и покоя нет.
Плохо ли мне одной? Не скажу, мой свет.
Может быть, до меня и не было ничего,
мыслию сей мир и так же убью его.
«Нет, – говорит звезда, – ты не поняла.
Ты же спала, а я тут всегда была.
Я никому пою, я для всех горю,
но только с тобой отныне я говорю.
Слышишь меня?» – говорит, говорит, поет.
Солнце встает, – отвечаю, – день настает.

* * * *

*Материалы любезно предоставлены
Александром Керданом, Сергеем Симановым и
Натальей Санниковой (Урал).*

ПРОЗА

Поле притяжения

СВЕТЛАНА МОСОВА

«Я ЛЕНИВЫЙ СТУДЕНТ И ГОРОХОВЫЙ ШУТ...»

Я хочу рассказать о человеке, о котором ничего не знаю.

(Но ведь и знать мне ничего не должно. Что надо знать о поэте, кроме его стихов?!)

Но я знаю город, в котором он жил (такая подробность). Это был сад. Сад, в который втеснился город.

Город надвигался на сад – грубо, неотвратно, сминая его под своим белым камнем. Но с каждой весной сад наступал на город – дико, мощно, не зная страха, погребая его под своим буйным цветением...

Это был город, где когда-то скитался Пушкин – «и лирой северной пустыни оглашая...» (О, как же велика была тоска Поэта, если дивный сад казался ему пустыней!..)

Это был город маленьких белых церквушек итальянца Бернардацци, белых цветов на деревьях и нетерпеливых детских губ и рук, окрашенных по осени коричневым соком молодой ореховой кожуры...

Это был город, где воздух – температуры тела, и поэтому так много было в нём обнажённых женских рук и плеч и так много поэтов...

Наум был один из них.

Нет, Наум был один. (Потому что другие – это другие.)

...Какой он был?

Курчавый, с долгой жалостью в глазах...

С д о л г о й... Странно, я не могла этого не заметить!

Могла: другие мысли и чувства занимали меня на той далёкой, случайной и безалаберной пирушке поэтов...

Собственно, это был мой дом и мои гости, званые и незваные, соединившиеся поначалу под сенью какой-то ивы и собранные в стаю чьим-то беспечным зовом (должно быть, моим всё же): а поехали?.. Конечно, поехали! Он тоже, по-видимому, не знал, – куда и к кому: а какая разница, где пить вино и читать стихи?!

«Свидание с палачом в ночь без любимой»

*Я выговорил всё. И вот меня казнят:
не завтра, не потом, а через час, сегодня.
Натянут как струна швартовочный канат,
рубиновый палач спускается по сходням –
неотвратима казнь...*

Кто это?!

– Как – кто?! Наум Каплан! Талантливейший поэт!

Ну! Тут и нет других. Тут все гении. И такие молодые, неопубликованные!..

...Ах, эти мальчики, девочки, сидящие по углам, – отстранённые, как со-
мнамбулы, как гости из будущего (мы играем в диссидентов! не мешайте!).

...И вот меня ведут...

Мне скучно меж врагов...

Всем страшно, а ему скучно! Меж нас, бессовестно рифмующих «роза-
мороза», ему тоже скучно...

– А куда это он всё бегает?

– Да там у него машина под окном...

О... какое это было бы счастье, если бы тогда её угнали! Сразу бы, правда,
этого счастья никто не оценил, но...

*Я ленивый студент и гороховый шут,
но когда-то меня под венец поведут...*

С Людой. Она тут же, в его стихах: «голубушка с младенцем в полусфере...»
У всех ещё невроты молодости – то первая любовь, то последняя, а у Наума уже
единственная.

*...Грядёт игра, туманная игра,
но, милая, нам счастливо, не так ли?
Мы как-никак участвуем в спектакле
на стороне страданья и добра.*

Наум садится. Тишина. Кто следующий? Никто. Все смотрят на Наума: да,
богатыри – не мы. Надо запить это горе.

...А потом всё исчезнет: этот дом, этот город, исчезнут девочки-мальчики
– разбегутся по судьбам, провиснут сюжетные ходы; покинут мысли и чувства,
которые так занимали меня, – всё исчезнет, вместившись в одну строку (боюсь
даже, что именно в эту!), – останутся лишь стихи Наума: «На мне коньки и полу-
шубок ванин, в виду жилища своего сную неловко, падаю, встаю и снова падаю,
и снег сухой жую и мню, что на дуэли ранен, зима – твой след в моём краю...»

(Именно что – след. Так, придёт, наследит мимоходом, встряхнёт свои ды-
рявые шали, дунет, плюнет и понесётся в Питер – и там расположится основа-
тельно, надолго (навсегда!), раскидает свои сундуки сугробами, заморозит, за-
причитает, завоет, запирует, – питерцы по домам, питерцы врассыпную: «Летом
выйдешь?»)

...И был у Наума друг – Лёня с незатейливой фамилией Иванов. Умница,
остряк, балагур – весёлый, лучистый человек, встречи с которым всегда освежа-
ли душу, загаженную по обычаю, как Авгиевы конюшни.

– Где-то это трагическое выражение лица я уже видел, – приветствует издали
Лёня. – Вспомнил!.. Её звали Кассандра!..

Если на одну чашу весов положить поганое человечество, а на другие Лёню
– Лёня всеми своими лучами перевесит.

Но вот однажды:

– А где Иванов? Что-то не видать Иванова!..
 – А ты ничего не знаешь?! С Лёней несчастье...
 Несчастье?! с Лёней?! Не может быть.
 – Почему?
 Это так на него не похоже!
 – Лёня в больнице... попал в аварию... ехали на машине друга – Лёня, жена, ребёнок... жена и ребёнок друга... Друг погиб.
 Какой друг?..
 – Наум.
 Какой Наум?!
 – Наум Каплан.
 – Какой Наум Каплан?!
 – Поэт.
 ...Та самая машина за окном... о, если бы тогда её угнали!..
 «Я буду осторожен...»
 Не будешь. Никогда не будешь.
 Но почему же именно Наум?.. Почему он?
 А кто?!
 Жена? Дочь? Друг?..
 Нет. Поэт. Конечно же, поэт. «Поэту в бранном деле не выпадет щедрот, – поэту на дуэли вовек не повезёт».

...Они ехали к морю. В городе, где он жил, всегда ощущалась близость моря (всего лишь пару сотен км!), – все рвали к морю, море звало сиреной, о, этот древний, всесильный, гибельный зов!

Сначала, наверное, уснули дети, утомлённые летней жарой, дорогой, предчувствием скорого моря, потом женщины – сон витал, убаюкивал, звал за собой...

И последним уснул он.

«Поэт уйдёт из жизни – и этим ранит всех».

Пришёл, написал стихи и ушёл. И ранил всех. *«Я выговорил всё».*

Он был поэт без книги.

Без единой опубликованной строки.

А поэт без книги – это другая судьба. И другой состав крови.

(И у нас, без книги поэта – тоже другая судьба и другой состав крови.)

Он не был диссидентом. Тайная ересь лишь только в скуке («мне скучно меж врагов...»). Он не был гением места – никакой «весны в Трушенах» и «зимы в Распупенах»! – никакого «национального колорита» (о, чудный пропуск в печать!), который пользовалась обычно посредственность («посредственность – краплёная колода...»). Он никогда не ставил себе никаких творческих задач (какая у песни задача?!). В нём не было «искренности» – о, этот старый излюбленный штамп всех предисловий тех времён: «...может, этим стихам ещё не хватает мастерства, но в них есть главное: они искренни».

Да, искренен и дурак, но что нам с того?..

Его стихам вменялась вина за отсутствие твёрдой гражданской позиции автора, актуальности и злобы дня, и это правда: в них действительно не было никакой актуальности, кроме одной – таланта.

«Кинь письмо мне, лист сложи втрое. На лесном пне я его вскрою. Я прочту в нём, с кем моя Люда...»

С другим, Наум... но ведь прошло столько лет (взгляд в сторону, вздох и выдох...) – ах, это детское, генетическое, высокомерное желание потомков видеть Пушкину не Ланской!..

...А время спустя светлый лучистый человек Лёня Иванов погибнет в автокатастрофе. Как Наум. Всё повторится. Но что этим страшным повтором Автор хотел сказать?!

Жизнь, надо думать, в своё время выбрала именно Лёню, Жизнь дала шанс Лёне, Жизнь сделала пальчиком: «Смотри, Лёня!..» Лёня смотрел, смотрел...

– А какого рожна, Лёня?! – возможно, сказал ему Там Наум.

– А ты какого рожна?! – возможно, ответил Лёня.

И они обнялись: они не виделись вечность.

– Так на чём мы остановились тогда?.. – возможно, спросил Наум. – У нас было много дел...

– Какая разница...

– Ты прав... я рад тебя видеть, дружище... Но какого рожна, Лёня?!

...Вот и всё, что я хочу сказать о человеке, о котором ничего не знаю – кроме его имени, имени его друга и имени его любимой.

Выходит, я знаю всё.

Жизнь проходит под знаком – «надо было!..» (или «не надо было!..»)... что-то сделать... и что-то поправить. Зачем? Затем. Душе зачем-то было надо (и это, наверное, единственно правильный ответ). Но что я могу?.. И надо ли?.. Ведь он меня ни о чём не просил: просто ушёл – и ранил всех.

Что вообще можно сделать для поэта?!

Ничего. Лишь сдунуть пыль с времён, прочесть его стихи...

ЗИМА – ТВОЙ СЛЕД

На мне коньки и полушубок ванин,
в виду жилища своего сную
неловко,
падаю,
встаю
и снова падаю,
и снег сухой жую,
и мню, что на дуэли ранен,
зима – твой след в моём краю,
и мню, что ранен,
встаю,
шатаюсь, мню и мну
ушанку перед животом,
где продырявлен полушубок ванин,
и падаю потом
и говорю:
«воды на грудь!
горю!»

и сам с собою от стыда сгораю,
ведь я-то знаю,
что играю,
зима – твой след в моём краю,
и тяжело сызнова встаю,
и падаю, и слышу:
«лежи потише,
снегом напою»;
не открывая глаз
на этот раз,
шепчу: «скорее, жжёт!»
в крови весь полушубок ванин,
живот пробит,
и пуля в печени сидит,
и голос: «Жорж, ты только ранен».
«Как Жорж?! Я – Пушкин!»
«Он убит».

P.S. Биография Наума Каплана короткая: родился и жил в Кишиневе, закончил госуниверситет, работал сборщиком на заводе, кинооператором, погиб в авткатастрофе. Даты рождения и смерти: 1947–1978.

То есть ушёл так невозможно рано, что и биография-то в три строки!..

А на могильной плите ещё меньше – всего три слова: «НАУМ КАПЛАН. ПОЭТ».

Но это «меньше» перевесило. Осталось главное: поэт.

ЭТАЖЕРКА

Это было, конечно, ошибкой – тащить её за собой в свою новую жизнь. В доме старинных и строгих вещей она везде была не к месту, некстати, глядела хмуро, исподлобья, дичась и выказывая дурные манеры.

Её ставили вдоль, поперёк, прилаживая то к столу, то к стене, но всё было тщетно: она везде оставалась чужой в этом доме – доме изысканных и утончённых вещей, удивлённо и свысока поглядывающих на этот китч, – странную прихоть их новой хозяйки.

Да уж, никак не скажешь, что происходила она из старинного знатного рода. Куплена она была у Ады, собиравшейся в далёкие жаркие страны, и Ада сказала тогда: двадцать. Соня на радостях ответила: двадцать пять! Потому что у Сони всего было двадцать пять и она страшно волновалась, что ей не хватит. Но Ада сказала: двадцать. И это было такое счастье, что Соня ответила честно: двадцать пять. Вообще, она именно так покупала вещи. Хотя, строго говоря, у неё не было вещей. И даже дома не было. Они снимали с мужем квартиру близ Таврического сада, где тоже ничего не было – только сад в окне, жёлтые шторы на окнах, чистый пол, чистые листы бумаги, и даже запах кофе был из чужого окна.

Но Соне без надобности были вещи, она не умела ценить их красоту и изящество форм, потому что у неё было внутреннее зрение и она видела только сны.

Соня ничего не скопила за жизнь – только сны, чувства (о, мно-ого чувств!), а теперь у неё была ещё и этажерка! Жизнь – полная чаша.

Зачем она понадобилась ей – вот загадка. Может, ей что-то приснилось. Снов было много, и нужно было их где-то хранить. А на этажерке было много полочек, очень удобно. Мастерил её какой-то столяр (он всем делал мебель в Череповце! – с уважением сказала Ада), и вполне возможно, что эта этажерка была даже его творческой удачей. Тем не менее, истинный ценитель нашел бы её достаточно нелепой и был бы тысячу раз прав! Она действительно была нелепа, надо отдать ей должное, не отличаясь ни грацией, ни правильностью форм, но...

Но была в ней какая-то щемящая старомодность – как в старинных раскрашенных открытках из серии «люби меня, как я тебя», какая-то трогательная неправильность – как в детских стихах с грамматическими ошибками.

Итак, Ада сказала тогда: двадцать. Соня ответила: двадцать пять! «Вот дура!» – подивилась Ада. А этажерка, услышав завышенную цену, даже скрипнула от удовольствия: а она умеет ценить прекрасное! – похвалила новую хозяйку этажерка и тут же радостно перебралась в новый дом.

Расположилась она по-царски – в центре квартиры, забавно превратив их одну комнату в две, и сразу же, не лишённая женского кокетства, обвесилась с головы до пят хозяйскими украшениями – бусами, цепочками, браслетами и прочей мишурой. На верхнюю полку была водружена корзина из виноградной лозы с шорохом прошлогодних листьев и воспоминаний – получилась корона. И не просто корона, а – как подобает! – царская, украшенная рубинами волчьих ягод, жемчужными ракушками дикой софоры, кораллами брусники и золотыми шишечками колдовского хмеля. «Удачная покупка!» – одобрил муж. И этажерка, просияв, тут же уставилась невесть откуда взявшимися чудаковатыми вазочками, хитроумными корягами и... чешскими чашечками, которые они тогда не купили в Брно, но всё время о них вспоминали и жалели, что не купили, и теперь представляли, как красиво они смотрелись бы здесь, на третьей полке!..

Собственно, в эти чашечки они влюбились сразу, увидав их в магазине, но так просто взять и купить – они не посмели, а пошли в гостиницу, чтобы о них помечтать. Намечтавшись, они, конечно, вернулись, но чашечек – их чашечек! – уже не было: кто-то взял и купил их, не мечтая даже.

Боль утраты была велика, и они каждый день стали забегать в этот магазин в упрямой надежде, что появятся другие чашечки, точно такие же или хотя бы похожие; им даже стали сочувствовать в этом магазине, проворонившим своё счастье, – но!.. Таких чашечек больше не было – конечно же, не было! – и быть не могло: они были единственными. Время затуманило их образ, но от этого они казались ещё прекрасней и желанней, и теперь им было отведено на этажерке почётное место. Там же, не затеняя собой друг друга, умостились и другие их мечты и утраты – коробочки с пёстрыми фантиками, альбомы с марками, детские копилки... Постепенно их мечты и утраты захламили все полки, оставаясь при этом совершенно прозрачными, не отбрасывающими даже лёгкой тени...

– Какой красивый у вас дом! – говорили гости, завороженно глядя на их этажерку, дивясь и не осязая простым зрением тайны этой красоты.

...А потом, когда её поманили за собой другие сны, он поступил правильно, не взяв с собой ничего из их общих вещей.

– Зачем? – сказал он. – Всё это само по себе не имеет значения. Да и не существует вовсе.

А она поступила неправильно: она зачем-то взяла с собой в новую жизнь эту старую этажерку с шорохом прошлогодних листьев, погасшими рубинами волчьих ягод и чешскими чашечками, которые они тогда не купили в Брно.

Теперь в том доме с жёлтыми шторами живут два красивых африканца в толстых свитерах, стряхивают пепел в кокосовые чашечки и мёрзнут на лютой жаре чужой широты...

Итак, они снова поставили её к стене. Украсили дорогими старинными вазами, желая ублажить, подкупить, польстить, но она, неблагодарная, упрямылась, глядела враждебно и демонстративно изображала из себя полки в комиссионном магазине. Тогда они вернули её к столу, придавили книгами, журналами, каталогами – и она развалилась, решив им назло покончить с собой.

Они испугались, конечно, собрали её, склеили, покрасили, отполировали, но она глядела на них безжизненно, как вдова. Соня наедине пыталась увещевать её: но почему, почему?! – спрашивала Соня.

А где мои бусинки?! – обиженно глядела на неё этажерка. – Фантики? Чешские чашечки?..

Не знаю... – печалилась Соня.

Ты выбросила их?!

Ну что ты, как ты могла подумать!..

Но вещи ведь не исчезают сами по себе...

Конечно, нет, но... куда же они тогда деваются – наши любимые куклы, цветные стёклышки, старые письма – ведь только что были, где они?! Разве мы выбрасываем их?! У кого поднимется рука?! Нет, нет, они сами исчезают куда-то, когда приходит их час...

Наконец нового мужа Сони укачала вся эта возня – сколько можно?! Всему есть предел, эта каракатица и без того была насилием над его эстетическим вкусом! – и тогда он сказал, как Понтий Пилат: я умоваю руки. И все его красивые вещи безмолвно одобрили его слова.

Что оставалось делать?

Лишь одно: взять эту этажерку, погрузить на себя и вернуться в тот дом с жёлтыми шторами, где живут красивые африканцы, выгнать этих красивых африканцев, поставить этажерку, сесть рядом и зарыдать.

Но всё это было нереально, конечно, а зарыдать можно было и здесь, не сходя с места. Соня так и поступила: села подле своей этажерки и зарыдала. Не мучай меня, сказала Соня, ты лучше меня, прости меня, отпусти меня...

И однажды этажерка исчезла. Как-то так, в суете ремонта и растасовке вещей.

Больше всех взволновался хозяин:

– Я чист! – уверял он Соню.

Соня кивала: она знала это.

– Но куда же она могла деться?! – недоумевал он. – Торчала, торчала тут и на тебе! Как провалилась. Надо искать!..

– Не надо, – отвечала Соня.

Зачем?.. Она исчезла. Исчезла туда, куда исчезают все наши сны, грёзы, мечты о счастье – туда, куда можно уйти, но откуда нельзя вернуться, не беспокоив своими высокими тенями живых и невысоких...

А Соня спала, вещи красивого дома вели себя тихо, пристойно, часы на стене молчали – им велено было молчать, не беспокоя сны Сони, – время остановилось, ждало Соню... И однажды Соня проснулась.

Она встала, отдернула шторы, тронула рукой заждавшийся маятник – время ожило, радостно побежало вперёд, дом проснулся, поглядел на Соню – Соня бродила по комнате, рассеянно останавливаясь то у стола, то у стены, то снова возвращаясь к окну... Красивые вещи глядели на неё с любопытством: кривые её маршрута кого-то им напоминали... Соня, поймав их взгляд, рассмеялась. Вещи улыбнулись ей в ответ: а ты весёлая, – сказали они. Соня кивнула, поправила на стене картину. И ты ни в чём не виновата! – сказали вещи. Соня промолчала, выглянула в окно – город провожал белые ночи...

Муж долго искал её, звонил знакомым, наводил справки и даже напугал своим внезапным появлением красивых африканцев, но все было тщетно: Соня исчезла. Это было непонятно, несправедливо, лишено логики и здравого смысла. Так говорили все. Он соглашался, но...

Может, не хватило каких-то слов? – думал он. А может, наоборот, какие-то слова были явно лишними, например: «уродина!» (это про этажерку). Или: «этажерка!» (это про Соню). А может?.. Всё может.

Потом улеглось. Не сразу, но улеглось. Жизнь вошла в колею. Лишь однажды...

Он проснулся от боя часов – им вторил стройный перезвон тонкого фарфора, едва уловимый, как грань сна и яви... Чей-то вздох, чей-то шорох мешался с шумом дождя – этот шум приближался, сгущался – он приподнялся ему навстречу, но, напуганный его движением, шум отпрянул, стал удаляться, всё быстрее и быстрее, вылетая в окно и сливаясь там навсегда с торопливым прощанием лета, убегающего и роняющего впопыхах самоцветы своих нарядов и оплакивающего свой уход последним, коротким дождём...

МАЛЕНЬКАЯ КНЯГИНЯ

...Пришёл, задал вопросы, не получил ответа – и ушёл. Вот и вся жизнь.

Ну, не идиотство?

Нет, нет, Лиза вопросов не задавала, какие вопросы? Не предал – друг. А предал – значит, не друг. Вот и вся правда.

А если предал, но всё равно друг – тогда как? Лиза?

Лиза хлоп, хлоп глазами на извращенцев.

Вечный подросток, вечная девочка Лиза – без возраста, без обид, без тайн и секретов, всегда готовая к радости – причём радости тоже простой, наивной, родом из детской.

И хитрости тоже глупые, детские, всем понятные – запоздниться в гостях, чтобы на ночлег оставили, в тепле и неге, хотя, между прочим, была и своя квартира, девичья светёлка, но не грело её одиночество, тянуло к людям, и светёлку по дружбе пользовали другие – под встречи, под чужую любовь.

А возникла она из Пыли – и можно представить себе этот город, имевший название Пыль, и что Лизу оттуда сдуло. И прибило к компании, где ценились сложности и подтексты, а такие качества, как отзывчивость, верность, казались слишком простыми (высокомерие молодости!) – и вопросов к Лизе, конечно, не было, хотя у Лизы были готовые ответы!.. Но никому не интересны были её маленькие житейские истории («Потом расскажешь, Лиза!»), ценилась острота ума

– и здесь Лиза уступала (в остроте, в смысле), сильна была другими качествами – беззаветной преданностью и высоким служением дружбе, чужой любви – и нельзя сказать, что это не ценили – ценили, конечно, и очень даже пользовали – по доброте душевной.

«Потом, потом расскажешь, Лиза, лучше послушай!..»

И никто не умел слушать так, как умела Лиза – благодарно, трепетно, светясь от счастья, пожирая глазами рассказчика, готовая, если попросит, отдать за него жизнь!.. Потому что это действительно было счастье, которое не всегда выпадало Лизе: ведь не всё можно говорить при детях, правда? А Лиза пожизненно почему-то числилась в младшей группе.

Так и жила она свою жизнь без своей жизни – вечно около, рядом с чужой – доверчивой бродяжкой, приبلудной кошкой, с чужими тайнами и чужими детьми, невыносимый борец за правду – и остановить её на этом нелёгком пути могли только какие-то странные головные боли, донимавшие её неделями, – и тогда нестерпимы становились Лизе и солнечный свет, и движения людей, их шорохи и звуки, и непонятно было людям – откуда у Лизаветы эти аристократические мигрени?! А эта слабость ко всему изысканному, утонченному?.. Откуда?! Из Пыли, что ли?!

Но как только мигрени уходили, Лиза тут же, прямо с дивана, вновь становилась на путь борьбы – вечный воин, которому до всего было дело: до каких-то несчастных бабушек, которые потом просто ездили на Лизе, до всех больных и сирых, до всех обиженных и терпящих бедствие – и даже до какого-то дурацкого яблочного жмыха, который выбрасывают на консервных заводах, а там ценное вещество – пектин, представляете?!.

– А тебе что до этого, Лиза?!

– Как что? Я хочу, чтобы мои дети пили хороший сок.

– Да у тебя нет детей!.. Может, ты забыла?

– Но будут же! – удивлялась Лиза.

...Ничего у тебя не будет. Ни детей, ни мужа.

Нет, ну муж всё-таки был. Фиктивный, правда. Но свадебка вышла весёлой, почти настоящей – друзья расстарались.

Да и Лиза сдуру вдруг явилась в загс вся из себя раскрасавица – юбка-колокол, диадема на лбу, и Серёга, бука, иронический юноша, – тоже вдруг предстал раскрасавцем, женихом с букетом алых роз, да и тётя в загсе вдруг долбанула речь по всем правилам («Вы сегодня вступаете в брак...») – и кольца в ход пустили, и поцелуем скрепили, и шампанское открыли – и всё вдруг показалось таким настоящим, что мороз пошёл по коже у свидетелей (тоже зачем-то припёршихся нарядными), и тот самый ком, как положено, в горле застрял...

Нет, ну тут всё понятно, конечно: Мендельсон там и речи – на слабые нервы действует, но!

Но Лиза-то, Лиза!..

Стоит раскрасавицей, Золушкой на балу – жених глаза вытаращил, как впервые увидел, и все вытаращили – и не только потому, что красавицей предстала (что красавица – и так все знали), но вот этот трепет! эти глаза нараспашку! эта готовность к счастью!.. Хитра-а мать.

А ведь никто, кстати сказать, не собирался насовсем отдавать жениха Лизе (а не жирно будет?! Лизе-то?!), у других на него, между прочим, виды были – Лизу и выбрали на эту роль по причине её полной безопасности (коварства ни

на грош: квартиру не отберёт, жениха не уведёт) – и вот на тебе!.. Пряма как тот Иван-дурак, что умнее всех вышел.

И вот тут бы счастливый конец!..

Да не будет.

...И какая-то жуть была во всей этой свадьбе, в фотографиях на память (на какую память?!) и идущей вслед за этим дружеской попойке на подружкиной квартире, где свадьба, конечно, продолжилась – всем на потеху... Но невеста была такая настоящая на этой ненастоящей свадьбе, такая взволнованная и трепетная, и жених был тоже какой-то взаправдашний, строгий и торжественный, – как будто оба знали, что настоящей свадьбы им обоим никогда не видать!.. И народ уже думал в разгаре веселья (трезвая мысль в пьяной голове): а почему бы нет?.. За чем дело-то стало?! Лиза?! Серёга?.. Чтобы делу венец и сказке конец?!

А может, и надеялась на что-то Лиза, и жених её надеялся? (На поворот судьбы, на счастье из-за угла?) Но подруга была уже на страже, начеку, зорко следила за нюансами, не дала разыграться импровизации и увела жениха, оставив Лизе пачку пенталгина (береги себя, Лиза).

Так и не поняла ничего Лиза, немужняя жена, ничего не поняла в этой жизни, как и другая Лиза, её тёзка, маленькая княгиня, тоже глупенькая, в сущности, которой тоже не по зубам был сложный князь, задававший себе много вопросов...

В общем, выпал Лизе единственный случай сыграть главную роль, и больше главных ролей в её жизни не было.

Но после свадьбы ещё подружили немного и даже к родственникам жениха зачем-то съездили (родственники одобрили, кстати, и даже рекомендовали Серёге жениться на Лизе по-настоящему), по театрам ходили, по парку погуляли – и вот тут...

И вот тут стали всплывать про Лизу какие-то подробности – те самые подробности, перед которыми все мы так беззащитны, хотя, на самом-то деле, это не наши подробности – это *их* подробности, про нас говорящих, но это ведь потом выясняется – после нашей жизни...

А как-то раз даже на юмориста пошли – Лизе доставить удовольствие, ну не Серёге же, брезгливому до простых радостей – и так хохотали они с Лизой, ну, Лиза – понятно, а вот Серёга-то наш, высокомерный князь, чуть не помер от смеха – в буквальном смысле: с сердцем вдруг плохо стало – ка-ак кольнёт!.. Потом отпустило, хвала Богу.

Посмеялись, короче, и развелись.

А потом вдруг новый жених высветился, воевавший в Афгане, из Пыли прибыл, пыльная родня заслала – и вот афганец как раз-таки был по зубам Лизе, да вот Лиза была ему не по зубам – уже сложная, уже усложнилась... А ведь созданная в общем-то для простого счастья – институт там, замужество, дети – такой вот простой сюжетец, да и тот не заладился.

Пыльные родственники настоятельно звали назад, поучить уму-разуму, но в Пыль, как в могилу – никогда, ни за что.

(...И вот именно помирать больной кошкой Лиза поползёт в нелюбую Пыль, а не в светёлку, где друзья, где помощь, не простилась (не захотела?), и потом, когда, восстав из пыли земной, Лиза превратится в пыль небесную, возникнут, конечно, вопросы к Лизе, но Лиза на них уже не ответит.)

В общем, скоротала Лиза свой коротенький век – на посылках, на обочине

чужих жизней, ошиваясь по чужим домам и чужим судьбам, с вечным пенталгином в сумке и с апельсинами для чужих детей, пока не исчезла, не растворилась в катаклизмах эпох: где, чего – не до Лизы («Что значит «где Лиза?» – а где все?!»), жизнь закрутилась, как волчок, завывла голодным волком, спасайся, кто может, все врассыпную, рассредоточились, как в погоне (волки хватают отставшего, слабого), и вот на тебе – явились пыльные родственники из города Пыль барахлом распорядиться!.. А Лиза где?

Нет Лизы...

Что значит «нет», а где она?

Померла, в общем...

Что значит «в общем»?!

И вот тут, конечно, возникли вопросы, но что уж теперь... Откопались лишь фотографии в тайничках Лизы – те самые фотографии, где Лиза невеста, а Серёга жених – жених ряженный, да не суженый... И других секретов не нашли у Лизы – неужели и не было?!.

Отжила Лиза...

Жизнь отбросила её, как яблочный жмых, а в нём оказался ценный пектин, и его не хватило впоследствии, когда разом всех предали – поодиночке и скопом! – и неважны стали все эти изыски ума, и опротивели все эти сложности, и стали цениться простые вещи, коими так богата была простая душа Лизы... Не предал – друг. А предал – значит, не друг. Вот и вся правда.

«А помните, Лиза говорила...» «А Лиза это любила...» «А Лиза...»

Лиза... Лиза... Лиза...

Лиза просто лезла из всех, прорастая, как трава меж камней...

И жених Серёга, светлый князь, прожил свою жизнь один в своей двухкомнатной квартирке, полученной благодаря тому фиктивному браку с Лизой, так и не найдя себе жены – то ли равных не было (себе? Лизе?), то ли погряз в вопросах, на которых нет ответов (а у Лизы они были!)...

И чем дальше, больше вспоминал он о Лизе – и как гуляли они по парку, и как смотрела на него Лиза, и как смеялись они тогда – до сердечной боли (и что это за боль такая была?..) – он больше никогда не смеялся так, несмешливый был человек, бука, колючка, кактус...

Счастье должно быть своевременным, потому что всё остальное – это уже несчастье.

В общем, прожила Лиза свою жизнь без вопросов, лишь один, быть может, единственный – и тот во взгляде, вопрос маленькой княгини, от которого пожизненно щемит сердце, если оно есть, конечно, и если оно человеческое: «Я вас всех любила и никому дурного не делала, и что вы со мною сделали?..»

А ничего не сделали.

Мало любили просто...

СВЕТЛАНА МОСОВА родилась в Кишинёве. Закончила Кишинёвский Госуниверситет, по образованию филолог. Работала редактором Гостелерадио МССР.

С 1991 года проживает в Санкт-Петербурге. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. Редактор телеканала «Россия». Рассказы публиковались в журналах «Кодры» (Кишинёв), «Нева», «Звезда» (Санкт-Петербург), «Подиум» (Вена), альманахе «Русский мир», «Литературной газете». Опубликовано книга прозы «Дождь из кошек и собак».

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

В рамках традиционных Дней русской литературы и духовности, которые проходили в Республике Молдова с 25 по 10 октября, Ассоциация русских писателей Республики Молдова, при поддержке Конгресса русских общин РМ, провела Республиканский литературный молодёжный конкурс «Взлётная полоса» на приз журнала «Русское поле».

Победителями конкурса стали:

в номинации «Поэзия» – Леонид Поторак (1 место, г. Кишинев), Екатерина Щербатова (3 место, г. Кишинев) и Игорь Корнилов (3 место, г. Кишинев).

В номинации «Проза»:

Галина Емец (1 место, г. Бельцы), Мария Гурская (2 место, г. Кишинев) и Дойна Бабчинская (3 место, г. Кишинев).

Сегодня «РП» предлагает вашему вниманию произведения лауреатов.

ГАЛИНА ЕМЕЦ

К 50-летию первого полёта в космос Юрия Гагарина

МОЁ КОСМИЧЕСКОЕ ДЕТСТВО

Мы, наверно, первое поколение, в свои ранние годы не мечтавшее стать космонавтами. Мы стали гражданами стран, которые почти на год младше нас. Мы росли и учились познавать мир, и вместе с нами этот, теперь новый и для них, мир познавали и сами взрослые.

Это раньше детская мечта была большая, цельная и у всех. Теперь ничего большого нет. И мечты стали у каждого свои – маленькие, новые, а тем, кому повезло немножко больше, достались в наследство и осколки той самой, большой мечты. Они яркие, цветные и пересыпаются, точно в калейдоскопе.

И вертится, вертится перед глазами калейдоскоп памяти...

* * *

Бегом, вприпрыжку – скорее, это обязательно надо сказать дедушке – вдруг он не знает!

– Дедушка! А ты выше меня!

Фу, успела. А он улыбается?.. Жалко, значит, не успела, значит, уже знает.

– Дедушка, а папа выше тебя?

– Выше.

– А что выше папы?

– Папа у нас самый высокий. Но выше папы – дом.

– А что выше дома?

– Выше дома – наша акация.

И правда, она самая высокая, выше всех домов на нашей улице. И даже солнце, когда ложится спать в обед, прячется от жары где-то в ее ветках.

– А что там, выше акации?

– Там птицы летают.

– А там – это что?

– Там небо.

– А выше неба что?

– Космос.

Космос!.. Интересное и незнакомое слово. Какое-то круглое, большое и, наверно, синее.

* * *

Мама сказала, что то, что стоит у стены за дедушкиной кроватью, – это тоже кровать, но только матрас от нее, и, пока идет ремонт, стоит он тут на боку, а ножки ее на чердаке. Но так не может быть, чтобы кровать – здесь, а ножки ее – на чердаке. Они должны быть под кроватью.

А оно большое. Высокое. И что на нем – неизвестно. И еще оно мягкое и синее. Оно... оно как космос! Правда, не круглое, но зато такое же непонятное.

– Дедушка, возьми меня на руки и посади на Космос!

– Куда?..

– Ну, на Космос! Туда! Ты туда еще «Веселые картинки» вчера положил.

А здесь действительно высоко. И комната видна вся, целая. Вот и мои «Веселые картинки». Еще здесь газета и толстая книжка без картинок. И я – на Космосе! Как интересно! И как хорошо! Мама говорит, что когда очень-очень хорошо, это называется счастье.

* * *

Занавеска на двери летней кухни вздрагивает и слегка отодвигается. В щёлочку просовывается кучерявая любопытная головка.

– Заходи, Галюся! – ласково улыбаясь, зовет бабушка. – А ну-ка, сосчитай до десяти!

Нет, это всё-таки удивительное дело: заглянешь – заходи, зайдешь, вскарабкаешься на табурет, который с тебя саму ростом, – и тут опять двадцать пять – считай! После тяжкого вздоха – мол, такова уж доля внучки бухгалтера с тридцатипятилетним стажем, – выразительно и звонко раздаются в кухне стройные десять слов.

– Умничка! А обратно?

И теперь удивляться приходит черед бабушке. С нарастающей звучностью и быстротой четко и отрывисто звучит:

– Десять!.. Девять!.. Восемь!.. Семь!.. Шесть!.. Пять!.. Четыре! Три! Два! Один! Пу-у-уск!!!

Бабушкины пальцы на мгновение останавливаются, и из недолепленного вареника обратно на тарелку скатывается вишенка.

– А почему же «пуск»?.. Кто тебя учил так считать?

Но спрашивать уже не у кого – была дана команда «Пуск!»

И лишь развевается, словно от ветра, занавеска.

* * *

Бабушкин дом – большой. Кроме маленькой комнаты и коридора есть еще и «нижние» комнаты – туда редко кто ходит. И даже бабушка ходит туда только иногда, чтобы протереть пыль или принести что-нибудь из большого старого гардероба или из серванта.

А летом там прохладно и можно спрятаться от жары.

В первой из «нижних» комнат, в «холодной» комнате, стоит книжный шкаф. Это сейчас комната «холодная», а раньше здесь был телевизор «Рекорд» – маленький и черно-белый – «серенький», как говорит бабушка. А еще раньше здесь была детская.

Книг в книжном шкафу много. Они на полках за раздвижными стеклами, они стоят рядами и лежат стопками на нижних полках за деревянными дверцами. Они толстые и потоньше, высокие и не очень, со светлыми и почти совсем пожелтевшими страницами.

На самой нижней полке между большой коричневой книгой с шелковой закладкой и другой, поменьше, какого-то иностранного автора, стоит небольшая книжка. Ее корешок белый, а сам переплет яркий, оранжевый, глянцевый. Наверно, она интересная.

И действительно, удивила книжка с первого же взгляда на ее обложку: в ярко-оранжевых лучах заходящего солнца над туманным горизонтом возвышается ракета. Внизу печатными буквами – заглавие: «Прежде чем прозвучало: “Поехали!”» На титульной странице – подзаголовок: «Документальная композиция». Вот это находка! Надо же, теперь, когда я уже настоящая школьница и точно знаю, кто, куда и зачем «поехал», появляется возможность узнать обо всем подробнее. Но даже не это оказалось самым удивительным: иллюстрации в книге – не просто какие-нибудь нарисованные, это настоящие фотографии настоящих космонавтов!

Еще одна вещь покидает пределы таинственного царства «нижних» комнат.

* * *

В детстве мы не мечтали стать космонавтами – был отменен культ героя-покорителя космоса Гагарина, да и героев вообще. Большая, общая мечта не может возникнуть спонтанно. Однако сейчас, когда уже наверняка ясно, что детство прошло и вот-вот закончится юность, память упрямо этому противоречит.

Наша собака Белка была добрая и не кусалась потому, что такая же, как она, собака Белка летала в космос. Найденный в бабушкиной кладовке светильник в виде хвоста взлетающей ракеты с самой ракетой на верхушке должен был обязательно светить ярче и красивее других. В третьем классе почему-то захотелось вычислить в километрах расстояние от Земли до Полярной звезды, а в пятом – прийти 12 апреля в класс раньше всех и прикрепить на классный уголок рисунок: портрет Гагарина с надписью «С Днем космонавтики!»

Как много подобных мелочей, на первый взгляд незаметных, может обнаружить в своей биографии каждый из нас. Но подлинный их смысл открывается лишь спустя годы.

* * *

На пустынном холме недалеко от песчаного карьера на окраине села, между тремя одиноко растущими стройными деревцами шелковицы и чьим-то покосившимся и потемневшим от времени сараем – «качели». Горка, корабль, турник, ракета и сами качели – наше любимое место для игр, любимое, несмотря на то, что вечером дома могут отругать за опоздание к ужину или за ржавчину на одежде.

В корабль, для которого мы мечтаем раздобыть паруса, сложены принесенные из дому прутья и кнуты – коровы еще не скоро придут с пастбища. Солнце медленно подкатывается к лесополосе, что на противоположном холме, на другом краю села. Это там, в низине, в селе уже вечер, а нам солнце будет светить еще почти целых полчаса.

Мы бежим к ракете, вскарабкиваемся по ней – кто выше, кто ниже, – кто-то забирается в самую середину. Легкий ветерок ласково гладит нас по загорелым лицам, повернутым к солнцу. Крепко ухватившись за обручи ракеты, мы свободными руками энергично рассекаем воздух – мы машем солнцу, небу, всему, что только может нас сейчас увидеть и услышать.

Над болгарским селом, над Буджакской степью юга Молдовы, на радость звонкоголосому вечернему летнему эху звучит навсегда русское слово:

– Пое-е-ехали-и-и!..

ГАЛИНА ЕМЕЦ родилась в 1990 г. в селе Твардица Тараклийского района. Училась в Бельцком Государственном университете им. Алеку Руссо на филологическом факультете. Была участником и призером Республиканских олимпиад для школьников по русскому и болгарскому языкам (2005 – 2008). Принимала участие в Международном пленэре живописи в г. Поморие, Болгария (2007). Как победитель Международного конкурса сочинений-эссе о русском языке была приглашена в ноябре 2011 г. в Санкт-Петербург на Пятую Ассамблею Русского мира. Победитель Республиканского литературного молодежного конкурса «Взлётная полоса» (1-е место в номинации «Проза») (2011).

ЛЕОНИД ПОТОРАК

И НЕВОЗМОЖНО НЕ ОСТАВИТЬ СЛЕД

ЖИТЕЙСКОЕ ТАНГО

Тихо петли считает история,
Вяжет, вяжет года и века,
В бесконечную пряжу с тобою мы
Тоже втянуты наверняка.

И поскольку сплетается прошлое
Из одних неизменных петель,
Нам известен не только сегодняшний,
Но порою и завтрашний день.

Веку нашему хватит бессонницы,
Избежать бы воды и огня.
...Знаю, завтра нам счастье откроется
И уйдет по прошествии дня.

Так, бывает, известно заранее
Нам задолго до встречи еще
Место, повод и час расставания,
Где счастливый окончится счет.

И в душе, осторожно заштопанной,
Проступает, цветами горя,
Что-то мудрое, теплое, желтое –
Цвета желтой листвы ноября...

* * *

В путь осень нас зовет за поворот земли,
И если б только мы когда-нибудь смогли
По адресам былым свое оставить сердце,
Как было бы легко сменить судьбу и край,
Постой, постой, пусти мне руку, дай
На силуэт случайный наглядеться,
В ладони снова сжать блуждающие сны,
И память от касания весны
В моей руке... ах, только удержать бы,
Нас охватила цепью связь времен,
Чадит земля, и неопавший клен
Мне тянет пятерню...
...как тяжело пожатье...

ОДНА ИСТОРИЯ

Не раз было пройдено поле
 До нас, но и это – пустыя;
 Мы жили не там и не столько,
 Но встретились именно так.
 И пусть нас сводили не звезды,
 Не вовремя – это не зря,
 Ни поздно, ни рано, а просто
 Отдельно от календаря.
 И виделось в свете лучины
 И в чаде мостов и лесов,
 Как мало упало песчинок
 Сквозь строгую склянку часов.
 Какая великая смелость
 У искры над первым костром.
 ...Ах, как бы порою хотелось
 Не вспомнить, что было потом.
 А было: безумие века,
 Сомненья, любовь, нелюбовь,
 И вспять обращенные реки,
 И пепел жилищ и садов,
 И эти весенние листья...
 Казалось – а было ль, Бог весть, –
 Вне возраста, времени, жизни...
 Наверно, не с нами. Не здесь.

О РЕАЛЬНОСТИ ПРОИСХОДЯЩЕГО

В пыли и солнце улиц, как в бреду,
 Иду, иду, и никуда не денусь.
 Я не прихода новой эры жду,
 Я на краю дороги жду троллейбус.
 Не до высоких истин нам, когда
 Стоим толпой на остановке пыльной,
 А мир все катит вдоль по проводам,
 И мы ему не дорисуем крылья.
 Как твердо ни стоим, но все равно
 Под нами вечно вертится планета,
 И рифма – слишком зыбкое звено,
 Чтоб нас связать в круговороте этом.
 И – нет, не сон, – во сне не так строги
 Границы улиц, зданья, повороты...
 Да, все мы явь, и все мои шаги
 Звучат в изломах и углах природы.
 И невозможно не оставить след,
 Забыться в песне, предаваться скуке

На шарике, несущемся во мгле,
К иным мирам протягивая руки.
Кружись на нем и за него держись,
И я держусь, и выдержать надеюсь,
И этот мир – не бытие, а жизнь,
По крайней мере, здесь.

ЛЕТИ, ТРОЛЛЕЙБУС

(колыбельная)

Вот и кончился день. До рассвета окно занавесим мы,
Наши шпаги повесим на стены и снимем плащи.
Видишь, снегом ложится за окнами звездное месиво.
Королевство уснуло, пропало, исчезло в ночи.

А в ночной темноте все далекие кажутся близкими,
Через пыль расстояний глядят в приоткрытую дверь...
И забудется сон, и рассыплется ясными искрами.
Но тебе это знать совершенно не важно, поверь.

Пусть тревоги минувшего дня поскорее забудутся.
Замер шорох колес, и затихла последняя мышь,
И уже опускается сон на забытые улицы,
Королевство уснуло, а ты почему-то не спишь.

В этот день каждый верил в свое и на что-то надеялся,
Гамлет думал, но так и не знает, что делать теперь,
Дон Кихот завертелся в лучах ослепительной мельницы...
Но тебе это знать совершенно не важно, поверь.

Как пластинку в ночном граммофоне, усталом и медленном,
Небо звездное вертит полуночный мир в колесе.
Серенады закончились, слышишь, звучит колыбельная,
И сияет звезда, и быстрее плывет карусель,

А куда приплывет – не узнать, даже думать нам нечего,
Пусть ночные минуты бегут чередой фонарей,
День приносит дела, там, глядишь, и недолго до вечера...
Но тебе это знать ни к чему. Засыпай поскорей.

СТИХИ О БРЕДОВОЙ ПОГОДЕ

Прогноз воплощается в град и туман,
Упавшие с неба на мокрые улицы;
Сценарий погоды писал графоман,
И вот графомания реализуется.

И кажется, мельком лишь глянь в облака,
Где небо взорвется вдруг синей прорехою:
Погода не то чтоб свихнулась слегка,
А кажется, очень серьезно поехала.

Согреет, засыплет, пройдет – не пройдет?..
Скажите, синоптики, это ведь временно?..
А я оптимист, забывающий зонт,
И радостно мокну под ливнем весенним я.

На спинах китов, продолжающих путь,
Планета цветет бестолковым растением.
И если киты еще как-то плывут,
То, видимо, знают, в каком направлении.

* * *

И только посреди ночных огней,
День завтрашний прожив в воображеньи,
На рельсах ловишь ухом приближенье
Немыслимой громады новых дней
Стократ огромней прожитых мгновений,
И вечность погружает шар земной
В вечерний час, должно быть, для молитвы,
И – Боже мой – как краток свет дневной,
И – черт возьми – как много нам открыто!
...Звенит сверчок, как поезд за спиной.

ПИШИТЕ О МОЛДОВЕ!

Вот уже 10 лет проходят в Молдове Дни русской литературы и духовности. Каждый год Ассоциация русских писателей Республики Молдова приглашает в Кишинёв московских литераторов – мастеров своего дела, наставников, не прекращающих творить.

За это время в гостях у нас побывали Сергей Казначеев, Александр Торопцев, Алексей Тиматков, Галина Седых – преподаватели литинститута им. Горького; Сергей Чупринин – главный редактор журнала «Знамя»; известный поэт Олеся Николаева, прозаик Анатолий Курчаткин; главный редактор альманаха «Братина» Фёдор Черепанов; поэт, прозаик, переводчик Кирилл Ковальджи.

А этой осенью помочь молдавским талантам развиваться приехала Светлана Владимировна Василенко.

Светлана Василенко – поэт, прозаик и сценарист, лауреат множества российских и международных литературных конкурсов (в их числе премия «Лучшая европейская книга года» и премия им. В. Набокова). Её книги переведены на 15 языков! Когда вышел в свет дебютный рассказ Василенко «За сайгаками» (1982 г.), критики воскликнули: «Да это же лучшее произведение года!». Сегодня Светлана Владимировна – член Русского ПЕН-клуба, Союза журналистов России, Союза кинематографистов. Кроме того, с 1996 года она занимает почетное место первого секретаря Союза русских писателей. Её проза известна по всему миру. Критик Андрей Немзер писал о романе Василенко «Дурочка»: «Василенко – один из самых ярких прозаиков, дебютировавших в 80-е... Проза Василенко держится на грани – ещё чуть-чуть, и погаснет солнце»

Откуда же эти острые, но такие знакомые каждому чувства, ситуации? Ответ мы узнали на творческом вечере, проходившем в Центре фонда «Русский мир» при Государственном университете в рамках Дней русской литературы и духовности в РМ. Сюжеты Светланы Владимировны – отражение её непростой, но полнозвучной жизни.

Повлияло на творчество прозаика даже место рождения – ракетный городок Капустин Яр Астраханской области. «Мы очень гордились, что живем в таком секретном важном городе, гордились, что в случае ядерной войны будем первыми жертвами: на нас нацелены все ракеты мира. Одна неумная учительница с восторгом говорила нам в ночь Карибского кризиса, когда ждали ядерного удара от США и наш детский сад увезли в степь: «На вашу долю, дети, выпало большое счастье – вы ядерные заложники. Вы, дети, станете героями, как Павлик Морозов, как Володя Дубинин. Ваши имена узнает вся страна. О вас будут слагать легенды, петь песни». Мне было тогда всего 6 лет», – вспоминает писательница. Ощущение близкой смерти, пережитое в раннем детстве, не могло не повлиять на характер творчества Василенко, ведь её прозу питает жизнь.

Ещё одна отличительная особенность творчества Светланы Владимировны – краткость. Искусству писать коротко она научилась на Высших сценарных курсах при Госкино. «Фильм – это роман, втиснутый в полтора часа. Так почему нельзя так же сжать прозу?» – задумалась Светлана Василенко и... начала сокращать. Во многом благодаря этим курсам родился сборник «Проза в столбик» – короткие рассказы о жизни и смерти, записанные в форме стихов, пульсирующих особым, не сразу заметным ритмом.

К проведению двухдневного мастер-класса по прозе Светлана Василенко начала готовиться ещё дома – тексты предложенных к рассмотрению рассказов

были заранее высланы писательнице руководством Ассоциации русских писателей в Москву. «Читала ваши рассказы и мечтала поскорее познакомиться с авторами, – признаётся прозаик. – Такой высокий уровень прозы! Странно, что вас до сих пор не знают в Москве!» Василенко пообещала, что приложит все усилия для того, чтобы о молдавских талантах узнали в России – поможет установить сотрудничество с толстыми литературными журналами, сообщит о крупных литературных фестивалях, вход на которые всегда открыт для талантливых людей. Однако не всё понравилось московской гостье в произведениях наших юных земляков: «Писатель – орган чувств общества. Он должен описывать жизнь! Действие ваших рассказов происходит будто в вакууме, у вас нет «земли». Вы словно специально вычеркиваете Кишинёв из своих работ! Хочется, чтобы русские писатели Молдовы описывали ту землю, на которой живут»

Ещё до начала мастер-класса Светлана Владимировна предупредила: учить ничему не будет. Только обсуждать, и ни в коем случае не в форме монолога: «Лучше устроим «читку», какая раньше бывала в литературных гостиных». Творчество каждого подробно рассматривалось остальными участниками и гостями, затем свой вердикт выносила Светлана Владимировна. Будто по книге читала! Её мнение воспринималось писателями как собственные мысли, настолько точно угаданными оказывались все их слабости. Каждый раз прозаик заканчивала свою речь словами: «Когда Вам говорят, что пишете не то и не так – не слушайте! Со временем сами почувствуете, как надо писать именно Вам».

Рекомендации Светланы Владимировны – четкие, точные и, что очень важно для начинающего писателя, – личные, подходящие только одному, как хрустальная туфелька. Разбирая рассказ «Холодец из двух половинок груш» из цикла «Времена блюд» Татьяны Орловой, Светлана Василенко похвалила образный и богатый язык произведения, его уникальность в создании не только ярких зрительных картин, но даже и вкусовых ощущений, запахов. При этом отметила и слабые стороны: расплывчатость сюжета, неоконченную линию отношений главных героев. Татьяна, в свою очередь, призналась, что это всегда было её слабостью: чувства и подробности в её творчестве часто перевешивают сам «скелет» произведения. Обсудив тему поиска сильных сюжетов, участники мастер-класса сошлись в одном: сюжеты искать – в жизни! Кроме того, Светлана Владимировна отметила, что хотела бы видеть рассказы Татьяны Орловой напечатанными в толстых российских журналах, даже несмотря на слабости, провисы и недочеты, и пожелала Татьяне скорейшего выхода собственной книги рассказов, возможно, объединенных в такой вот цикл «Времена блюд».

Рассказ Натальи Новохатней о смерти глазами маленькой девочки поразил всех слушателей – настолько страшно и тяжело стало после него на душе. Как обухом по затылку, только что в глазах не потемнело, а наоборот – прояснилось. Казалось бы, и менять ничего не стоит – и так вещь сильная. Но у Светланы Владимировны слух получше будет – она задала автору всего один вопрос: «Что вы хотели сказать этим рассказом?» Рассказать о смерти маленького мальчика? Да, трагедия, но это жизнь. Передать восприятие этой смерти девочкой? Тогда почему же переживаний девочки так мало? Рассказать о первой и последней для мальчика любви? Тогда нужно сместить угол описания... Оказалось, что существует множество возможных путей преобразования рассказа, усиления его и наполнения новым, гораздо более глубоким смыслом! Теперь все эти пути казались

слушателям логичными и простыми, будто собственные мысли. Вот она – сила мастера. Показать то, что невидимо, хоть и лежит прямо перед глазами.

Самое замечательное – что Василенко говорила конкретно по каждому рассказу, приподнимая завесу над тем, во что могла бы превратиться вещь. Отчасти волшебное действие. Без преувеличения скажу: все участники мастер-класса остались под впечатлением от искусности московской гостьи.

Тем, кто не смог посетить мастер-класс, Светлана Владимировна согласилась дать 5 советов, которые пригодятся начинающему прозаику. Попробуйте применить их на практике – вдруг в этом списке окажется именно то, чего вам не доставало?..

5 советов начинающему прозаику от Светланы Василенко

1. Только мы – свидетели нашего века, от нас зависит, каким он останется на бумаге. Пишите своё время и свою землю – этого до вас уж точно никто не писал!

2. Читайте. Не только классику – современников тоже. Прислушайтесь к себе. Если какой-то автор запал в душу, почитайте и другие его вещи. Попробуйте написать что-то в подражание ему. Перепишите пару страниц его текста от руки, чтобы почувствовать, как рождалось слово. Это – то же самое, что разучивать гаммы для музыкантов.

3. Найдите пишущих людей, встречайтесь с ними, общайтесь. Почувствуйте, что кроме вас есть и другие талантливые люди. Вступите в какой-нибудь литературный клуб, который бы устраивал читки, погрузитесь в насыщенный духовный раствор.

4. Просите других править ваши тексты. Только так – опытным путём – можно найти своего редактора, которому вы сможете доверять и к замечаниям которого будете прислушиваться.

5. Живите. Переживайте как можно больше событий, экспериментируйте со своей жизнью. Если для написания задуманного вам не хватает опыта, если вы не переживали ещё той эмоции, которую хотите описать, – смело меняйте свою жизнь так, чтобы получить недостающий опыт!

Дарья Куприянова

ВТОРОЙ ДЕНЬ МАСТЕР-КЛАССА

Если первый день обсуждений, по стечению обстоятельств, а, может, и не случайно был посвящен женской прозе – о важности этого явления Светлана Владимировна говорила отдельно (в 21-м веке женщина сама, наконец, решила рассказать о себе, и в этом новизна!), то второй день семинаров получился сугубо мужской. Обсуждению были подвергнуты рассказы Олега Краснова, отрывок из романа Сергея Сулина и пьеса молодого автора Игоря Корнилова.

Рассказ Олега Краснова «Шелковица» неожиданно вызвал горячую дискуссию. Временами возникало даже ощущение, что мы сидим на слушании какого-то запутанного дела в суде и никак не можем понять, кого оправдать, а кого осудить. В начале, по прочтении, казалось, что рассказ идеальный. Все высказывались позитивно о жизненности и живости рассказа, припоминая свои собственные истории. Одна пожилая читательница вместо критики самого рассказа, неожиданно поведала нам увлекательную историю про свое детство. Светлана Владимировна не посчитала это дополнение лишним, напротив, сказала, что очень ценит такие устные рассказы, которые тоже имеют право на существование. А потом, как поленья в огонь, было подброшено сомнение в той самой «правде жизни», которую находили в рассказе слушатели. Светлана Владимировна посоветовала обратить внимание, что поведение главного героя (мальчика, который должен был стать соучастником повешения старой собаки) вызывает недоверие. Он бездействует. В ответ участники семинара привели свои аргументы, что именно такая линия поведения реалистична. Обсуждение приняло достаточно жесткую форму – слушатели разделились на два лагеря, которые явили собой два варианта понимания смысла самого рассказа, причем эти понимания оказались диаметрально противоположными. В итоге этого «судебного разбирательства» Светлана Василенко поделилась своим видением. Она указала на главную проблему рассказа Олега Краснова «Шелковица», которая состоит в том, что у Олега нет собственной оценки жестокости, происходящей в рассказе. Рисуя даже самое страшное и жуткое в нашей жизни, писатель не должен оставаться в стороне, напротив, высказывать, пусть не «в лоб», но так, чтобы читателю было ясно, свою оценку и видение ситуации. При этом Светлана Владимировна отметила, что Олег Краснов, безусловно, уже сложившийся писатель, и высказала горячее желание увидеть в скором времени его книгу рассказов.

После жестокой «Шелковицы» погружаемся в еще более жуткий мир – Чернобыль. Слушателям зачитывается небольшой отрывок из романа Сергея Сулина «S Золотой рыбы», данный в виде рассказа «Побег из зоны». Чернобыль предстанет перед нами совсем другим, живым, даже не без юмора, а ведь в жизни именно так – смех и слезы рядом. Очаровывает описание ночного леса в романе. В обсуждении присутствуют как позитивные отзывы о том, что в рассказе использован интересный прием противопоставления почти документального изображения Чернобыля теме любви, так и критика стилевого разнообразия, присутствия речевых штампов, очерковости.

Светлана Владимировна в своих впечатлениях о рассказе делится с присутствующими следующим: «Читала в Москве эту вещь, но не знала, что автор

– чернобылец, что это его личные воспоминания. Язык произведения – это тот журналистский язык, который в этом тексте стал художественным. Он становится даже находкой, потому что нет такого художественного языка, который мог бы описать техногенную катастрофу, разве что Набоков, если бы пошел в зону за бабочкой, возможно, нашел бы какой-то свой язык. В романе есть и нечто гомеровское. Автор обманывает читателя. Он начинает, как журналист, а потом уводит в дебри приключения Одиссея. Герой попадает то в одно приключение, то в другое, причем достаточно обычная ситуация, например, когда машина останавливается в лесу, оказывается смертельно опасной для героев, потому что это не обычный лес, а лес в зоне радиации. Любовная линия в приведенном отрывке лишняя, хотя по-бунински романтична. Это суровая мужская проза – роман в западном духе, когда двое мужчин путешествуют по каким-то таким странным местам. Сергей Сулин нашел свой неповторимый стиль, и его страшно потерять, а само произведение – заявка на художественный фильм. Здесь не найдешь лишних слов и названий. Все очень четко, профессионально. Автору веришь, и поэтому он может повести за собой в самые фантастические авантюры».

Пьеса Игоря Корнилова «Дом у моря» покорила Светлану Владимировну красотой языка. Она сравнивает монологи героев с плеском волн, который можно слушать бесконечно, не всегда даже вникая в смысл, а наслаждаясь звучанием. Действие в пьесе происходит в вымышленном мифическом месте Таврия, где, во враждебном окружении, вынуждены существовать представители гибнущей прекрасной цивилизации. Конечно, у всего есть реальные прототипы, и начинающий драматург эзоповским языком пытается рассказать о том, что происходит с ним здесь и сейчас. Светлана Владимировна говорит, что автору все же следует приблизиться к жизни. Кроме того, она советует Игорю буквально поселиться в театре, чтобы вживую общаться с молодыми актерами, узнавать, что интересно им, а что – публике, и тогда, возможно, получится что-то очень стоящее и настоящее. «Если в пьесе все герои умирают – это начало литературной деятельности. У Игоря практически все герои умирают, возможно, предвещая рождение молодого драматурга».

Когда закончились Дни русской литературы и духовности и мастер-классы, проведенные действительно Мастером с большой буквы, Светланой Владимировной Василенко, неожиданно приходит осознание и трепет: у нас в гостях, в Молдове, побывал настоящий современный классик. А нам всем остается работать над собой, творить и совершенствоваться.

Татьяна Орлова

ПРОЗА

Поле притяжения

ДЕНИС БАШКИРОВ

ПЯТЬ ПИСЕМ

(фрагменты из неопубликованной повести «Письма откровенного человека»)

Письмо третье. Алёнушка

Проснулась Алёнушка...

И, широко раскинув руки, побежала навстречу пасмурному солнцу, улыбаясь и смеясь.

По зеленой траве, по залитой дождями опушке, по утренней воде босиком, по зорьке.

В раскрытых ладошках сияет, живет сокровенное, заветное.

Тихое счастье.

Тихий смех.

Старые часики стучат, минуты воробушками скользят по ресницам, в доме, под стрехой, домовый сам с собой беседует шепотом.

Негодует, сердится – кошка все молоко вылакала.

Шуршат в стенах Шушундры, серые хвостики колечком, бусинки глаз блестят, проворным язычком усы облизывают – в тесноте да в тепле. И пусть за окошком серый дождь плачет, заливаётся, пусть слякоть. Пусть горит рябина угольками осени – снегирями. Встанут Шушундры на задние лапы, теплый воздух нюхают – не к зиме ли?

Проснувшись, спешит Алёнушка к окну, что же за ним?

Пусть дорожки слез на стекле, не беда, нарисуем...

А вот и солнышко пригрело, поднялись травы, и летит, жужжит Кусака и до одури, до забвения всё целует и целует прекрасные лица цветов. И взмывают вверх зеленые тельца кузнечиков и букашек, и над землей несется бесконечная песня любви и света.

В норе барсука, в логове муравьиного льва, в каменном обиталище прыткой ящерицы – всюду слышна эта песня.

Лесовик, на крыльце своего домика сидя с кружкой вина из одуванчика, задумался.

Дымится ароматный табак в трубке, вздыхает лесовик.

Быть может, видится ему вчерашний сон о покинутом им подземелье с темными стенами, с вкраплениями алмазов, с тихо журчащей по полу холодной водой, с кладовыми, полными золотых монет, с боролатыми братьями, кующими в темноте заветные секреты?

Или увидел лесовик в прозрачной влаге росы на травинке отражение самого глубокого синего неба и поразился?

И поднимается дым из трубки к сумрачным соснам, к прохладной и мшистой зеленой кроне, к белкам и соням, к северному ветру и к его извечной песне.

О чем поет русский северный ветер?

Он поет о первых снежинках, падающих из сверкающей серой дали, об утренней изморози на щеках колоколен, о стаях серых гусей, летящих за горизонт навстречу оранжевому диску солнца. Над опустевшими равнинами, над заснеженными шапками городов, над зеркалами одиноких прудов, летят они, вытягивая шеи, а песнь ветра звучит в распахнутых равнодушному небу крыльях.

Одинокий путник, сняв лыжи, отдыхает на поваленном дереве и, приставив ладонь ко лбу, провожает взглядом пернатых скитальцев. Отдохнув, он уходит вдаль, к вечеру его следы заметет снег, и к поваленному дереву придет семья медведей. Медвежата, катаясь в снегу, будут играть в извечные игры детства, встав на задние лапы, хозяин тайги ударом лапы уничтожит следы привала непрошеного гостя, а затем поведет медвежат к свободному ото льда, чистому пространству ледяной воды. И, сверкая чешуей, упадет первая рыба на снег, и в затухающих глазах на миг промелькнут черные глубины вод.

Вод, где зеленые водоросли колышутся в причудливом танце, где во мгле мелькают смутные тени с широкими хвостами.

Где, зарывшись в ил, мохнатый рачок грезит о дальних странствиях лосося, которого охватывают материнские объятия течения и несут в бесконечную, прекрасную прозрачную даль водного пространства. В глубину водной бездны, сквозь сумрачную тень коряги, сквозь стаю неторопливо проплывающих рыб-ангелов, падают и падают на дно капли солнца.

И в колодце мерцающего света кружатся силуэты китов, то погружаясь в глубину, где русалка обнимает штурвал сгнившего корабля викингов и поет грустную песню о моряке и его надеждах, то всплывая на поверхность, взлетая к вечерней звезде, и кто же сказал, что киты не летают?

И падает вниз морской гигант, вздымая клочья морской воды и пены, и вновь погружается в глубину, где ждут его смертельные объятия гигантского спрута, хозяина морских глубин, владыки обители водного покоя.

Грезит у осеннего окна Алёнушка...

Над морской схваткой ошеломленно наблюдают юркие стайки рыб, и, не дождаввшись конца схватки, в спешке расправляют прозрачные плавники крыльев – скорее, скорее разнести всему свету весть о бесстрашии и доблести.

И поднимаются они над поверхностью воды, и летят навстречу соленому ветру к дальним берегам, где на берегу, в знойной тени пальм шелестят забытые сказки моря в опустевших раковинах моллюсков.

Где из диковинного плода смуглая женщина мастерит своему ребенку игрушку, а по песку бегают нелетающие птицы.

Не зная цену золоту, добрый пожилой вождь при свете костра расскажет племени об ударе молнии в саговую пальму или о странной пироге, приплывшей с востока, где в окружении таинственных предметов лежал мертвый чужеземец с лицом изможденным и печальным.

И они будут петь и танцевать до рассвета, и когда рассвет придет и пятой зари

разворошит угасшие угли костра, они построят плот и поплывут искать новые прекрасные земли.

Потерянную флягу из тыквы течение прибивет к иным берегам; мохнатая обезьянка, возбужденно крича, спрячет ее в развалинах старинного храма, где среди следов ушедших цивилизаций скользят королевские кобры, сплетаясь в знаки минувшего.

И когда разрубит мачете спутанный полог лиан, вместе с алмазами и смуглыми лицами божков, в караване верблюдов, тыква поплывет к величественным пирамидам, к стражу песка, молчуну и любителю загадывать загадки. В трюме корабля, наполненная неведомыми семенами, она понесется на запад; вместе с осколками бушприта будет кувыряться в пене прибоя, и когда-нибудь из оперения серебристой чайки крошечное семечко упадет на русскую землю вместе с первыми снежинками снега.

Северная белка будет долго вертеть головой, разглядывая удивительный цветок, непонятно каким чудом проросший в таежных местах. Серебристый песец будет стелить свой запутанный след, тропа ляжет у стройной ножки цветка и продолжит свой путь в те бесконечные дали, куда уходит санный след бегущей собачей упряжки.

И в кружении снега, в морозной мгле погонщик собак на миг уловит странный, сладковатый запах и, забыв об этом, умчится, но наполненный этим ароматом северный ветер расправит светлые крыла возвращающихся на родину гусей.

Ветер Руси вскоре обнимет кору зеленого кедра и однажды весенним утром упадет в траву, на крыльцо к лесовику; затеряется в сверкающих разноцветьях цветов, в гимне жаворонка, в полете кузнечиков, найдется в ладошках Алёнушки.

И это все рисует на стекле Алёнушка.

Уж и вечер на пороге.

И зажигает домовый свой волшебный фонарь, а под кроватью сладко спят Шушундры, видят сны.

Старые часики мерно идут, идут, стрелки неторопливо описывают круг за кругом, закрывает Алёнушка сонные глазки, и ...

Письмо шестое. Убогое

В марте, а быть может, в июле, в доме на краю города, в темном углу, в старом тряпье, в окружении сырных огрызков и апельсиновых корок родилось Убогое.

Много ночей судорожно всматривалось Убогое из угла единственным глазом в тающий огарок свечи, горевший в ржавом подсвечнике.

Огонек манил к себе маленькое создание, оно ворочалось в рваной и ветхой материи, сучило хилыми ножками и ручками, но, чтобы доползти до источника света, Убогое было слишком слабо.

Отчаявшись рассмотреть невиданное чудо, Убогое засыпало, его крошечное сознание растворялось в сонной мгле, в теплом и темном мире покоя.

Днем оно крепко спало, ночами дергаясь в конвульсиях, впитывало в себя запахи и звуки старого дома.

Тощая кошка долго и пристально изучала сквозь щель в сундуке невзрачное создание, копошение уродливого существа пугало и настораживало.

Дом, принадлежавший Старости, медленно катился по дороге ветхости и сырости к разрушению и смерти.

Когда у маленького создания выросли зубки, оно начало прогрызать себе путь в светлый мир и вскоре нелепо и судорожно выпало на прогнившие доски комнаты дома.

Старая крыса, тащившая колбасную палочку к себе в нору, вздыбила шерсть и ощерила зубы на странное создание. Убогое существо протянуло тощие пальчики к удивительному и прекрасному встреченному созданию, но лишь темнота окружала маленького странника. Крыса ушла в подземные миры.

Ползая в темноте, радуясь и тоненько взвизгивая от удивления, Убогое изучало границы мира, познавало темноту, знакомилось с мраком.

Падающие с потолка в дорожки лунного света пылинки поразили нелепое создание.

Оно долго купалось в лунном свете, вылизывало свое невзрачное тело, украшало себя звездными блестками, серебром млечности.

Когда же наступил день, Убогое забилося в щель в стене дома и уснуло.

Дом наполнился шарканьем ног, громоуханием посуды.

Изредка под окнами, утопая в грязи, проезжали повозки, слышны были разнужданные голоса возниц, жалостливое ржание коней.

Старая женщина, потерявшая в колодце лет красоту и молодость, убирала свое разрушенное жилище, мыла утраченные года в корыте воспоминаний, ворчала на старость и немощность.

Ее кошка, тощее и хитрое животное, немигающим взглядом смотрела в некую точку между грядущим и прошлым и на нечто зримое и понятное только кошке.

Осень, пришедшая в дом, щедрой рукой рассыпала семена хмеля и дикого винограда в стены и души обитателей дома, проростки налились силой и опутали границы покосившегося ветхого мира.

Радость и боязнь при встрече с обитателями дома перестали волновать и задевать душу Убогого, когда оно узнало о том, что хозяйка дома слепа, а кошка живет в выдуманном мире грядущего.

Улетели ласточки, в опустевших гнездах поселились маленькие темные создания из пыли и паутины, Убогое, сидя у чердачного окна, любовалось на желтые и красные листья, опадающие с деревьев на мокрую землю.

Скользкие мокрицы бегали в трещинах стен, сенокосец искал потерянную ногу, капельки дождя стекали по стеклу, а трупики мух устилали потемневший от времени пол.

В сырости дома, в древесном кряхтении стен, в сумеречном шепоте досок пола и штукатурки выростали серые и кратко живущие призрачные цветы плесени.

Они стремили свой бег в таинственном мире, но быстро усыхали, рассыпались в тревожный и темный прах.

Убогое смеялось, кружило по чердаку, подбрасывало вверх собранные им осенние листья.

Сшив себе наряд из коры платана и желудевых шляпок, оно долго смотрело в свое отражение в мутном осколке зеркала, перебирало свое величайшее и тща-

тельно хранимое от тараканов сокровище – несколько булавок с разноцветными головками и медальон со сломанной пружинкой.

Жадно поедая остатки завтраков и ужинов кошки, скрюченное существо радостно урчало на языке тощего создания, а перед сном, в рассветной молочности, кряхтело и стенало на языке старой женщины.

Оно научилось говорить на языке скрипящего комода, могло звенеть голосом дверного колокольчика, трещать голосом продавленной кровати.

Старьевщик, купивший у слепой старухи мебель и часть жизни, долго озирался и испуганно рассматривал щель в стене, куда прошмыгнуло Убогое.

– Клянусь Святым Варфоломеем – это самая странная и покалеченная крыса среди крыс, – задумчиво сказал он себе.

Зима упала на дом и приняла его в сверкающие хрустальные объятия.

Убогое растворилось в кружении снежных пчел, в бриллиантовом переливе сосул, рассыпалось миллиардом радостных мгновений, расцвело вьюжным соцветием счастья.

Полусгнившие часы дома сипели осколками боя, над домом снег летел из глубин серого небесного океана, крысы грызли половицы, кошка спала у ног пожелтевшей и умершей ещё осенью женщины.

Из сумрака старого шкафа приходили потусторонние и заводили часы, по полу мышата катали бусинки и колесики из детских игрушек, а Убогое напевало придуманные им зимние песенки и приглашало снежинки в гости.

Весенние дожди снесли часть крыши, обнажили худые ребра стен дома.

Крысы растворились в тающем снеге, кошка ушла в неизмеримое, а повзрослевшее уродливое создание, вплетаясь в разбитые окна и каминную трубу темными пальцами, отвисшей губой жадно ловило струи цветочного аромата из рукавов теплого ветра.

Волоча недвижимую ногу, оно вышло на остатки порога дома в звездный дождь.

В луже холодной и чистой воды, в отражении глубокого черного неба, Убогое увидело сотни звездных свечей, призывно качающихся и манящих куда-то.

Весенний, зеленый ночной мир вязко стиснул грудь, ветер поднял существо ввысь, дух Убогого растворился в неистовом прибое океана неба. И в этот миг, когда воронка миров, времен и расстояний закружила в своих объятиях пылинку планеты, Убогое сделало первый шаг из щели нашего мира в сияющую бесконечность...

Письмо седьмое. Сквозь горизонт

Сквозь горизонт...

Как же мечталось в юности о том, чтобы пройти сквозь горизонт.

Ранним утром, вечером, глубокой ночью...

Глядя в багровеющее окно заката, вдыхая изморозь рассвета, путешествуя сквозь зной по ломким сухим травам неизведанного.

Осенью, купаясь в золоте, по лесной дорожке неспешно гуляя с букетом листьев... Читая буквы, прочерченные пером холода, наслаждаясь последними лучиками Тепла.

В вершины холма – прощальный взгляд в золототканые дали. Всё вышито красными и желтыми нитями, всё – в океане Осени. Что таится за далью? Какие там живут города и страны?

Мир таинственный, мир удивительный.

Как же манит он к себе, наполняя всё твое существование светом, теплом, лаской!

Осеннее одиночество, поэтические мечтания, душевный трепет...

Лес встречает мельчайшими каплями древесных слез, по загадочной тропе идет наша юность во влажную и таинственную темноту деревьев, навстречу удивительным приключениям.

Вот и красная шапочка сыроежки под слоем листьев и сосновых иголок.

Гриб спрятался у подножия бука, он источает умопомрачительный грибной запах – тонкий, свежий, наполненный всеми ароматами осеннего леса.

Накрапывает мелкий дождик, в лесу полумрак, паутинки полны водных капель.

Вот выглянуло солнце, паутина озарилась алмазным взрывом – капли, наполненные солнечным поцелуем, вспыхнули в горнилах сотен радуг. По сверкающему великолепью бежит паук. И где же он прятался?

Лесная тропинка приводит в сказочное место – быстро высыхающую под солнцем поляну.

А вот и сокровища: оранжевые плоды шиповника, рубиновые ягоды боярышника.

Над кронами деревьев вольно парит ветер, черпая из широких карманов крупы солнца, странник грустно дарит осколки тепла замершей в ожидании морозов природе.

И вот небо снова затянулось тучами, дождь выбивает из земли первые звуки осенней песни, песня завораживает, клонит в сон.

Волшебные рельсы бегут за горизонт.

Ночная станция спит в звездных объятиях Вечности.

За порогом ушедшего дня – осенний лес с его тайнами и сокровищами, в ночи мы, затерявшись среди звезд, мечтаем о...

Небо, усеянное сотнями и тысячами искр, глубоко и непостижимо.

Кутаясь в дождевики, сидя на скамьях станции, взглядом скользим по рельсам, уходящим в сундук ночи. Разговоры при осенней луне о тайне песнопений листьев, о шепоте деревьев, о зове ветра.

Утренний поезд привозит нас в страну первых снежинок.

Холодно и жутковато в царстве зимней свежести. В поисках тепла припадаем к подножию древней ели.

Под тяжелыми заснеженными лапами дерева мир тишины и покоя. Вьюга катит снежные волны в зимнем океане пространства, в небе силуэт одинокой птицы на фоне затаившего холодный выдох горизонта.

Протаптывая тропу к горным вершинам, идем в сердце зимней синевы, несем тепло наших душ в изыбшие просторы декабрьской стужи.

Страна незамерзающих водопадов, страна пещер и скользких скал, страна величественных ущелий и гротов.

Северный горизонт увенчан короной сосновых лесов, украшен первой звездой, что засияла в пустоте снежной млечности.

Первые следы зайца на сверкающем снегу – тайный код на карте, которая проведет нас сквозь горизонт в неизведанные сказочные дали.

В избушке лесника, в преддверии ожидаемого счастья, наслаждаемся теплом очага, разглядывая летящие к потолку искры. Это искры весны, она терпеливо ждет нас за порогом, согревая теплым дыханием изыбшие деревья.

Весна. Бежевые, фиолетовые, желтые цветы первоцветов – волшебные украшения.

Есть ли краше? Есть ли чудеснее, нежнее?

Просыпается уснувшая в снегах девочка-мечта и манит нас идти дальше.

Лицо природы, покрытое морщинами и трещинами от зимней стужи, разглаживается, молодеет в щебете птиц, вернувшихся из стран, что лежат по ту сторону горизонта.

Тянутся к небу зеленые проростки, по степным, наполненным свежими живительными соками страницам книги весны идем мы вдаль...

Хор лягушек у теплого после дождя озера, туман над рекой, встреча с рассветом у поваленного дерева – первые полученные письма из страны лета.

Широко открытыми глазами смотрим в раскинутые, обнаженные тайны природы.

С вершины горы нашему взору подвластна вся безграничная даль, весь простор летнего пространства.

Полыхающие жаром кукурузные поля и прозрачная сверкающая струя родника у заброшенного селения. Монастырь, утопающий в сливовых деревьях, ягоды земляники, прозрачные стебли купены и шорох папоротников лесной чащи.

Стайки полевых птиц прочерчивают в море зноя сверкающие зигзаги серых молний; в стрекотании кузнечиков, в аромате люцерны и чертополоха – летние стихи, летняя сказка.

Ночью у костра ведем разговоры о самых удивительных и волнующих моментах путешествия. Звездная шаль на плечах сосны, тихий шелест и писк рождающихся в летней ночи лесных созданий...

На свет костра приходят в гости сны и мечтания.

Утром, глядя в затухающие угли, вспоминаем летнее звездное небо...

Нас ждет путь, все дальше и дальше, к горизонту.

К горизонту нельзя подойти, его нельзя обогнуть, сколько бы ты не бежал по осеннему лесу, по снежному насту, по летним степным дорожкам, затерянным в зарослях бересклета...

Можно лишь попытаться пройти сквозь горизонт, но для этого нужна юность.

И где-то в лесной тиши, в солнечных шалфейных странах, в долинах, пронизанных слезами зимних водопадов, наша юность вечно беспечно и легко стремится свой бег: сквозь можжевельниковый пожар в ночном летнем лесу, с дождливой песней осеннего луга, в рассветном тумане, сквозь зной и снег, сквозь время и расстояния, сквозь...горизонт.

Письмо девятое. Праздник

Я часто думаю о том, какую цену нам приходится платить за возможность расправить крылья, возвыситься.

Что при этом оставляем мы под небесами?

Как же порой тверд небосвод и насколько глубока пропасть падения...

Я расскажу вам одну историю, некое видение из далекого прошлого.

И выражу свой рассказ в виде метафоры, она позволит сократить ненужные слова и подробности.

И когда пришел Праздник, звезды сияли настолько ярко, как никогда в жизни.

С утра потянулись следы санных полозьев – в город и обратно. Ослепительно белый снег, стада домашних животных, задумчиво выпускающих морозный пар, медленно сгущающиеся сумерки... Звон православных колоколов, горячий аромат свежееиспеченных крендельков и бубликов.

В воздухе такая неподвижность, прозрачность, что порой кажется – сделай движение рукой и за ней потянется мерцающий след...

И когда пришел Праздник, все собрались и поздравляли друг друга, как никогда в жизни.

И приносили дары, и пели и пили.

И я приносил им вино, ибо мне не было места за столом среди взрослых по возрасту, и не было места за столом среди сверстников по положению.

Тонкий, чуть дребезжащий перебор струн гитары, чуть слышно, потом чуть быстрее, слышней, вкрадчиво, а теперь громче, громче... и ах, черт меня дерь, – вступай, певец!

И группа бродячих цыган-музыкантов рады стараться.

Молодой звонкий голос устремляется в небеса, жаворонком заливается и падает вниз, с хрипотцой, с ленивой тоской повествует о нелегкой доле и о беспросветности.

О несчастной любви и преданной дружбе.

О шатре широко раскинувшегося неба и о далекой звезде странствий.

Вступает женский, пронзительный голос и люди сатанеют.

Медные монеты стайкой покидают набитые кошель и обильным дождиком сыплются в дно гитары и в декольте цыганок.

Кружки, отставляя винные следы на столе, весело стучат в такт музыке песен, а вскоре и подкованные сапоги сельчан выбивают щепки из дощатого пола.

Толстый трактирщик выкатывает новые бочки вина, а его жена едва успевает собирать со столов в подол выручку. Тяжелые кружки оттягивают мне руки, от винных паров и кислого запаха кружится голова, но я стараюсь менять кружки как можно чаще, уж больно строги взгляды хозяев. Смуглые, так непохожие на русских детей, маленькие цыганята ловко ползают среди объедков под столами, деловито засовывая в рот упавшие медные грошки. Расхристанная молодая цыганка с синюшным младенцем за пазухой гадает по руке молодому гренадеру. Солдат пьян, его глаза затуманены, но он счастлив – далекая крымская звезда войны уведет его вдаль, где ждет бедолагу чужеземное счастье – он вернется богатым, станет известным.

Монеты монист мелко дребезжат на широкой груди гадающей цыганки, бросив гренадера, она призывно протягивает руки к мужчинам, и вот уже и пожилые крестьяне, и молодые парни дергаются в каком-то нелепом, заморском танце.

Я на минутку выскакиваю подышать морозным воздухом на улицу, и мне кажется, что даже луна и звезды застыли в удивлении и печали.

– Желает ли господин еще чего-нибудь? – обращаюсь к пожилому мужчине, который одиноко сидит в самом дальнем и темном углу трактира. Он немало выпил, перед ним целый ряд пустых кружек с вином. В течение вечера я часто бросал любопытный взгляд на темный футляр, лежащий перед ним на столе.

Это была скрипка.

Музыкант известен хозяину, вытирая руки фартуком, тот наклоняется к жене и, глядя на посетителя, что-то вполголоса ей говорит. Судя по брезгливому выражению на ее лице, я понимаю, что бродяга ей неприятен и мерзок, и не могу понять почему.

А веселье в самом разгаре.

В клубах табачного дыма головы купцов, цыган, крестьян, лакеев искажены, выглядят гротескно. Пожилой аптекарь похож на филина, прищурившись, он платком протирает очки, из-за чего сходство еще сильнее усиливается. Писарь из управы похож на хорька с серебристой мордочкой. Толстый мясник с женой напоминают мне двух старых хряков, только вылезших из грязной лужи. Свояченица мясника, не уставая и не останавливаясь, обгладывает кости и обсасывает мясные кусочки с блюд, хищный блеск сверкает в ее затуманенных сытостью глазах, и мне даже страшно подходить к этому столику, кажется, что вся стая с визгом и рычанием накинется на меня.

И когда пришел Праздник, все собрались и поздравляли друг друга как никогда в жизни.

И приносили дары, и пели и пили.

А когда наступила глубокая ночь, и цыгане, набив кошину, пропали, никто не спешил уходить. Был слышен нестройный шум голосов, хруст разбитых стекол под ногами, плач метели за окном. А потом кто-то заметил скрипичный футляр одинокого музыканта, и за стакан вина он достал свою скрипку.

Боже, как он играл!

Казалось, время остановилось, и мы застыли в нем кристаллами немоты в медовом пространстве света керосиновой лампы. Музыкант слегка раскачивался в такт мелодии, фалды потертого сюртука трепетали, мне казалось, что огромная звездная бабочка залетела в круг света, пьяное лицо бродяги было сурово и так скорбно красиво, что я остолбенел, подавленный величием его выражения и красотой музыки.

А когда все кончилось, я обнаружил себя сидящим на полу, лица людей были обращены на толстого хозяина: вытирая жирные слезы, он стоял у пивного крана с кувшином в руке, а из бочки толстой струей на пол хлестало вино, и я понял, что и ко мне пришел Праздник.

И все бросились к музыканту, и он играл и пил. Каждый чувствовал свою принадлежность к нему, как чувствуют свою причастность к чему-то общему люди с общей бедой или радостью. И когда наступил рассвет, подобно засушенному кузнечнику, музыкант лежал на полу, а хозяин вынес его во двор, оставив себе за долги потертую скрипку.

И когда пришел Праздник, все собрались и поздравляли друг друга, как никогда в жизни. И приносили дары, и пели и пили.

Вместе с другими слугами я стоял у сломанного тела скрипача и украдкой положил ему в карман все заработанные за ночь деньги.

Пришла весна, за ней знойное лето, наступила осень, и много, много раз времена года сменяли друг друга, но каждый раз, когда я чувствую, что метель за окном утихает, и морозная ночь тает на стекле первым весеннем, туманным лучом света, я зажигаю старую керосиновую лампу и долго смотрю в огонь. Мне представляется огромная, роскошная сцена театра, величественные своды органа, рукоплещущие ряды, и иногда я слышу отзвуки чудной неповторимой музыки, и желтом круге света вижу сгорбленного талантливейшего пьяного русского музыканта из моего далекого детства, подарившего мне Праздник...

Письмо одиннадцатое. Земляной чай

В весеннюю ночь, в саду императора[1], мы любовались необычайно красиво распустившимися лепестками цветов сливовых деревьев[2].

Из цветков лилась волнующая музыка звезд, аромат плыл над нами, витая над крышами Киото, он манил, звал в бесконечные тайны неба.

Под утро, вернувшись из страны снов, самые красивые девушки Дворца Наслаждений[3] рукавами платьев собрали с лепестков благоуханную росу для целительного чая.

Мой брат и учитель, Дзюко Мурата[4], приготовил набор для чайной церемонии.

Он долго, усердно разматывал темную нить с влажного и продолговатого темного свертка, что сотни дней пролежал в земле[5], потом на холодном от утреннего ветра листе бумаги бережно разложил ароматные листья в иероглиф Познания[6].

– Послушай, как они поют в утреннем свете, – сказал Учитель, любуясь иероглифом, меняющим на глазах свою форму и значение.

В ожидании пока первые пузырьки воздуха поднимутся сквозь водную толщу со дна медного чайника, мы устремились своими мыслями и желаниями в благодатный мир Неизведанного.

Я закрыл глаза и перед моим внутренним взором предстали красочные видения зеленых полей у подножия священной горы Хейдзан[7].

В прозрачном и чистом воздухе кружились нити рассвета, ветер рисовал на холсте неба светлые блики нового дня, крошечная фигурка господина Сайсё [8] на пути в Киото привлекла внимание юной чайки, тревожно крича, птица устремилась в глубину молочного неба.

– Некогда, великий Иккю[9] нарисовал утреннюю песню ветра запутавшегося в кустарнике, – сказал учитель, бережно раскладывая перед изображением Будды чайные чашечки. – Его картина настолько смутила гостей на «турнире ста чашек»[10], что они долго прогуливались по саду, храня молчание.

Улыбнувшись словам учителя, я, бережно проведя рукой по нежным и гладким доскам пола беседки, встал и вышел к сливам, пронизанным сотнями огоньков рассвета на травинках и камнях монастыря Дайтокудзи[11].

В облачках светлого тумана, в щебете птиц, в стрекотании цикад, даже в шарканье ног проснувшихся монахов, был разлит океан нежности и сверкающего перламутра утреннего света.

– Красота сокровенного, – прошептал я, – мы стремим свой бег в поисках тайны, а тайна окружает наш мир и центр ее – в каждом из нас.

Где же в бесконечном и невероятно красивом мире тот миг, когда я перестану быть гостем, одной из иллюзий изменчивого мира, его обращающейся в прах малой частью?

Удалившись по родзи[12] в глубину сада, размышляя о вечности, я набрел на каменный цокубаи[13] с хрустальной водой. Вода сияла, отражая всю синеву проснувшегося весеннего неба.

На дне бамбукового ковшика притаились кристаллики песчинок, в каждой из них трепетали и сверкали сотни невообразимых миров, зачерпнув горсть холодной и ароматной влаги, я медленно вылил ее на лицо, ощущая, как легкие покалыванья и касания холодных крыльев ветра возвращают мне потраченные в долгих странствиях годы.

Прошло, наверное, несколько сотен лет, пока я, стоя на коленях у цокубаи, подставлял мокрое лицо весеннему ветру, но миг очарования прошел и я подумал о том, что нехорошо заставлять своего почтенного учителя ждать расшалившегося как ребенка гостя.

Высохшая сосновая ветвь и душистый полевой цветок сплели объятия в глиняной чаше, я пристально и долго созерцал творение мастера, показавшего мне красоту и краткость уходящей весны и молодости.

Вскоре неслышно появилась фигурка учителя, взбив массу чая в благоухающую массу, он преподнес мне чашу с волшебным напитком.

Великолепное и блистающее утро наводнило сады и пастбища нашей бедной страны, в океане небе плыли корабли облаков в страны без названия, а мы всё неспешно и спокойно пили земной чай, наслаждаясь всеми оттенками его аромата.

– Дождь идет, барабанит по соломенной крыше всю ночь, небо затянуто тучами, а в бамбуковых зарослях слышен тонкий крик обезьянки, – сказал я и передал чашечку учителю.

– Лунный свет холоден в долгую зимнюю ночь, – ответил хозяин, – он не греет, на рукаве кимоно сверкают искры снега, свет снега ярок, но не дает тепла странствующему монаху.

– Стук в дверь – неужели в мой дом пришел гость? Как много лет прошло, с тех пор как друзья покинули меня! Радостно выхожу на порог, а это лишь старая циновка трещит и шуршит на холодном ветру... – прошептал я, пробуя чай из вновь поднесенной мне глиняной чаши.

– Проснувшись ранним утром, спешу открыть глаза и попросить мою младшую сестренку не щекотать меня, не тревожить мой сон. Но, лишь яшмовое небо надо мной, не крыша дома, а прелая солома – пристанище седого странника в пути, – сказал учитель.

– Голоса утренних цикад не разбудят селенье, утонувшее в осенней печали...

– Что это? Рыба всплеснула старые воды озера Седзин[14]? Еле слышно, гребет мудрый лодочник, стараясь луну не спугнуть.

Утренний гонг возвестил о конце чайной церемонии.

И по сей день, пишу ли я строки поэзии, любуюсь ли ловлей светляков над рекой Сэта[15] – слова учителя звучат в моей голове, они рождают красивые и печальные образы, наполненные волнующими и волшебными картинками нашего мира.

Отдыхая на вершине горы Обасутэ[16], слушая кукушку, встречая гусей на пороге временного пристанища, мысленно я всегда странствую из Эдо[17] в Киото, где в сливовом саду цветы сплетаются в удивительном танце с локонами весеннего ветра, принесшего из глубин мироздания самый непостижимый, самый сладкий вкус земляного чая...

Примечания к тексту:

[1] Сады древней японской столицы Киото

[2] Ханами – японская национальная традиция любования цветами

[3] Метафоричное обозначение одной из резиденций Асикага Ёсимицу – 3-го сёгуна сёгуната Муромати. Был известен как покровитель искусств. Оказывал содействие развитию театра, распространению буддизма. Величайшее творение Ёсимицу – «Золотой храм» Кинкакудзи в Киото, шедевр мировой культуры.

[4] Буддийский монах, один из выдающихся мастеров чайной церемонии.

[5] Япония долгое время была основным импортером чая «пу эр», изготавливаемого в Китае, в провинции Юннань. Технология изготовления этого сорта держится в секрете, известно лишь то, что долгие годы он может храниться в земляных ямах.

[6] Символ одной из пяти догм Конфуция, иногда его включают в кодекс Бусидо.

[7] Гора в провинции Киото, где появились первые плантации чайных деревьев.

[8] Считается, что впервые разводить чай в Японии стал монах Сайсё, в 802 году создавший у подножия горы Хэйдзан, первую чайную плантацию.

[9] Иккю Содзюн – путешественник, настоятель монастыря. Один из самых известных представителей классической средневековой культуры Японии. Был крупнейшим каллиграфом своей эпохи и основал одну из школ монохромной живописи, оказал большое влияние на эстетику чайной церемонии.

[10] Уже с XIV–XV в. чайные турниры (по угадыванию происхождения чая) стали популярны среди многих японцев.

[11] Уникальный храмовый комплекс в Киото.

[12] Дорожка из камней в чайном саду, ведущая к чайному домику. Буквальный перевод: земля, увлажненная росой. В настоящее время этим термином обозначают и весь чайный сад.

[13] Традиционная каменная чаша. Цукубаи изготавливаются из цельного необработанного камня и носят культовый характер. Обязательный атрибут сада для чайных церемоний.

[14] Одно из пяти озер у горы Фудзи.

[15] Река в Японии. Часто упоминается в поэзии Мацуо Басё. Ловля светлячков над рекой Сэта – одно из любимых летних увеселений в Японии

[16] Гора в Японии, послужившая основой для возникновения многих притч и легенд.

[17] Древнее название Токио.

ДЕНИС БАШКИРОВ – поэт, прозаик. В прошлом – зоолог, специалист по опасным хищным животным. Занимался изучением и разведением персидских леопардов и редкими видами крупных хищных птиц. В последние годы работал в области биохимии и селекции растений в Институте Генетики АН. Публикуется в газетах и журналах в разных странах мира. Член Союза писателей Молдовы «Нистру». Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Лауреат премии «Белый Арап» (2011). Учредитель (совместно с Виктором Сундеевым) Международного творческого ресурса «Подлинник».

Пути-дороги

ТАТЬЯНА ОРЛОВА

КОРАБЛЬ «ПЕРЕДЕЛКИНО»

С 13-го по 17-е октября этого года в Переделкино проходило Первое Международное Совецание молодых писателей. В совещании приняло участие 75 человек из разных регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья (Беларуси, Украины, Армении, Молдовы, Абхазии, Афганистана, Германии, Латвии и др.) в возрасте от 17 до 37 лет и немножко старше.

Вечер. Мы на веренице машин медленно вплываем в писательский городок «Переделкино-Солнцево»*. Переезжаем мостик через реку Сетунь. Когда-то в XVII веке здесь была судоремонтная верфь, где ремонтировались, то есть переделывались, корабли. Отсюда и название – «Переделкино». Будут ли здесь на первом (после перерыва в четверть века!) Международном Совещании «ремонтировать и переделывать» нас, молодых писателей, чтобы потом отпустить в долгое и далекое плавание?

Всматриваемся в темноту за окнами машины. Где же заветный адрес? Ярко горит одна единственная вывеска «Ресторан Солнце». Звоним в приемную. В ответ на наши вопросы женский голос недоуменно повелевает: «Ну, заходите!» – мол, как это мы не догадались, что это и есть Дом творчества писателей. Заходим внутрь. Идем к главному корпусу с белыми колоннами. Здание напоминает огромный лайнер. Входим по трапу лестниц внутрь и погружаемся в другой мир. Нам дают ключи от этого мира (вернее, от нашего временного жилища здесь на ближайшие четыре дня) и почти насильно ведут ужинать. Что ж, вкушение пищи в ритуальном смысле означает многое. К примеру, приобщение к чему-то или общение с новыми людьми. И, правда, знакомимся с хрупкой и нежной девушкой с длинными светлыми русалочьими волосами. Ее зовут Юлия Гиацинтова. Угадываем: «Ты стихи пишешь?» Наша догадка оказывается верна. «И, конечно, о любви?» А вот тут промах. Как позже узнаем, Юля пишет философские стихи о смысле жизни, о Боге, о России. С нами за столиком ужинает преподаватель семинара прозы Светлана Владимировна Василенко – известный современный прозаик и поэт. Оказывается, я с ней заочно знакома (по другому совещанию молодых писателей в Каменск-Уральском), а еще радостная новость – она приедет на Дни русской литературы и духовности к нам в Молдову.

* В 1934 году, по совету Максима Горького, правительство выделило земли усадьбы под постройку городка писателей на правах безвозмездного и бессрочного пользования. Всё, что связано с писательским городком, было поручено курировать Литфонду СССР. Первыми обитателями переделкинских дач стали Исаак Бабель, Илья Эренбург, Лев Кассиль, Борис Пастернак, Илья Ильф, Евгений Петров и др. После войны посёлок разросся. Здесь поселились Вениамин Каверин, Николай Заболоцкий. В Переделкино жили Константин Симонов, позднее Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Арсений Тарковский. Писатель Корней Иванович Чуковский собирал детей из всех переделкинских дач, не только Писательского городка, читал им свои произведения, играл с ними, вел разговоры. У многих выросших там остались самые тёплые воспоминания о тех встречах.

Поужинав, торопимся в актовЫй зал – там что-то вроде первой встречи. Приглашают желающих почитать стихи. Люди смущаются, многие только недавно приехали и не успели приготовить рукописи. Все несколько сумбурно. Ярко запоминается девушка из города Керчь и Дмитрий Ханин из Ростова-на-Дону, студент факультета математики, стихи которого проникновенны и образны:

*Покосились лачуги дряхлые,
Застонали скелеты стен.
И по-старчески все заплакали,
Вспухли доски, как жилки вен...*

Слушаю стихи и понимаю, что корабль «Переделкино», пришвартованный к нашему приезду, уже отчалил и мы плывем по морю осеннего вдохновения, тихо шурша листьями блокнотов. Вот бы знать, куда?

Расходимся по «каютам». Меня и Катю Щербакову, талантливую юную поэтессу, с которой мы приехали из Кишинева, селят в двухэтажный флигель, но не одних. Вместе с нами будет разделять литературное плавание Ирина Вахитова из Риги, Ксения Ветер из Феодосии и та самая Юлия Гиацинтова из Москвы, с которой мы уже успели познакомиться за ужином.

С Ирой Вахитовой сразу находится контакт, и не важно, что Катя еще не закончила школу, а Ира – школьная учительница, – разговор идет на равных – увлеченный, интересный. Ирина Вахитова не только талантливый писатель, она тонкий психолог, замечательный искренний человек и педагог, как говорят, от Бога. Думаю, и я, и Катя про себя не раз пожалели, что у нас не было вот такой учительницы, как Ира, которая могла бы научить мыслить нестандартно, творчески. Она по своей собственной инициативе ставит с учениками спектакли. А еще пишет песни и сама исполняет их.

Ксения Ветер – крымский ветер, поэт. Большая часть мужской команды переделкинского совещания, думаю, записалась в ее поклонники. Яркая, модная, с вечерней красивой прической – прямо как с обложки глянцевого журнала, неужели она еще и стихи пишет, подумалось мне? Стереотипы в очередной раз сломаны. Душа у Ксении совершенно не глянцевая, а настоящая, теплая, искристая, крымская.

*Глаза стали влажными от удовольствия,
Каждая клеточка дышит рассветом
Этой зимою я – в Феодосии,
Осенью этой, весною и летом...
Сердце наполнено сладкой отравой;
В запахе трав, в соке горькой полыни...
Жить Феодосией не перестану, –
Всею душою я с ней и поныне.*

И не равнодушная!

*Остановитесь! Смотрите, граждане!
Там человека живого убили!
Колесом задавили... Но это не важно...
Видите, в пробках – автомобили...
Пробегаем... Проходим... Похоронили...*

На следующий день после завтрака – торжественное открытие совещания. В нем приняли участие руководители ведущих писательских объединений современной России: председатель Исполкома МСПС Иван Переверзин, председатель

Союза писателей России Валерий Ганичев, первый секретарь Правления Союза российских писателей Светлана Василенко, секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России Владимир Бояринов, главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев, другие известные в литературных кругах люди.

Звучат торжественные речи о том, что все мы – участники исторического события. Иван Иванович Переверзин говорит о политике дружбы межнациональных литератур, об «удобрении литературной нивы». О том, что нужно искать таланты – ибо чем человек талантливее, тем беззащитнее. А еще о том, что нужно способствовать главной задаче каждого талантливого писателя – быть признанным. Владимир Григорьевич Бояринов подчеркивает важность создания некоего банка переводов, по которому можно будет отыскать «дагестанского Есенина», встретить друзей и коллег. Ведь школа литературного перевода работает теперь, как больное сердце с перебоем, и важно восстановить здоровую работу и сотрудничество. Валентин Алексеевич Устинов напоминает о том, что не мы выбираем слова, а слово выбирает нас, об избранничестве писателя и поэтому о долге и высокой ответственности нести этот долг.

Заканчивается торжественная часть. Идем на обед. Шутим по поводу «обилия» яств и знакомимся с еще одним интересным человеком – Ильдаром Абузяровым. Оказывается, он живет вместе с нами во флигеле в отдельной (что еще нужно для процесса творения?) комнате. Обмениваемся книгами, договариваемся рассказать о впечатлениях. Пока есть свободная минутка, садимся с Ирой Вахитовой почитать один из его рассказов. Выбираем рассказ «Почта». Название совершенно не обещает ничего интересного, но судя по количеству страниц, этот рассказ самый короткий. Приступаем к чтению. Рассказ медленно разворачивается, как огромный мелко-мелко вышитый ковер. В его узорах скрывается множество тайн, которые, кажется, ты вот-вот и разгадаешь:

В те осенние месяцы я жил на улице Гаугеля в общежитии среди роскошных особняков. Никогда раньше мне не приходилось жить в столь тихом месте. Никто, ни единая душа, ни даже двигатель редкого автомобиля, работающего тихо, словно листопад, не пытался потревожить вдохновенного уединения.

В результате мой японский продвигался шажками девушки в кимоно, семенящей поутру на рыбный рынок. В те дни у меня было предубеждение. Мне казалось, что японцы питаются прелыми листьями и улитками. Если целыми днями сидеть на лавочке под кленом и смотреть на низко плывущие облака, да еще пытаться определить на ощупь, что это коснулось твоего лица: дождь, ветер или радуга из листьев, – то рано или поздно облака напомнят суевливых, толкающихся боками покупателей морской – от акульных плавников до китовых боков – снеди.

Надо сказать, что тогда я и сам делал лишь первые шаги, протискиваясь в японскую культуру сквозь толстые тома. Но, начав, как и полагается, с простых слов вроде «здравствуйте» и «до свидания», я, молодой ученый, уже задумывался над научно-популярной книгой.

Поскольку в комнате университетского общежития было не так много места, я решил мысленно развеивать иероглифы на деревьях. Осенние деревья сами по себе – иероглифы, но похожи и на людей. Вскоре я начал узнавать их в лицо. По оттенкам крон-кимоно я начал определять их пол.

Дело дошло до того, что по утрам и по вечерам, выходя подышать свежим воздухом и попутно заучивая незнакомые слова, я здоровался со своими новыми друзьями-деревьями. Здравствуйте, уважаемый, здравствуй, уважаемая, и ты здравствуй, дружиссе...

Каково же было мое изумление, когда однажды я увидел, что мои друзья чем-то очень озабочены. Странная тревога просто пропитывала воздух.

– Что случилось? – спросил я.

Оказывается, наступала пора, когда деревья расстаются со своим нарядом. Для японцев это особенно болезненно. Вы бы знали, как они чтят традиционную одежду! Но самое неприятное заключалось в том, что я ничем не мог ободрить их. Будь они французами, я бы погладил их по щекам. Однако для японцев такое обращение неприемлемо. Даже на вокзале они не позволят себе дружеского прикосновения.

Вот так за своими занятиями я не замечал, как порывы ветра становились все отчаяннее.

Я лишь мог согнуться в традиционном уважительном поклоне, выражающем скорбь и сочувствие к большему кленовому листку, но тот сорвался с места и, показав мне красный воспаленный язык, улизнул в ближайшую подворотню...

Первый семинар. Мы разделяемся на секции прозы, поэзии, детской литературы, литературного перевода, кроме того, отдельно работает военная секция.

Вместе с Иррой Вахитовой попадаем на семинар к критику Владимиру Переяслову, а Катя Щербакова к главному редактору журнала «Наш современник» Станиславу Куняеву. Потом она скажет: «Я очень довольна, что приехала. Мне 17 лет, и руководитель моего семинара, известный поэт Станислав Куняев, уделил мне дополнительное внимание как самой младшей в группе. Этот человек – настоящий литератор, живая легенда. Не могу сказать, чтобы он к кому-то отнёсся необъективно, всё было очень душевно и человечно. И сама атмосфера этого совещания просто потрясающая. Я не думала, что в XXI веке может быть такое...».

На семинаре у Владимира Переяслова знакомлюсь с молодыми авторами из Самары, Риги, Берлина, Смоленска, Нальчика, Беларуси, Якутии и др. Особенно запоминаются работы Николая Котова из Риги, Алексея Сыромятникова из Самары и Гавриила Андросова из Якутии, который, немного робея, читал подстрочные переводы своих стихов. Его попросили прочесть на якутском. Незнакомая якутская речь звучала как песня. Атмосфера спокойная, дружеская, располагающая к доброжелательной полемике. Особенно бурную дискуссию вызывает вопрос о собственно назначении литературного произведения, а именно: должно ли оно учить, грубо говоря, «что такое плохо, а что такое хорошо». У каждого ведь своя правда. По мнению молодых авторов, произведение может и не отвечать на поставленный в нем же вопрос. Иногда нужно просто уметь обозначить саму проблему, а для этого самое главное – создать атмосферу. К примеру, в своей психологической прозе Ирина Вахитова пишет некий образ «розового домика» (по идее фильма «Казароза» о том, что «все дома на закате окрашиваются в розовый цвет») – как символа ностальгии, того, что уходит от нас:

... Стремительно грузим все вещи на большую машину. Бесмысленные ватники, сапоги, холодильник, сковородки, ненужную утварь грузят и грузят тоннами. Забрали все. Прошла в дом. Белела печь, и в ней оставались недоеденные теплые блины. Схватила блинчик. Его вкус я запомнила на всю жизнь. Спальня, откуда я смотрела на красное солнце над лесом. На стене висит рысь, я ее нарисовала для них, этих сонных людей. Но среди тонны вещей не нашлось места моему скромному рисунку.

Дом остался совсем один. И в нем по-прежнему ходила по стене моя рысь с человеческим лицом. Ни одного светлого пятна на стене не было. Я погладила стены и вышла(...)

- Бабушка, тебе не жалко покидать свой родной домик?
- Нет. Совсем нет.
- И нет никаких воспоминаний за 50 лет жизни?
- Я так долго живу, что не помню ничего.
- Как это страшно.
- Так долго жить?
- Нет. Не помнить. Господи, сделай так, чтобы я помнила всё. Я не хочу терять самое дорогое и ничего не помнить...

Или в рассказе «Колыбельная Волкам» создает леденящий душу образ одиночества:

Легкой змейкой снежные хлопья присыпали дорожки леса. Очень холодный ветер. Серое небо смотрит хмуро. Воздух кажется таким стеклянным, что вот-вот зазвенит. В этом краю так редко можно встретить человека. Мне нужно пройти всего лишь сквозь этот лес, всего 6 километров. В глубине леса снега еще меньше, но глухое молчание еще заметнее. Отсутствие звуков добавляет звона в эту странную и липкую тишину. Пространство с каждым моим шагом начинает удлиняться. Кажется, будто я одна на белом свете слышу эту тишину...

Алексей Сыромятников знакомит нас с несколькими рассказами об изнанке человеческой жизни. Н. В. Переяслов советует ему все же находить какой-то выход для своих героев. Трущобы, мрак и безнадежность, пусть и реальность, но еще не вся жизнь. Немного света в конце туннеля – и уже контраст, а настоящая жизнь именно на нем и держится! По его мнению, можно писать обо всем, вопрос для чего и как. Антураж – это только наживка. Можно выбрать главными героями вампиров, дабы привлечь читателя, но при этом мастерски поднять социальные, духовные и другие вопросы, описать человеческую жизнь. Но, несомненно, рассказы Алексея сильные, атмосферные. Вот, к примеру, отрывок из рассказа «Час Волка»:

Он не помнил, который день подряд пил. Мир трещал по швам и расплзался в разные стороны. Никчемный, нелепый мир! Стены реальности размякли и медленно оплывали, обнажая кошмар и бред. В голове без остановки крутилось одно и то же: «Who cares, who cares, what you do? Who cares, who cares about you?» Фантомы плавали в мутном перебродившем соке памяти, все чаще возникали странные миражи дежавю. А иногда и галлюцинации. Вкуса водки Сергей не чувствовал, пил, как воду, не пьянея, а как-то тяжелея...

На семинаре также обсуждалась критическая статья Андрея Чернова из Луганска о поэтессе Татьяне Смертиной. Н. В. Переяслов отметил, что даже критические статьи должны быть написаны как литературное произведение – не должны быть скучными, а, наоборот, увлекательными, как приключенческий роман или детектив, чтобы читателю захотелось прочесть обсуждаемого в статье автора.

Вечером после семинаров начинается «запой». В большей мере поэтично-прозаический. В главном корпусе, как говорит Катя, нас ждет с печеньями «Керчь». У нас на кухне во флигеле тоже собирается теплая компания. Начинаю мечтать о способности быть в нескольких местах одновременно. В итоге выбираю все-таки наш флигель. У нас гости – Леша Сыромятников и Коля Котов. Читаю им что-то из своего цикла «Времена блюд». Общаемся. Потом приходят поэты-москвичи – Николай Калиниченко и высокий, худой, немного мистический Илья Полуянов. Николай Калиниченко читает свои стихи вперемежку с бунинскими. Незаметно включаю диктофон. Ловлю живое, свежее, правда, слегка затуманенное горячительными напитками слово. «Тем, кто в пути»:

*Не зажгу я на баине огня,
Света здесь мне довольно. И, впрочем,
Нет пристрастия к письму у меня,
Только россыпь искрящихся точек.
Льдистый бисер далеких миров
Я слагаю в привычные знаки.
Украшают небесный покров
Скорпионы, слоны и собаки.*

Разговор идет о смешном и о самом главном, возвышенном. Ксюша Ветер с задором читает:

*Я – гордый славянин своей Отчизны,
Пускай поистоптали нашу Русь,
Пусть разделили нас, но мы едины:
Велик, священ и вечен наш Союз*

В три часа ночи расходимся. На следующий день снова семинары.

Отдельное слово хочется уделить так называемым минутам «межсеминарья», когда мы, как чайки над кораблями, собираясь в веселые стаи, совершали налеты на музеи, коих в округе было изобилие – места-то легендарные! Дом-музей Б. Окуджавы, К. Чуковского, Б. Пастернака.. Мне самой удалось побывать только «в гостях» у Бориса Леонидовича. Его маленький домик притягивал своим уютом. Два этажа. Почему-то опять возникло сравнение его домика с кораблем, который плывет по осеннему лесу. Куда? Наверное, к каждому из нас...

В тот же день нам посчастливилось посетить семинар представителей издательства «Эксмо», который проходил в актовом зале. Желаящие выходили на сцену, читали свои произведения. Меня просто поразило как сходу, со слуха можно давать такую замечательную и подробную критику. Сергей Арутюнов, который вел семинар, напоминал фокусника, достающего из шапки кролика, только вместо кролика был новый взгляд на наши собственные произведения.

Особенно яркое впечатление оставил семинар Светланы Василенко, хоть я и попала на него в самый последний день только в качестве слушателя. Помимо общей энергетики семинара – заинтересованность, доброжелательность, необыкновенно меткие комментарии и замечания. Здесь я открыла для себя новые имена интересных, уже сложившихся авторов. Во-первых, узнала, что Ильдар Абузьяров, чей рассказ «Почта» так мне понравился, широко печатается с 2000 года и в настоящее время у него уже около 20 публикаций в толстых литературных журналах и альманахах. Кроме того, Ильдар лауреат Новой Пушкинской премии. На семинаре у Светланы Василенко он читал отрывок из работы, посвященной революции в Египте. Оказывается, он специально ездил туда и в другие места, где происходили такого рода события для того, чтобы написать книгу. Кроме творчества Ильдара, запомнился рассказ «Рейд» Артура Черного. Его отметил на своем семинаре и Сергей Арутюнов. Светлана Владимировна призналась, что это первое достойное, на ее взгляд, произведение о чеченской войне:

...Только что вышла луна. Белый молочный свет стоит над мертвой пустой дорогой. В холодном унылом лесу лежат под деревьями серые пятна снега. Собравшись у командирской палатки, негромко переговариваясь между собой, мы нагружаемся в трудный ночной рейд. У меня не хватает в вещмешке места, и я ссыпаю в карманы дополнительный боекомплект. Сухпай на несколько суток, вода, оружие, котелки, лопаты, пилы, топоры, спальники... На каждом по

пятьдесят-шестьдесят килограммов груза. Оставлены, как лишний вес, ненужные нам бумаги: теплые домашние письма, затертые военные билеты, старые записные книжки. Взяв на спину невыносимую «сто пятьдесят девятую» станцию, садится и уже не может подняться щуплый радист-азиат. Кто-то забирает у него аппарат.

Мы идем уже несколько часов. Идем, задыхаясь, выплевывая липкую густую слюну, цепляясь руками за древесные стволы и ветви, падая друг на друга. И никто не может встать заново без чужой руки. Даже на кратких своих привалах мы стоя вешаемся на деревья, опасаясь, что при подъеме с земли, просто не выдержат мышцы.

Изматывающий ночной рейд... По лесам, горам, по оврагам и рекам... Рейд на полной выдаче сил, при полном отсутствии реальности. Это я и не я ползу сейчас с разбитыми в кровь руками на новую высоту. И стараюсь не думать, что за ней встанет другая.

...Я сижу на земле и ковыряюсь в кучах опавшей листвы. Мне нужна вода. Ручей почти мертв и ту жижу, что катится по дну, едва можно собрать в ладонь. За спиной, не оборачиваясь на меня, проходят своим маршрутом группы. Они медленно поднимаются по тропе, медленно утекают во мрак. Уже никого нет. Только я и лес. Обступив русло ручья, висят на корявых ветвях подмытые черные буки. По мохнатым валунам бродят зеленые пятна луны. «Надо идти...», – говорю я себе, и снова опускаю в воду заледеневшие пальцы. «Надо идти...», – повторяюсь я, но не могу оторваться от грязного пойла.

На вершине пластом лежит рота. Люди грызут под собой снег, и даже командир, положив на землю лицо, уже не поднимает глаз. Мы так и валяемся на этой высоте с оружием, даже не скинув груза с плеч. Это выше человеческих сил – бросить и снова поднять свой вещмешок.

Я разорвал сапог, и теперь на каждой переправе проверяю босой ногой температуру речной воды. У меня нет и минуты вытащить, выгрести, лежащий под пальцами снег. Я давно не чувствую своей ступни, но боюсь остановиться, понимая, что уже не догоню роту. «Скорей бы убили», – думаю я, потому что не знаю, хватит ли остатка жизни, чтоб отдохнуть.

И вот уже последний день совещания. Суматошный, насыщенный. Обмен контактами. Общие фотографии. С болью понимаю, что совершенно не успела ни с кем толком пообщаться. Наверстываю упущенное. Вспоминаем, что «так и не отдали честь покоящимся здесь великим людям!». Кто-то предлагает: «А пойдемте на кладбище после торжественного ужина – ночью». С энтузиазмом предложение подхватывается.

На торжественный ужин опаздываем. Сидим у Ильдара Абузярова в его «одиночной каюте», слушаем фортепианный концерт Грига, расспрашиваем о революции в Египте, «как оно – ездить ради написания книги?» Интересуюсь, почему к нам в Молдову не приехал. Он говорит, что за революцией в Египте – исламский мир, а значит, это резонанс по всему земному шару. А Молдова? Ну, что там Молдова! А я про себя спорю – у нас тоже важно, прежде всего, для нас, и мы сами справимся, об этом напишем. По словам Николая Переяслова и Светланы Василенко, от нас ведь и ждут нашего молдавского колорита в произведениях.

На торжественный ужин вбегаю с опозданием. Мои новые друзья укоряют – мол, где была? Тут грамоты раздают, и строчки из твоего стихотворения цитировали: «В груди у лампы маленькой /Ярко лучится сердце». Пьем за литературу, мир и друг за друга, за то, чтобы когда-то в жизни еще всем встретиться. И

тут вспоминаем про задуманное ночное посещение кладбища. Собираемся, но уже не с прежним энтузиазмом – страшновато все же! Организаторы ловят нас в коридоре. Они немного растеряны – не пустить не могут, но в то же время опасаются за нас, шутками прикрывают беспокойство, говорят – «попробуйте только не вернуться!».

Уходим нашей уже близкой компанией. Ночь, глушь... Сразу вспоминаются российские криминальные сериалы. Спускаемся под мост, входим на кладбище. Ничего не видно, кто-то едва не падает. И вдруг различаем две призрачные фигуры впереди. «Ты кто?» – вопрошаем призраков. «Ежик!» – отвечает один из них и вызывается провести нам маленькую экскурсию. Оказывается, это еще один участник семинара решил привести девушку в романтическое место, благо, что он местный и все тут хорошо знает. В почтительном молчании разглядываем памятники. Пастернак, Беляев, Рождественский... В их память читаем стихи. Ежик со своей спутницей уходит, мы немного задерживаемся, хочется поговорить о главном. Но вместо этого молчим.

Возвращаемся обратно. Поднимаемся к нам наверх, во флигель. Завариваем чай. Не обходится без запинательно-проливайных казусов. Весело. Приходит Ксюша Ветер, играет нам на варгане, рассказывает о пользе этнических инструментов. Снова говорим, говорим...

День отъезда грустный. Корабль «Переделкино» завершают свое плавание. Мы ходим с него прямо в электричку, везущую нас в Москву, и понимаем, что корабль-то никуда не плыл. Это мы переплыли в собственных душах эти незабываемые четыре осенних дня. И стали немного другими, немного лучше и намного богаче, потому что узнали друг друга.

Поезд Москва-Кишинев везет нас с Катей Щербаковой домой. Читаю маленькую книжку, подаренную мне Ксенией Ветер «Коктебельский шторм»:

*С гулким рокотом
С раскатами хохота
Бьется о камни девятый вал
В небе сером
Невидимый колокол
Воспевает молчание скал.
В белой пене промокшие ангелы
Облетают святые просторы
В этом месте в объятьях сливаются
Киммерия и Чёрное море!*

Да... разные люди из разных уголков мира объединились в нашем «переделкинском» корабле на четыре незабываемых дня. Катя Щербакова вспоминает Хасмик Симонян (в переводе Жасмин) из Армении – взаимопонимание у них возникло мгновенно, без слов. Возможно, это будущий невидимый мостик для плодотворного сотрудничества.

Спасибо огромное организаторам этого чудесного события, Александру Торопцеву и Ассоциации русских писателей Республики Молдова, благодаря которым я пишу сейчас эти восторженные слова.

ВАЛЕНТИНА СКЛЯРОВА

ЛЮДМИЛА, РУССКАЯ ДУШОЮ...

Людмила Колохина

Людмила Колохина принадлежит к тем редким представительницам женского рода и актерского племени, которые своего возраста не скрывают. И абсолютно не нуждаются в услугах пластических хирургов, фитнес-клубов и спа-процедур. Просто потому, что они наделены от природы уникальным свойством – силой жить. К.С. Станиславский сказал однажды: «Талант – это сила жить», а Людмила Тихоновна Колохина, *Maestru în artă al RM*, кавалер Ордена «*Gloria Muncii*», педагог Городского театрального лицея с 15-летним стажем, отметившая 3 апреля в родном театре 65-летие, блестяще подтвердила справедливость этих слов гения своей актерской и человеческой судьбой. И мы все тому свидетели.

Людмила Колохина, как никто в труппе кишиневского (да и тираспольского театра, которому отдала около 20-ти лет), олицетворяет понятие «русский национальный характер» – если допустить, что такое понятие существует, – с его широтой («гулять, так гулять! стрелять, так стрелять! любить, так любить!») и глубинностью (вечным стремлением докопаться до истины: для чего человек живет, с чем пришел в этот мир); внутренним драматизмом и внешней бесшабашностью; летящей, звенящей удалью и неостановимыми попытками подняться, когда сбивают с ног.

Её детская мечта о сцене (альтернативы не было!) начала осуществляться с момента поступления на курс Н.С. Аронецкой в институт искусств им. Г. Музическу. Было это в середине 60-х – времени полета в космос Юрия Гагарина, первого в мире космонавта, и когда «в области балета мы впереди планеты всей» были, и театрах всего Советского Союза наблюдался небывалый подъем, просто Ренессанс какой-то. Ученикам Аронецкой повезло особенно. Надежда Степановна, неукротимо строптивая и железно-последовательная в своих устремлениях, сумела добиться для своего курса привилегии небывалой: по полгода они прохо-

дила учебу у лучших педагогов по истории театра, сценической речи, движению, фехтованию в знаменитом ЛГИТМиКе. И, конечно, пропадали в свободное от занятий время на галерке в Мариинке, БДТ, театре Ленсовета. Дивные спектакли и белые ночи вскружат голову кому угодно, и они у юных кишиневцев кружились, может быть, и еще по одной более прозаической причине: есть по-человечески не успевали – всё куски всухомятку да на ходу. Но зато какое счастье, сварив на ночь дежурные макароны и запив их сладким чаем, до утра слышать музыку, перебирать в эмоциональной памяти голоса, интонации, жесты любимых питерских артистов!

Все свои накопленные в Ленинграде впечатления и умения они потом с энтузиазмом применяли уже в собственной актерской практике, став тираспольским Театром драмы и комедии и сохранив дух неугомонной и азартной студийности, чистой веры в светлое будущее своей страны и в свое предназначение. Тираспольчане ими гордились, но и кишиневцы часто видели у себя их яркие, порой брызжущие юным озорством постановки.

Люда, благодаря фактуре (статности, росту, выразительным чертам лица), внутренней подвижности, музыкальности, стилистической и психологической органичности сразу стала самой репертуарной актрисой. Играла баронесс, маркиз, советских девушек, защищающих родину, и матерей, озабоченных переходным возрастом своих непослушных отпрысков. Аронецкая, создавшая театр и руководившая им единовластно, Люду выделяла из всех, но при этом не щадила: требовала жертв на алтарь искусства... А между тем, жертва должна быть добровольной, когда её требуют, неизбежен момент насилия, и не всякий может этому противостоять. Но это уже очень тонкие материи, не будем их касаться...

В жизни Колохиной было немало моментов, когда впору было сломаться. Но испытания (иногда очень жестокие) ее не согнули, не сломили, а только закалили. Она – выстояла. Что такое депрессия, она знает не понаслышке: как говорится, врагу не пожелаешь такого состояния. Но она твердо знает, что у человека всегда есть выбор, и она его свершает в пользу действия, сопротивления, карабканья из бездны к свету. Не сомневается, что за себя надо драться, но не в буквальном, разумеется, смысле, не с соперницей (это ниже ее достоинства), а с обстоятельствами.

Когда личная жизнь дала трещину (из семьи ушел муж, и в театре, как на зло, ролей, за которые можно было бы ухватиться, не было), от обиды, боли и отчаяния ее спасли дети – собственные: дочка и маленький внук и ученики – с их наивной верой в добро, природным умением проживать каждое мгновение жизни как драгоценное и неповторимое.

Как и ее любимая Фаина Раневская, в минуты горьких раздумий, Колохина может воскликнуть: а что я сыграла?! Имеются в виду, конечно, масштабные, знаковые роли, достойные ее дарования и сценического опыта. Да, таких, вероятно, не слишком много. Но разве можно забыть ее роскошную госпожу Петрович («ОБЭЖ» Б.Нушича) или разухабистую кафешантанную певицу («Дамы и господа» по Чехову) или совковую колоритную чиновницу Капитолину («Остановите самолет – я слезу» Э.Севелы) или громогласно-остроумную, шикарную графиню Уранию в мольеровских «Браках поневоле» или её очаровательно-беспомощную, по-детски наивную тетушку Анхелину («Дикарь» А.Косоны) или

задушевно поющую, волшеббно-щедрую и мудрую Черепаху Тортилу из «Золотого ключика» по А.Толстому? Во всех этих и многих других образах она немного клоунесса. Федерико Феллини как-то заметил: «Клоунада по сравнению с драмой аристократична». Может быть, потому, что это – высший пилотаж. Актерское дарование можно имитировать, цирковое – дудки! И еще – цирковые по подлинности и бесстрашию ближе к тому моменту истины, которое поэт назвал «полной гибелью всерьез»...

Как у каждой большой актрисы, у Людмилы Колохиной есть своя тема. Её душа вмещает всю боль и все счастье материнское и неважно, кто ее героиня: белорусская ли это крестьянка Ганна («Вечер» А.Дударева), забытая своими городскими детьми; готовая ли постоять за честь собственной дочери, задав знатную трёпку обидчику, украинская торговка Лымариха («За двумя зайцами» М.Старицкого) или неугомонная еврейская мама Эсфирь Львовна («...И будет вам счастье!» по Л.Улицкой), вдохновенно и самозабвенно стремящаяся не только устроить семейную жизнь взрослого сына, но восстановить тем самым жизнь целого рода, уничтоженного во время войны.

Материнская любовь не ограничивается семейным кругом или национальными рамками, она обнимает собой весь мир, людей, ближних и дальних; она – универсальна. На ней наш хрупкий мир и держится.

Люди, давно и близко знающие Людмилу Колохину, в один голос уверяют: открытая, отзывчивая, незлопамятная, душа компании. Она не только может развеселить гостей, но всегда готова помочь, накормить и обогреть тех, с кем приключилась беда, кому деться некуда. И это неправда, что доброта никогда не остается безнаказанной. За любовь она щедро вознаграждена любовью и преданностью внука, дочери, соседей, учеников, коллег, друзей. И это добрая энергия, несомненно, поможет ей в создании еще великого множества неповторимых колохинских образов на радость и в утешение нам, зрителям.

СВЕТЛАНА ОМЕЛЬЧЕНКО

КУДА УХОДЯТ МУЗЫКАНТЫ

Памяти Виктора Николаевича Рахманова

Родные напевы, народные песни, романсы, волнующие душу русского человека не меньше, чем звуки родной речи, рождают надежды, дарят мгновения счастья. Это влекло и манило слушателей, почитателей, преданных друзей на концерты оркестра русской музыки «Лад».

С 1992 года, с тех нелёгких времён, публика узнала и полюбила «Лад». В Кишинёве было немало музыкантов, знающих и любящих русскую музыку. Объединил их в коллектив единомышленников Виктор Николаевич Рахманов, преподаватель, дирижёр, гитарист, оркестровщик, аранжировщик. За его плечами был огромный опыт – от создания с нуля оркестра автодорожного техникума в 50-х годах, когда он был ещё сам студентом Кишинёвской государственной консерватории, от руководства оркестром Дворца пионеров, от оркестра Педагогического института, от оркестра Дома культуры Кишиневского Госуниверситета, до вершины, кульминации этого титанического служения – оркестра «Лад».

Начало творческого пути Виктора Николаевича – уже этап, высокая ступень – участник оркестра молдавской народной музыки Филармонии, который выступил в Москве на первой декаде молдавской музыки в Москве, играл на праздновании 70-летия Сталина, сопровождая Тамару Савельевну Чебан. Виктор Николаевич запомнил, как, выходя на авансцену, она оперлась на его плечо, плечо юного музыканта Витюши, и он почувствовал трепет её руки, ощутил это творческое волнение.

Оно остаётся у музыкантов на всю творческую жизнь. Несмотря на огромный опыт концертной деятельности, Виктор Николаевич волновался каждый раз, выходя на сцену: как звучит оркестр, как выстроена программа, какой контакт с солистом. Его оркестры становились лауреатами всесоюзных смотров и конкурсов. Медаль ВДНХ, грамота ВЦСПС, почётные грамоты получали все коллективы под руководством Виктора Николаевича. Залы Одессы, Днепропетровска, Киева, Вильнюса, Пловдива, Москвы аплодировали этим коллективам. В Москве оркестр Дворца пионеров выступал на празднике 50летия пионерии в Кремле.

В 60-х годах дирекция Дворца пионеров вывозила к морю ребят. С питомцами ездил и их наставник – ВикНик, как называли его ребята и студенты. Долгие годы Виктор Николаевич преподавал оркестровку, дирижирование в Кишинёв-

ском музыкальном училище имени Ш. Няги. Его ученики разлетелись по городам и странам – Израиль, Канада, Россия, Украина. Т. Березовикова – доцент, доктор хабилитат Академии музыки, Виктор Фока – заведующий отделом музыкальной школы им. В. Полякова, Э. Китайник – преподаватель Академии музыки. Эти люди стали оркестрантами «Лада», Коллегами с большой буквы. Концертмейстер – домристка Ярославна Сибитова, выросшая из участника концерта Дворца пионеров в профессионала, исполняла сложнейшие произведения.

Дочь Ольга – тоже музыкант, освоила игру на клавишных гуслях, которые придали уникальный национальный колорит оркестру. Сын Алексей, играя на бас-балалайке, создавал фундамент и динамику звучания. Как балалаечник, Алексей стал лауреатом фестиваля народных талантов в 1983 г. Наталья Трочина, Наталья Бакаева, Инна Мушук, Нина Канцер – домристки. Прекрасные боянисты Михаил Арсений и Григорий Станилевич брали на себя ведущую роль во многих произведениях. Ирина Потлог, Алексей Шаров, Ион Захария – флейтисты. Пётр Балануца – гобоист. Иван Бахов, Ирина и Мария Амелины – работали в оркестрах Оперного театра и Филармонии, но с удовольствием сотрудничали с «Ладом». Внук Юрий, ныне аспирант ВГИКа, дебютировал с оркестром, придавая звучанием кларнета нужный колорит.

Вызывает удивление и восхищение, как все эти люди в тяжёлое время, борясь за выживание, творили прекрасную музыку.

Под стать музыкантам были и певцы. Первым зазвучал голос молдавского соловья, Светланы Стрезевой. Незабываемо завораживающе она исполняла и Алябьевского «Соловья», и украинского «Соловейко». Зажигательно звучала народная песня «Перевоз Дуня держала». Апофеозом стало исполнение Темы из балета Чайковского «Лебединое Озеро» на прощальном концерте Стрезевой перед отъездом в Америку.

Пели с оркестром лучшие солисты оперы – Иван Кваснюк начинал вместе с Виктором Николаевичем в оркестре КГУ, стал народным артистом. Ещё в пору его молодости в Вильнюсе он вызвал восторг публики исполнением романса «Я встретил Вас». Слушатели не верили, что поёт студент-математик.

Ворвалась в музыкальную жизнь республики молодая, талантливая Наталья Гаврилан. Её чистый, сильный, драматический голос меццо-сопрано позволил ей исполнить, впервые в Кишинёве, песню и частушки Варвары из оперы Р. Щедрина «Не только любовь». Сейчас Наталья поёт в Италии, в Милане.

Эстафету исполнения песен и частушек приняла солистка Оперного театра Заруи Варданян, удивительно проникнув в русский колорит сложнейшего произведения оперной музыки.

Какие замечательные программы были подготовлены с Валерием Кожокару, Ионом Пауленку, Владимиром Драгошем, Лилией Шаломей! С оркестром выступали певцы из Москвы – солист Большого театра Виктор Шость, ученица Зыкиной Светлана Дятел, народная артистка СССР Алиса Джамагарцян из Одесского театра. Концерты, где солировал Народный артист СССР Михаил Мунтяну, блистали исполнением не только русских песен, но и украинских, итальянских, молдавских. Михаил Мунтян всегда находил время в своём напряжённом графике для концертов с оркестром «Лад».

9 июня 2011 года Виктору Николаевичу исполнилось бы 80 лет. Жизнь, полная замыслов, трагически оборвалась.

Концерт памяти Виктора Николаевича Рахманова состоялся 19 июня в Органном зале. Любимые певцы исполняли любимые произведения маэстро. Торжественными нотами «Адажио» Альбини органистка Анна Стрезева начала этот вечер. Молодая певица Татьяна Костюк исполнила «Аве Мария» Каччини и вызвала восторг публики. Мэтры русской поэзии Александр Милых и Валентина Костишар прочитали стихи, посвящённые Виктору Николаевичу. Страницы жизни Виктора Николаевича напомнила музыковед Елена Абрамович, рассказав и о мастерстве Рахманова-фотопортретиста. Маргарита Ивануш, настоящий друг оркестра, спела песню, посвящённую Виктору Николаевичу Рахманову – «Моя Молдова», которую написал боянист оркестра Григорий Станилевич. Блестяще ярко прозвучал дуэт ученика Виктора Николаевича С. Обыденника и Александра Обыденника, дуэт скрипки и баяна исполнял русскую плясовую «Барыня». Восторженно публика встретила Михаила Мунтяна, исполнившего «Маританну» Свиридова и итальянские песни.

Это был «концерт, достойный Виктора Николаевича», как сказал пианист и музыкальный критик Сергей Бенгельсдорф.

Председатель Русской общины Л. Лашёнова в своём слове подчеркнула высокие нравственные качества Виктора Рахманова, его бескорыстное служение искусству.

Почётный гость вечера Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации Валерий Иванович Кузьмин в своём слове назвал Виктора Рахманова «посланником русской культуры» и «рыцарем музыки». Сердца близких отозвались горячей благодарностью за это признание творчества Виктора Николаевича, благодарностью всем артистам и тем, кто пришёл на концерт.

СВЕТЛАНА ОМЕЛЬЧЕНКО родилась на Дальнем Востоке. С 1947 года живет в Кишиневе. Учитель русского языка и литературы, преподаватель кафедры русской литературы Государственного университета. Вела курсы мировой художественной культуры, этики и психологии семейной жизни. Учитель-методист, отличник народного образования МССР. Член Русской общины, самодельный художник (две персональные выставки).

Забвению не подлежит

70 лет с начала Великой Отечественной войны

ПЕТР ШОРНИКОВ

РУМЫНИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕПОРТАЦИЯ?

*Судьбы славян и гагаузов Бессарабии и Северной Буковины
в планах официального Бухареста.
1941–1944*

При всей жестокости режима, установленного правительством Антонеску в Молдавии и юго-западных областях Украины в июле-августе 1941 г., оккупанты проводили дифференцированную национальную политику. Евреи, а затем цыгане были заключены в концлагеря и большей частью уничтожены физически уже в 1941–1943 гг. Молдаван захватчики объявили румынами, но обращались с ними чрезвычайно жестоко как с этнически чуждым и политически враждебным населением. Положение русских, украинцев, гагаузов и даже болгар, чья историческая родина являлась союзницей Румынии по нацистскому блоку, было столь же тяжелым. Хуже того, являясь, как и молдаване, жертвами грабительской экономической политики оккупантов, они подвергались более жесткому национально-культурному давлению. Если язык молдаван румынские власти третировали как «отсталый» и «мужицкий», то публичное использование русского и других языков оккупанты запретили. Кроме того, румынское правительство разрабатывало особые планы «окончательного» решения «проблемы» национальных меньшинств оккупированных областей. Эти планы требуют специального рассмотрения.

Русские и украинцы

Если этнокультурные отличия между русскими (великороссами) и украинцами (потомками малорусов и русинов) были заметны, то в этнополитическом плане русские и украинцы по существу составляли единую группу. Согласно переписи 1897 г., отмечал академик Л.С. Берг, русские составляли 27,9% населения Бессарабии; 19,6% из них были малорусы. В настоящее время большинство исследователей, признавая, что до 1917 г. понятие «русские» включало великороссов, малорусов и белорусов, по венаучным причинам допускают отступление от принципа историзма, применяя этноним «украинцы» к этническим сообществам, называвшим себя малорусами либо русинами. В 20-е–30-е гг. XX в. малорусы, русины и гуцулы Бессарабии и Буковины проживали вне пределов Украинской Советской Социалистической Республики, и термин «украинцы» в качестве самоназвания в их среде еще не утвердился; они, как и прежде, считали себя частью русского народа. Исследования румынских ученых, проведенные в 20-е–30-е гг.,

показали, что молдаване не делают четкого различия между русскими и украинцами, считая их «де ун ням» («одного рода»). Сами украинцы часто именовали себя русскими. Тому способствовало и сохранение у потомков местных русинов самоназвания «руськи люди»; свой язык они именовали «руська мова». По существу русский язык являлся для украинцев Бессарабии – как потомков русинов, так и малорусов, – литературной формой родной речи.

Отчасти по этой причине русское языковое сообщество Бессарабии значительно превосходило численность собственно русских (великороссов). Согласно переписи 1930 г., в Бессарабии проживали 351,9 тыс. русских, и они составляли 12,3% населения области; еще 331,2 тыс. чел. были учтены как «русины-украинцы». Но формирование украинской идентичности завершено не было, русины и малорусы Бессарабии составляли с великороссами одну этнополитическую группу. В 1940 г. русины целыми селами записывали себя русскими. Русским языком владела также интеллигенция болгар, евреев, гагаузов, немцев, других меньшинств. Кроме того, русский язык знали и охотно разговаривали на нем не менее 30% молдаван: молдавская интеллигенция, рабочие и другие горожане, служившие в русской армии крестьяне, жители сел с национально-смешанным населением. Культурно-традиционных, политических либо иных причин для неприятия русского языка у национальных сообществ Бессарабии не существовало, поэтому он, несмотря на проводимую Бухарестом политику его запрета, остался в Бессарабии языком публичным и в период румынской оккупации 1918–1940 гг. В июне 1940 г., когда край был воссоединен с Россией/СССР, русский язык обрел де-факто также официальный статус.

Летом 1941 г. в результате призыва военнообязанных в Красную Армию и эвакуации населения в советский тыл численность русского населения Бессарабии сократилась более чем вдвое. Согласно учету населения, проведенному румынскими властями к концу 1941 г., после депортации евреев, в Бессарабии проживали 1620,9 тыс. молдаван и румын, 261,3 тыс. украинцев, 177,6 тыс. болгар, 158,1 тыс. русских, 115,7 тыс. гагаузов, 8,7 тыс. поляков, 8,2 тыс. цыган, 6,3 тыс. прочих национальностей. Угроза самому физическому существованию национальных меньшинств провоцировала криптоэтничность, но даже если принять приведенные данные за истину, русские и украинцы по-прежнему составляли второе по численности после молдаван языковое и этнокультурное сообщество. Румынским властям результаты учета населения также внушали сомнения. Хотя в целом по Бессарабии 69% горожан составляли лица, назвавшие себя «румынами», доложил в Бухарест шеф жандармерии в Бессарабии полковник Н. Мекулеску, «большинство населения городов принадлежат к национальным меньшинствам». Префект Тигинского (Бендерского) уезда, где к числу «румын» были отнесены 59% населения, полагал, что в действительности молдаване составляют всего 30–40% жителей, а «остальные» – это гагаузы, болгары, русские.

Оккупантов, заинтересованных в национальном расколе населения, беспокоило то обстоятельство, что украинцы «путают себя с русскими». Как тревожный для румынской власти момент отмечали они также духовную близость русских, украинцев и болгар. «Украинцы, – отмечено в докладе полиции города Бельцы за август 1941 г. – отождествляют себя с русскими». «Многие украинцы, – докладывал в декабре 1941 г. шеф полиции Килийского уезда, – заявляют, что они русские». Украинцы, отмечено в отчете Кишиневского инспектората полиции за 1942 г., «составляют одно сообщество с русскими и болгарями, ходят в одну

церковь, придерживаясь тех же обычаев и разговаривая на том же языке» – на русском. Запрет разговаривать по-русски украинцы воспринимали так же, как великороссы. В селе Шофрыканы, докладывал в июле 1942 г прокурор Бельцкого уезда, украинская молодежь ввела в обычай петь при возвращении с полевых работ русские песни, выученные при советской власти. «Русские, – докладывал в марте 1943 г. шеф полиции Кагульского уезда, – составляют вместе с украинцами и болгарам общность, скрепленную церковью и обычаями». В политическом плане украинцы и русские также были едины. В обзоре сигуранцы за май 1942 г. отмечено: «Украинцы. Их отношение [к Румынии] нелояльно...». Все сообщения относительно успехов наших армий на Восточном фронте воспринимает холодно. Сегодня все еще питают надежду, что большевики в конце концов победят».

Заинтересованные в расколе русского сообщества, румынские власти пытались выяснить, какая часть украинцев все еще считает себя русинами или гуцулами, а среди русских выделяли липован. Согласно учету населения, проведенному в октябре 1941 г., в Сорокском уезде компактно, с центром в Атаках, проживали 34 000 украинцев. Русских учтено было 11 000 чел. Отдельно были учтены 3089 старообрядцев, проживающих якобы только в одном селе – в Куниче. В соседнем Хотинском уезде, включенном в состав губернаторства «Буковина», среди 10780 выявленных полицией приверженцев иных конфессий – речь шла преимущественно о сектантах – названы 3990 липован. Но данные учета населения, проводимого в условиях оккупации, не всегда соответствовали публичной самоидентификации жителей и тем более их действительному национальному самосознанию. Год спустя, в ноябре 1942 г., в целом на Буковине, наряду с украинцами и «румынами», были учтены 21 338 гуцулов, 3437 русских и всего 2283 липованина. Показательно восприятие румынскими чиновниками русских и украинцев как одного сообщества. В Кагуле, кроме молдаван, судя по отчету полиции, в январе 1944 г. проживали: «Русских (украинцев) – 2173, Русских (липован) – 1368», а в городе Леово русские, украинцы и липоване были учтены в совокупности – 448 чел. «Многие украинцы, – докладывал в декабре 1941 г. шеф полиции Килийского уезда, – заявляют, что они русские». Пропаганда украинских националистов не находила среди них отклика. Украинцы, отметил год спустя Кишиневский областной инспектор полиции, «местами составляют единую общность с русскими и болгарам, ходят в одну церковь, придерживаясь тех же обычаев и разговаривая на том же языке», на русском.

Старообрядцы оказались в положении даже более опасном, чем другие национальные сообщества Молдавии. Для Бухареста в старообрядчестве были неприемлемы три момента. Во-первых, старообрядцы принадлежали к особо ненавидимой агрессорами государствообразующей нации СССР, они разговаривали на запретном русском языке, а богослужение проводили не на румынском, а на церковнославянском языке. Для румынских властей было нетерпимо также существование старообрядческой церкви, не подчиняющейся предписаниям Министерства культуры и культов Румынии. Кроме того, старообрядцы были сторонниками богослужения по старому стилю и, в отличие от православных, окормляемых Румынской Патриархией, отмечали церковные праздники по Юлианскому, а не Грегорианскому календарю. Любое отклонение от «государственного» православия расценивалось в Румынии как сектантство, а сектантство, заявил «правитель» 11 апреля 1942 г., представляет собой «путь от религиозного и

общественного бунта к бунту политическому», направленному «на подрыв основ государства».

Липован оккупанты зачислили в разряд сектантов. Старообрядческий монастырь в Белой Кринице на Буковине был уже в начале оккупации разгромлен, над липованскими общинами в городах и селах установлен особый надзор полиции. Однако дух сопротивления в их среде сломить не удавалось. «Сектанты, – доложил в мае 1942 г. кишиневский областной инспектор полиции, – критикуют клир, Священный Синод, государственную власть». Сопротивление это, утверждал полицейский чин, представляет политическую угрозу Румынскому государству. Большинство сект, отметил он далее, возникло в селах с миноритарным населением – среди русинов, украинцев, болгар и т. д. Как «истинно русских людей» характеризовал в 1942 г. префект Тираспольского уезда жителей большого, 10286 жителей, старообрядческого села Плоское близ Тирасполя: «Хорошие хозяева, но на праздники любят выпить, а выпив, – подраться».

Румынские власти запретили национальным меньшинствам проведение публичных мероприятий, создание каких-либо организаций, в том числе национально-культурных. Национальные меньшинства, доложила в июле 1942 г. Бессарабская резиденция Специальной информационной службы румынского правительства (ССИ), лишены возможности поддерживать свою национальную культурную жизнь. Единственной миноритарной организацией, отмечала сигуранца, остается старообрядческая церковь. Декретом-законом №927/942 от 30 декабря 1942 г. помещения старообрядческой церкви и других запрещенных культов в Бессарабии и на Буковине были закрыты. Верующим оставалось отправлять богослужение в подполье, и возглавили их в этом лица, враждебные оккупантам. В Оргееве во главе баптистов встал русский Григорий Попов, по сведениям политической полиции, «известный своими антирумынскими чувствами».

Болгары

Третьим по численности, – после молдаван и украинцев, – национальным сообществом Бессарабии являлись болгары. Согласно учету, проведенному румынскими властями, на 1 октября 1941 г. в области проживало 177,6 тыс. болгар. Они составляли 8,2% населения области. Свыше 90% болгар являлись крестьянами. В городах (данные на 15 августа 1943 г.) проживал всего 7931 болгарин (2,9% горожан). Болгары, по традиции причисляя к ним также гагаузов, отметил Бессарабский центр румынской контрразведки, «группируются на Юге Бессарабии, где составляют 90% населения в населенных пунктах Комрат, Болград, Тараклия, Абаклия, Хасан-Батыр, Булгэрика, Ивановка, Кот-Китай и Хасан-Кишля». Болгарская интеллигенция была представлена несколькими десятками учителей и священников; имелось также 5 врачей-болгар. В болгарских селах сбором налогов ведали функционеры-болгары, но это были люди с начальным образованием. В административные органы болгары были по необходимости допущены на должности примаров сел и рядовых жандармов.

Публичное использование болгарского языка было запрещено, виновных в этом румынские жандармы и чиновники избивали и предавали суду. Оккупанты жестоко «отомстили» болгарам за восторженную встречу, устроенную ими войскам Красной Армии в июне 1940 г. В июле-августе 1941 г. по болгарским селам, как и по всей Бессарабии, прокатилась волна бессудных расправ. Конкретные обвинения предъявлялись немногим, как правило, жандармы хватали

крестьян и избивали их смертным боем. Крестьян села Твардица А.И. Папурова И.З. Ламбова, Н.И. Паскова жандармы схватили и избили, а затем военный трибунал приговорил их к длительным срокам тюремного заключения. 3 сентября 1941 г. в селе Хаджи-Абдул (Суворово) Измаильского уезда румынские жандармы расстреляли пятерых молодых людей 18–20 лет; трое из них были болгары. Затем начались судебные преследования. Среди жителей Болграда, преданных суду в октябре 1941 г., были Евгений Карасевич, пытавшийся организовать забастовку рабочих агрономического пункта, и Иван Сендинов, который при советской власти «агитировал рабочих против румынского государства».

Болгары составили значительную часть заключенных лагерей принудительного труда, учрежденных оккупантами в бывшей немецкой колонии Деневиц (ныне Светлый) и в селе Кубей, а также под Болградом, Измаилом, Килией и в селе Фриденсфельд (ныне Мирнополе, Саратовский район Одесской области Украины). В каменном карьере у села Кайраклия, сменяясь каждые 2–3 месяца, отбывали трудовую повинность более 1000 «реквизированных» гагаузов и болгар. Как и узников сформированного из евреев Румынии «рабочего батальона», их морила голодом и систематически избивала румынская охрана. Вымогая у них взятки, признал функционер прокуратуры, с «реквизированными» болгарами и гагаузами охрана обращалась даже хуже, чем с заключенными-евреями. Арестованных по политическим мотивам болгар содержали также в тюрьмах Галаца (Румыния), Кишинева, в концлагерях Новые Онешты, Вертюжаны, Фриденсталь (Аккерманский уезд) и других.

Публичное использование болгарского языка, как и русского, было запрещено. «Специальным приказом, – отмечено в Памятной записке министерства иностранных дел Болгарии румынскому посольству в Софии от 21 июня 1943 г., – было запрещено употребление любого языка, кроме румынского, а население принуждено отдать полиции все печатные материалы на языках болгарском и русском. Немедленно после публикации приказа имели место обыски, а все публикации на этих двух языках, даже Евангелие и Библия, были конфискованы. Многочисленные лица, скрывавшие болгарские книги, еще не сданные полиции, были подвергнуты оскорблениям и иногда издевательствам органами власти».

Свое будущее болгары связывали с победой России. В 1941 г. они, как и русские, гагаузы, украинцы, молдаване, отмечено в ряде донесений румынской контрразведки, «весьма холодно» встретили румынские армии, а затем так же холодно воспринимали известия о победах германских и румынских войск. Болгары были враждебны к политическим партиям Румынии и безразличны к событиям в Бухаресте. В знак протеста против оккупации болгары демонстративно разговаривали не только на родном, но и на русском языке. Несмотря на запрет, докладывал в марте 1942 г. префект Измаильского уезда, «почти во всех общественных местах употребляется русская и болгарская разговорная речь». «Болгары и гагаузы, – заключил в июне шеф полиции Бессарабии, – питают явные антирумынские чувства и надеются на возвращение большевиков». В июле 1942 г. румынская контрразведка упомянула болгар наряду с русскими и гагаузами среди наиболее враждебных румынской власти национальных меньшинств Бессарабии, которые «холодно и с насмешкой» смотрят на мероприятия властей, направленные на румынизацию населения. Надежд на защиту исторической родины у бессарабских болгар не было. Среди населения украинского и болгарского этнического про-

исхождения, отмечено в документах губернаторства за март 1942 г., продолжает сохраняться озабоченность тем, что весной они будут переселены.

Румынские администраторы понимали, что дух болгар не сломлен. Учитывая их симпатии к России, в ноябре 1942 г. оккупанты прекратили допризывную подготовку молодых болгар – так же как и русских, украинцев, гагаузов. Позиция болгарского меньшинства представлялась оккупантам враждебной делу румынизации. «Если ситуация им позволит, – предупреждал в июле 1942 г. шеф полиции Измаильского уезда, – они не воздержатся ни от одного действия, способного обеспечить им сохранение болгарского языка и распространение их культуры». Месяц спустя он указал на нелояльность болгар, – как и русских, и украинцев, и гагаузов, – Румынскому государству: «Они питают антирумынские чувства и, оскорбляя румынских граждан, разговаривают преимущественно на болгарском или русском языке». Это меньшинство, предупреждал в июле 1942 г. префект Измаильского уезда, никогда не сможет искренне включиться в ритм нашей государственной жизни .

«Союзные» отношения с Софией не означали отказа Бухареста от идеи выселения болгар из Бессарабии. В июле 1943 г. после приезда И.Антонеску в Измаил и Болград примар Измаила М.Г. Педекович направил губернатору Бессарабии доклад «Болгарские колонисты в Бессарабии», в котором обобщил свое понимание болгарского «вопроса». Болгары, подчеркивая главные мысли, утверждал чиновник, «постоянно ненавидели и ненавидят нас. Думать иначе означало бы обманывать себя [...]. Завтра все эти болгарские колонисты, если им представится подходящий случай, повели бы себя в отношении нас так, что происшедшее в 1940 году осталось бы бледной тенью. В этих условиях любая проблема имеет много решений, но здесь существует не более одного, чтобы история больше не повторилась. С помощью Божьей и бравой нашей армии, если война будет выиграна, болгары должны быть окончательно и все до единого вывезены отсюда, иначе они с теми же целями останутся для продолжения своей национальной истории как серьезная и постоянная опасность в этой части нашей страны». Губернатор поддержал предложение о депортации болгар. 15 июля начальник военного кабинета губернаторства подполковник Николае Йорга направил доклад Педековича в КББТ. К счастью для болгар, да и других национальных сообществ Бессарабии, именно в эти дни под Курском и Орлом завершался коренной перелом в ходе войны, и для осуществления подобных предложений у правительства И.Антонеску уже не оставалось времени.

Гагаузы

К концу 1941 г. румынскими властями было учтено в Бессарабии 115,7 тыс. гагаузов – 5,1% населения губернаторства. В Тигинском (Бендерском) уезде, где проживали 47,4 тыс. гагаузов, они составляли 17% жителей. Немало гагаузов проживало также в Кагульском, Измаильском, Аккерманском уездах. Действительная численность гагаузов, видимо, была больше цифры, установленной румынскими властями, ибо в обстановке террора многие гагаузы, как и лица, принадлежащие к другим национальным меньшинствам, предпочли назвать себя «румынами». По признанию префекта Тигинского уезда, при доле «румын» (имелись ввиду молдаване), официально достигавшей в уезде 59% населения, в действительности таковыми являлись лишь 30-40% жителей, остальные принадлежали к этническим меньшинствам – т.е. являлись гагаузами, болгарами, русскими, украинцами.

Более 95% гагаузов были крестьянами. В городах, главным образом в Комрате, где они составляли 79% жителей, проживали всего 12,1 тыс. гагаузов. Накануне войны 83% населения Комрата было занято исключительно сельским хозяйством, в городе имелось всего 229 рабочих. Интеллигенция была представлена среди гагаузов немногими учителями начальной школы, врачами и священниками.

Жестокости, совершенные в 1941 г. в гагаузских селах румынскими войсками и жандармерией, вошли в историческую память гагаузов. По свидетельствам крестьян, переживших оккупацию, избениям были подвергнуты едва ли не все взрослые мужчины-гагаузы, причем и люди, с общественной деятельностью никак не связанные. В Вулканештах были арестованы, жестоко избиты, а затем расстреляны местные жители С.М. Беда и В.И. Карагяур. Жандармы жестоко глумились над семьей Степана Беды; от испуга его жена Василиса тяжело заболела, а 15-летняя дочь Екатерина, подвергнутая насилию, умерла. В селе Конгаз оккупанты расстреляли членов местного Совета А.Д. Мырзу и Н.А. Хомутова, повинных в том, что организовали жителей на рытье окопов для Красной Армии. Иван Кара был расстрелян за то, что до войны работал конюхом в милиции. В селе Гайдари передовыми румынскими частями были убиты председатель сельского Совета П.Г. Беженарь и крестьяне Н.Д. Болгар и С.М. Драган, в селе Чекур-Минжир – председатель сельсовета Т.И. Гайбу, в Абаклии – заместитель председателя И.С. Дадыка. В селе Колибаш были схвачены и жестоко избиты депутат Верховного Совета Молдавии Н.И. Генчу и комсомолец Пантелей Чобан; от полученных увечий последний скончался.

Сотни крестьян-участников разоружения румынских войск в июне 1940 г., учителей, служащих советских учреждений и просто «подозрительных», общественно-активных людей были подвергнуты истязаниям, многих заключили в тюрьмы, в лагеря принудительного труда Садаклия и Деневица, отправили на принудительные работы в каменный карьер у села Кайраклия. Их морили голодом, румынская охрана систематически избивала их, вымогая у «реквизированных» взятки. Арестованных по политическим мотивам гагаузов содержали в тюрьмах Галаца (Румыния), Кишинева, концлагерях Новые Онешты, Вертюжаны, Фриденсталь (Аккерманский уезд) и других. Практика беспощадных избиваний мирных жителей за любую провинность, узаконенная в Бессарабии и других «губернаторствах», сохранилась до последнего дня оккупации.

Гагаузский язык и культура оказались под запретом, каждое публично сказанное слово на гагаузском языке оккупанты расценивали как «оскорбление румынской нации», виновных в этом жандармы и румынские чиновники избивали и предавали суду. Однако моральное сопротивление гагаузов сломлено не было. «Гагаузы, составляющее большинство населения Комрата, – докладывала летом 1942 г. полиция, – люди злые, упрямые, неповинующиеся властям». Румынская контрразведка ССИ причину неповиновения усматривала не в национальной психологии гагаузов, а в социальных и экономических условиях. Крестьян, признано в «Бюллетене контринформации» ССИ, возвращение румын лишило плодов советской аграрной реформы, когда безземельные крестьяне получили наделы, поэтому «национальные меньшинства на юге Бессарабии – гагаузы, болгары, липоване – встретили румынские армии холодно».

Даже в самые трагические для СССР периоды войны они не теряли надежд на победу России. «Болгары и гагаузы, – заключил в июне 1942 г. шеф полиции Бессарабии, – питают явные антирумынские чувства и надеются на возвраще-

ние большевиков». В июле румынская контрразведка вновь упомянула гагаузов среди враждебных румынской власти национальных меньшинств Бессарабии, которые «холодно и с насмешкой» смотрят на мероприятия властей, направленные на румынизацию населения. Вследствие саботажа местных жителей в январе 1943 г. румынское празднество в Комрате пришлось устраивать офицерам и солдатам расквартированного в городе румынского батальона. Учитывая морально-политическое состояние меньшинств, в ноябре 1942 г. оккупанты прекратили допризывную подготовку славянской и гагаузской молодежи. Гагаузов, как и других бессарабцев, мобилизованных в румынскую армию, ее командование избегало направлять на фронт.

Планы депортации национальных меньшинств

Судьба гагаузов, как и русских, украинцев, болгар Бессарабии, казалось, была предрешена «кардинальной задачей» оккупационной политики, курсом Бухареста на тотальную румынизацию оккупированных территорий. Напутствуя 3 июля 1941 г. руководителей оккупационной администрации, вице-премьер Михай Антонеску потребовал «общего национального очищения отвоеванной территории». Предполагалась депортация не только евреев, но и других национальных меньшинств Бессарабии. 8 июля диктатор, намечая украинцев в качестве следующей – после евреев – жертвы геноцида, высказался «за насильственную миграцию [из Бессарабии и Буковины] украинского элемента». 5 сентября на заседании правительства он заявил: «Приступаем к реализации грандиозной задачи по тотальному очищению [Бессарабии] и от евреев, и от всех тех, которые проникли на нашу землю: имею в виду украинцев, греков, гагаузов, евреев, которые все до единого постепенно должны быть эвакуированы». «Таким образом, – продолжил он на следующий день, – я продвигаюсь вперед, в первую очередь, с целью решения славянского вопроса».

Приказом N8542 от 14 сентября 1941 г. И.Антонеску распорядился все русское население Бессарабии, наравне с теми, кто «служил при большевиках», т.е. работниками государственных учреждений, считать «подозрительным». Это был зловещий знак, поскольку ранее, 17 июля, находясь в Бельцах, «правитель» распорядился: «Подозрительных и тех, кто выступает против нас, нужно уничтожать», и это распоряжение выполнялось войсками и полицией с небывалым размахом. От оккупационной администрации диктатор требовал проведения прежде всего антирусской пропаганды. Уже в августе 1941 г., наряду с собственностью евреев, оккупационные власти взяли на учет и предприятия, принадлежавшие другим «меньшинственным» предпринимателям. Доля «миноритарных предприятий» оказалась существенно меньше доли совокупности национальных меньшинств среди населения и составила всего 30,4% (в том числе 20,3% в уездах, входящих в состав Молдавской ССР и 63,7% – в южной Бессарабии). Благосостояние русских, украинцев, болгар, гагаузов было подорвано еще в 20-е – 30-е гг.

В ноябре 1941 г. при беседе с Гитлером в ответ на его заявление «Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян», вице-премьер Румынии М.Антонеску ответил: «... славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьезным биологическим вопросом, связанным с рождаемостью в Европе. Этот вопрос должен быть серьезно и радикально разрешен... По отношению к славянам необходимо занять непоколебимую позицию, а поэтому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории

являются законными актами». Столь полное согласие румынского гостя вдохновило фюрера. «Вы правы, – продолжил он, – славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический... В будущем в Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян». Это был уже инструктаж сателлиту.

Зимой 1941–1942 г. Бухарест уточнял планы депортации национальных меньшинств Бессарабии. Согласно письму министра-государственного секретаря по румынизации от 11 декабря 1941 г., предусматривалось «перемещение» гагаузов на Украину. Депортация гагаузского народа была увязана с осуществлением колонизационных планов румынской администрации. 11 декабря 1941 г. глава ведомства румынизации, колонизации и инвентаря при правительстве Румынии, ссылаясь на указания маршала И.Антонеску, известил губернатора Бессарабии, что в принципе решен вопрос о «перемещении» гагаузов на Украину, поскольку в их селах намечено поселить румынских колонистов из южной Добруджи, возвращенной Болгарии в 1940 г., и арумын (аромунов) – беженцев из Македонии. Губернатору предписали спланировать депортацию гагаузов и определить время ее проведения, с тем чтобы увязать их выселение с колонизационной кампанией, а последнюю – с весенним севом 1942 г.

В конце 1941-начале 1942 г. ведомство румынизации и колонизации Румынии направило специальные комиссии в Дубоссарский, Рыбницкий, Балтский, Ананьевский, Ямпольский, Могилев-Подольский уезды Заднепровья для изучения условий колонизации на месте. Но безлюдных территорий в румынской зоне оккупации не имелось, и 26 февраля 1942 г. И.Антонеску напомнил на заседании правительства о необходимости после «устранения» евреев «избавиться и от других меньшинств – русских, украинцев, болгар, гагаузов». Вопрос о том, от какой национальной группы следует «избавиться» в первую очередь, решен еще не был, но на том же заседании он продолжил: «Мы должны всеми имеющимися средствами осуществлять антирусскую пропаганду». Выступая 11 апреля 1942 г. перед румынскими чиновниками в Бельцах, «правитель» заявил, что «депортация» евреев, является лишь «началом общего национального очищения Бессарабии». Когда представится возможность, подтвердил он, национальные меньшинства Бессарабии будут «устранены».

Депортации, хотя и в меньших размерах, продолжались. Весной 1942 г. развернули работу комиссии по проверке этнического происхождения жителей области. Поскольку в ходе депортации и уничтожения евреев значительная часть их собственности была присвоена румынскими чиновниками и военными и в государственную казну не попала, решено было провести предварительный учет собственности меньшинств. Несмотря на распространение криптоэтничности, было выявлено, что в губернаторстве проживают 702,1 тыс. чел., принадлежащих к национальным меньшинствам; позднее, в мае 1943 г., их собственность была оценена в 3809 миллионов леев. Депортация православных национальных сообществ могла породить в Румынии политические проблемы. Кроме того, она дезорганизовала бы экономическую жизнь Бессарабии. Бухарест осуществлял лишь частичные депортации. Весной 1942 г. немецким оккупационным властям на Украине были переданы более 1400 поляков и украинцев, поселившихся в Буджаке в

1940 г.; была начата подготовка депортации еще 6271 поляка и 8589 украинцев, проживающих, как и болгары, на юге Бессарабии. В августе 1942 г. И.Антонеску распорядился об их заключении в концлагеря Транснистрии. В июне, как отмечено, была начата депортация в Заднестровье цыган Румынии. К концу 1942 г. в концлагеря на Буге были отправлены также 8400 бессарабских цыган.

Тогда же, летом 1942 г., «проблему» этнических меньшинств юга Бессарабии изучал аппарат румынского правительства; шла работа над планом замены этих меньшинств «румынским элементом». В числе прочих, как славяне, выселению подлежали бессарабские болгары. Однако Болгария являлась союзницей Румынии, и «болгарская акция» не могла не ухудшить отношения между Софией и Бухарестом и без того напряженные после «уступки» Румынией Болгарии Южной Добруджи, отобранной у нее после Второй балканской войны 1913 г. Тем не менее Национальный центр румынизации и Министерство иностранных дел Румынии работали над составлением плана «эвакуации» болгарского населения юга Бессарабии. Но самой крупной операцией по уничтожению, подготавливаемой оккупантами, являлось «очищение» от иноэтничного населения Буковины. В ноябре 1942 г. в разгар сражения под Сталинградом Кабинет по управлению Бессарабией, Буковиной и Транснистрией при правительстве Румынии (КББТ) рассматривал вопрос о выселении из Буковины 457 тыс. украинцев.

Несмотря на поражения агрессоров на фронте, планы депортаций оставались в силе и на втором этапе войны. 12 декабря 1942 г., когда румынские войска уже были разгромлены под Сталинградом, глава ведомства румынизации и колонизации Румынии напомнил «правителю» о непременном условии проведения колонизационных мероприятий на Буковине: «С точки зрения национальных интересов, необходимо, в первую очередь, удалить украинское и русинское население», как самое многочисленное. Речь шла о депортации «только» 406,5 тыс. чел. В ответ на письмо министра обороны К.Пантази от 2 декабря 1942 г. о необходимости воодушевить фронтовиков, посулив крупные наделы хотя бы кавалерам ордена Михая Храброго, И.Антонеску указал: «Если выиграем войну, мы эвакуируем из Бессарабии и Буковины всех чуженационалов, и тогда у нас будет 700-800 тыс. га, кроме того, 3 млн. – в Транснистрии». Таким образом, проведение депортаций было поставлено в зависимость от исхода войны.

Губернатор Г.Алексяну предлагал уже к весне 1943 г. закончить очищение от «чуженационалов» приднестровских сел, создав тем самым условия для приема колонистов. «Колония, – вдохновенно писал он «правителю», – должна быть создана из компактного румынского села, из людей, связанных семейными узами, ибо в противном случае румынское население, разбросанное среди другого населения, может потерять свою этническую ценность». И.Антонеску решил, что некоторые из этих мер могут быть осуществлены немедленно. 15 февраля 1943 г. после капитуляции немецких войск в Сталинграде была прекращена допризывная подготовка украинцев, русских, болгар и гагаузов в Бессарабии и Северной Буковине. В апреле по распоряжению диктатора из 6 сел Рыбницкого уезда были выселены 515 украинских семей, в общей сложности более 3000 чел. Их отправили в Очакровский уезд, где к тому времени были уничтожены тысячи евреев и цыган.

Население оккупированных областей не знало содержания правительственной переписки, но постоянные проверки этнического происхождения всех и каждого, учет собственности национальных меньшинств, воспоминания о судь-

бе евреев и цыган создавали вокруг них обстановку обреченности. Уже весной 1942 г. в Бессарабии распространялись тревожные слухи о предстоящей депортации меньшинств за Днестр, а также о том, что в Бессарабию на их место будут привезены румынские колонисты. Это обстоятельство помешало оккупантам выяснить действительный национальный состав населения. «Большинство местных украинцев, бескультурных и частично денационализированных, – высокомерно докладывал в мае 1942 г. шеф полиции Кишинева, – как и лиц иного этнического происхождения, из страха быть подвергнутыми репрессивным мерам (увольнение с работы, лишение прав, перемещение в Заднестровье и т.п.) пытались скрывать свое этническое происхождение при заполнении бюллетеней учета населения или уклонялись от прописки, что особенно осложнило перепись местного населения». 5 октября 1942 г., когда немецкие войска вышли к Волге, шеф полиции Бессарабии доложил в Бухарест: «Кишиневская квестура полиции и полиция Бендер отмечают озабоченность нацменьшинств в связи со слухами, распространенными заинтересованными лицами, будто всех их вместе с семьями вышлют за Днестр [...] Среди русских в последнее время заметна живая тревога, вызванная страхом быть отправленными в Транснистрию. Такое настроение сложилось главным образом в результате осуществления некоторых мероприятий властей, как-то: инвентаризация имущества русского населения и запрещение под угрозой наказания разговаривать по-русски. Тем не менее это национальное меньшинство в семейном кругу, среди приятелей и знакомых и, что самое опасное, в общественных местах, не стесняясь, разговаривает по-русски». Последнее оккупанты обоснованно считали актом морального сопротивления.

Как достижение оккупационной политики сигуранца Бессарабии отметила в январе 1943 г.: «Поскольку недавно распространился слух, что меньшинства будут высланы в Транснистрию, замечено, что очень многие из них пытаются доказать свое молдавское происхождение». Отметим: все-таки не «румынское». Но «проблема» национальных меньшинств, казалось, решалась и без депортаций. Вследствие высокой смертности населения и распространения криптоэтничности совокупная численность национальных меньшинств Бессарабии за два года оккупации сократилась почти на 10%. В августе 1943 г. она составляла всего 673,6 тыс. чел.; в наибольшей степени, на 20%, официально сократилась численность русских – с 158,1 тыс. до 132,8 тыс. чел. Опасались депортации и болгары, но они надеялись, что их вышлют не в концлагеря на Буге, а в Болгарию. Поэтому «румынами» объявили себя только немногие болгары-коллаборационисты.

Запретный язык, одежда, обувь ...

Совместная защита функционального пространства русского языка уже в 1918–1940 гг. являлась выражением духовного единства народов Бессарабии, их общего протеста против политики румынизации. Но оккупационная политика, ознаменованная уничтожением целых национальных сообществ и террором даже более массовым, чем при подавлении восстаний 1919 и 1924 гг., была призвана подавить также бессарабские традиции языкового поведения.

Однако оккупанты были вынуждены считаться с языковой ситуацией. 22 июня – 22 августа 1941 г., когда на территории Молдавии шли бои, отдел пропаганды генштаба румынской армии организовал на русском языке 138 радиопередач, 21 комментарий по поводу важных событий, 117 призывов, 257 информации о положении на фронте, 18 призывов к военнопленным; были сброшены

с самолетов 10 названий листовок на русском и всего 6 – на румынском языке. Для населения Заднепровья на румынском и украинском языках было отпечатано «Распоряжение №7». В дальнейшем подобные распоряжения печатались на румынском, немецком и русском языках либо на двух – румынском и русском. Делопроизводство на местах велось на русском языке, в уездных центрах – на русском и румынском, и только отчетная документация губернаторства составлялась только на румынском языке.

Учитывая национальный состав населения и языковые реалии, в Транснистрии оккупанты воздержались от перевода на румынский язык всей печати. Из 17 газет и журналов, издававшихся здесь с ноября 1941 по ноябрь 1943 г., 12 выходили на русском языке и 5 на румынском. В школах допускалось преподавание на русском и украинском языках, но одновременно шла подготовка к румынизации обучения. «В каждую миноритарную (с преподаванием на русском или украинском языках. – П.Ш.) школу, – докладывал в феврале 1942 г. префект Дубоссарского уезда, – назначен учитель-молдаванин, чтобы, как только ученики усвоят румынский язык, мы смогли превратить эти школы в румынские». Всего в Транснистрии, где, по данным губернаторства, до войны имелись 152 молдавские школы, к лету 1942 г. действовали 293 румынские. В 1942–1943 учебном году румынские школы были открыты во многих украинских селах; общее их число возросло до 379. В целях румынизации взрослого населения оккупационные власти все более активно использовали церковные структуры, о чем будет сказано далее.

В Бессарабии условия функционирования русского языка, созданные в 20-е –30-е гг., были ужесточены декретом-законом №793 от 5 сентября 1941 г. и принятыми 26 мая 1942 г. правилами его применения. Оккупанты не допустили открытия ни одной школы с обучением на русском языке, не позволили учредить ни одной русской газеты. 5 ноября 1941 г. командование оккупационных войск распоряжением №5 запретило разговаривать в общественных местах «на языке врага» под угрозой тюремного наказания. 15 ноября специальным распоряжением №24 запретил пользоваться русским языком служащим и торговцам и губернатор Бессарабии К. Войкулеску. Оно гласило: «Ст. 1. Запрещается служащим разговаривать на иностранном языке во время службы, за исключением случаев, предусмотренных законом или правилами. Запрещается работникам частных предприятий общественного назначения разговаривать на иностранном языке в присутствии публики, которую они обслуживают». Персоналу торговых предприятий было запрещено разговаривать на «иностранном» языке во время торговых операций, а уличным торговцам – выкрикивать на «иностранном» языке названия товара. Наиболее одиозным было объявление: «Окончательно запрещается ношение русских шапок». За нарушение запрета предусматривалось тюремное заключение сроком до двух лет. На виновного мог быть наложен также штраф в размере до 20 тыс. леев (это была трехмесячная заработная плата квалифицированного рабочего); специально на запугивание служащих был рассчитан запрет виновным в разговорах на русском языке «занимать общественные посты» в течение 6 лет. Как свидетельство «русизма», наличия у молдаван прорусских настроений, оккупанты усматривали также в ношении «русских» сапог.

В Бессарабии политику запрета русского языка поддерживали колонисты-румыны. Миграционный поток 1940 г. и выселение политически сомнительных лиц, проведенное советскими властями 15–18 июня 1941 г., мало затронули им-

мигрантов из-за Прута, укоренившихся в Бессарабии в 20-е – 30-е гг. В августе 1941 г. в Бессарабии были учтены 100,7 тыс. чел., родившихся в «других провинциях Румынии». Подавляющее их большинство были румыны, и проживали они в основном в городах. В Кишиневе они составляли 22, в Бельцах – 26, в Бендерах – 12 процентов населения. Рычагом румынизации являлся также административный аппарат. Его формировали путем перевода в оккупированную область служащих из учреждений Румынии. «Большое число служащих, преподавателей и коммерсантов из Старого Королевства и даже из Трансильвании, – отмечено в отчете губернаторства «Бессарабия» за 1942 г., – прибыло в Бессарабию, чтобы укомплектовать кадры государственного аппарата и торговли». Кишинев в печати характеризовали как чиновничий город. Румыны русского языка не знали, были, как правило, настроены шовинистически и следили за тем, чтобы на русском языке не говорили публично местные жители.

Политически русское сообщество Бессарабии не было едино. Политически активная часть русской интеллигенции бежала за Днестр еще в 1918-1920 гг. Ее сменили «белые» беженцы. «Русские эмигранты, из которых в основном и состоит местная русская интеллигенция, – отметил в декабре 1941 г. шеф полиции Кишинева Григоре Петряну, – не смогли преодолеть отчуждения по отношению к рабочим, ремесленникам, глубоко проникшимся идеями коммунизма, они изолированы от населения русских сел. Поэтому организовать в общину с культурными, благотворительными, спортивными обществами русские не смогли». В начале фашистской оккупации некоторые из бывших белогвардейцев выражали радость по поводу «поражения коммунизма». Но и они продолжали говорить по-русски, а к оккупационной политике относились все более критически. Дабы лишить русских остатков интеллигенции, румынские власти осуществили ее скрытую депортацию. Русские служащие, увольняемые из государственных учреждений, были вынуждены покинуть Бессарабию. Большинство их, отметил кишиневский областной инспектор полиции, нашли работу в учреждениях Транснистрии. Отныне они не могли чинить препятствия политике румынизации Бессарабии даже своим присутствием.

Специальные меры осуществили оккупанты по подрыву позиций русской культуры. Полиция изыкала у населения всю литературу на русском языке, включая дореволюционные издания. В Кишиневе были уничтожены либо вывезены в Бухарест 1200 тыс. томов – книжный фонд Института истории, экономики, языка и литературы Молдавии, включавший большое количество книг на основных европейских языках; в Тирасполе оккупанты сожгли фонды городской библиотеки – 250 тыс. томов, в Бельцах, по сообщению полиции, было сожжено 15 вагонов книг, отобранных у населения уезда. Уже к середине августа 1941 г. «множество библиотек» собрала полиция у населения города Бендеры. Губернатор К.Войкулеску потребовал сдать также грампластинки с русскими песнями, особо упомянув в циркуляре песни из кинофильмов «Веселые ребята», «Цирк», «Дети капитана Гранта». 4 декабря Войкулеску разослал как циркуляр письмо директора бухарестского музея «Александру Сент Джордж», просившего об изъятии и передаче в музей культурных ценностей «освобожденной провинции». Грабеж был мотивирован политически: «Существуют библиотеки, архивы, музеи, содержащие портреты, предметы искусства, бюсты, фотографии, аппликации, архивы, оружие, костюмы, униформы, значки, наградные знаки, знамена, монеты, медали, весовые меры, включая предметы еврейского культа из еврей-

ских общин и прочее. Все эти предметы, если они останутся там, где находятся сегодня, лишь будут поддерживать ирредентизм против нашей страны».

Свой вклад в языковые гонения внесла и румынская армия. 16 декабря 1941 г. командующий румынскими войсками в Бессарабии дивизионный генерал Василе Атанасиу издал распоряжение №5, озаглавленное «Уважение национального чувства», в котором запрещал населению «разговор на языке наших врагов, а также любые выступления против румынского языка». За публичное использование русского языка генерал грозил тюремным заключением на срок от 1 до 4 лет, штрафом на сумму от 5000 до 50 000 леев и другими наказаниями. Годовщину начала войны против России генерал отметил публикацией 22 июня 1942 г. приказа №6, представляющего собой свод наказаний, предусмотренных за различные нарушения оккупационного режима. Кары за публичный разговор на русском языке были ужесточены. «Разговор на языке врага в общественном месте» расценивался как проявление «неуважения к румынскому национальному чувству. Наказание за это «преступление» было увеличено с двух до трех лет тюремного заключения, а штраф – вдвое, с 50 000 до 100 000 леев. В начале 1943 г. запрет публично разговаривать на русском языке был «обновлен» постановлением №9 командования территориального корпуса. Языковые гонения усиливали ненависть к оккупантам, однако, отмечала сигуранца, антирумынского шовинизма среди русского населения не возникло.

На депортации делали оккупанты главную ставку и в политике румынизации «населения и территории» к востоку от Днестра. На заседании правительства 26 февраля 1942 г. И.Антонеску выразил решимость в целях румынизации Транснистрии выселить «чуженациональное» население также из этой области. Как отмечено, туда наряду с функционерами-румынами было направлено немало служащих из Бессарабии, знавших русский язык. Однако бессарабские молдаване, включенные в состав оккупационной администрации Заднепровья, мало подходили для проведения политики румынизации. «Хотя они обычно не проявляли симпатий ни к царизму, ни к большевизму, – отметил американский историк Александр Даллин, – они довольно тепло относились к русским, говорили на их языке и придерживались взгляда, что установить умиротворение или длительный порядок без поддержки местного населения невозможно». В сложном положении оказались русские функционеры румынской администрации, прибывшие в Заднепровье из Бессарабии. Население видело в них изменников, и, по сведениям сигуранцы, относилось к ним очень враждебно. Но румынский язык они местным жителям не навязывали.

Анализ национальной политики, высказываний диктатора Румынии и должностных лиц румынской администрации, а также планов, разрабатываемых КББТ и другими правительственными структурами Бухареста, свидетельствуют о решимости оккупантов тем или иным образом избавиться от русских, украинцев, гагаузов и болгар Бессарабии, Буковины и Буго-Днестровского междуречья. Осуществляя меры по их румынизации, оккупанты проводили подготовку их массовой депортации. В конечном счете, судьба славян и гагаузов областей, оккупированных румынскими войсками, определялась исходом вооруженного сопротивления на советско-германском фронте.

**Мы помним.
Мы не позволим забыть!**

«Русское слово»

подписной индекс

21555

